

**АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИЙ
ИСТОЧНИКОВ
ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ**

ДНЕПРОПЕТРОВСК, ДГУ, 1978

Печатается по решению редакционно-издательского совета ДГУ

В сборнике рассматриваются археографические публикации отдельных видов письменных источников по отечественной истории, преимущественно по истории Украины, в том числе осуществленные советскими историками и археографами. Особое внимание уделено археографическим изданиям по освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг., русско-украинским связям в этот период и историческому акту воссоединения Украины с Россией, 325-летний юбилей которого отмечается в 1979 г. В статьях показана роль советских и русских дореволюционных историков (В. Н. Татищева) в археографической деятельности и источниковедческих изысканиях. Рассмотрены публикации источников по социально-экономической истории, деятельности братств, различным проявлениям классовой борьбы (гайдамацкое движение), исследована основа повествовательных источников (летописей и мемуарной литературы XVII в.). В сборнике впервые вводится в научный оборот эпистолярное наследие С. М. Строева.

Сборник рассчитан на преподавателей и студентов исторических факультетов вузов, специализирующихся в области источниковедения, историографии, археографии.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доцент Н. П. Ковальский (ответственный редактор), доцент В. И. Шевцов (зам. ответственного редактора), доцент, А. Г. Болебрех, ст. препод. А. К. Швидько (ответственный секретарь).

Днепропетровский государственный университет, 1978

Н. Ф. КУЧЕРНЮК
И. П. КОВАЛЬСКИЙ

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ О РУССКО-УКРАИНСКИХ
СВЯЗЯХ ПЕРИОДА ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ УКРАИНСКОГО
НАРОДА 1648—1654 гг. В АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПУБЛИКАЦИИ
«ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ» (т. II—III)**

В советское время значительно расширилась база исследований по истории освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. и русско-украинским политическим связям. Советские публикации документальных источников отличаются актуальностью, достоверностью и правдивым освещением фактов и исторических событий на основе марксистско-ленинской методологии¹.

Интерес к исследованию проблем русско-украинских взаимоотношений в годы освободительной войны украинского народа (1648—1654 гг.) определяется, во-первых, политической значимостью вопроса об исторических корнях дружбы и единства двух братских народов, стремлением украинского народа к воссоединению с Россией, которое «было обусловлено многовековым развитием экономических, политических и культурных связей Украины с Россией и отвечало коренным интересам и чаяниям обоих народов»²; во-вторых, необходимостью разоблачения фальсификаций украинских буржуазных националистов, извращающих историю освободительной войны украинского народа, в том числе и характер русско-украинских связей. Буржуазно-националистические историки замалчивали факты, свидетельствующие о тяготении широких слоев населения Украины к воссоединению с Россией, историю дипломатических связей Б. Хмельницкого с русским правительством и его представителями на местах, неоднократные посольства из Украины в Москву и проводимые в 1649—1654 гг. переговоры между украин-

скими и русскими дипломатами о воссоединении Украины с Россией.

Научный анализ источников по русско-украинским политическим отношениям в их совокупности имеет большое значение в исследовании различных проблем истории Украины, которая тесно, неразрывно и органически связана с историей великого братского русского народа.

С предельной четкостью В. И. Ленин еще в 1917 г. в статье «Украина» сформулировал основные, исторически сложившиеся черты общности русского и украинского народов, «столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»³.

Изучение этого исторического периода позволяет глубже понять и проанализировать причины, характер, движущие силы освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. и установить историческую закономерность и объективную необходимость воссоединения Украины с Россией.

Существенное расширение источниковой базы исследований по истории освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. и русско-украинским связям стало возможным благодаря трехтомной археографической публикации «Воссоединение Украины с Россией»⁴ к 300-летию воссоединения Украины с Россией. Это издание источников было подготовлено большим творческим коллективом историков, архивистов, археографов. Научное руководство публикацией осуществляли Институт истории АН СССР и Институт истории АН УССР. В составе редакционной коллегии этого монументального издания были крупные советские историки Л. В. Черепнин, А. А. Новосельский, А. Л. Сидоров, Ф. П. Шевченко, Л. П. Гудзенко, А. К. Касименко. В трехтомнике помещено 747 документов, более половины из которых ранее не публиковались и впервые были введены в научный оборот. Источники, напечатанные в 1-м томе этого сборника, рассмотрены и проанализированы в первой части исследования Н. П. Ковальского (1977 г.) по источниковедению истории Украины XVI—I пол. XVII в., а также в ряде рецензий на трехтомник, напечатанных вскоре после его выхода⁵.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы установить круг изданных в этой монументальной археографической публикации источников по русско-украинским связям в период освободительной войны украинского народа, подготовившим исторический акт воссоединения Украины с Россией, и произвести их соответствующую классификацию по видам, те-

матике и другим признакам. Осуществление классификации является не формальным методическим приемом, а важнейшим этапом научного осмысления источников, обобщения, синтезирования их многочисленного разнообразия.

К исследуемой теме относятся II том этой публикации (1648—1651 гг.), включающий 212 документов, и III том (1651—1654 гг.) — 252 документа. В указанных двух томах «Воссоединения Украины с Россией» основное внимание составителей и профиль публикации направлены на освещение истории русско-украинских взаимосвязей в годы освободительной войны украинского народа и установление закономерностей воссоединения двух братских народов.

Документы в томах расположены в хронологической последовательности и опубликованы на языках подлинников. Кроме того, оригиналы на польском и латинском языках приводятся в синхронном переводе на русский язык. Подробные и точные археографические легенды (с указанием лишь названий фондов) раскрывают не только место хранения, но и все предыдущие публикации документов.

Следует отметить, что составители II и III томов сборника «Воссоединение Украины с Россией» проверили и уточнили по оригиналам или копиям тексты почти всех документов, вошедших в эту публикацию. Не были сверены по оригиналам в архивах перепечатанные во II и III томах «Воссоединения...» документы из следующих изданий:

1) Акты Юго-Западной России (далее — Акты ЮЗР) — т. III — письмо А. Киселя 18. III. 1648 г. путивльскому воеводе Ю. Долгорукому с просьбой сообщить царю о появлении в Запорожье восставших казаков во главе с Б. Хмельницким («Воссоединение...», т. II, № 5, с. 13—14);

2) Акты ЮЗР, т. X — «лист», посланный 8. XI. 1653 г. Б. Хмельницким из-под Бара русским послам В. Бутурлину, И. А. Алферьеву и Л. Лопухину с сообщением о получении царской грамоты и с просьбой ожидать его в Переяславе до окончания военных действий («Воссоединение...», т. III, № 210, с. 497—498);

3) «Памятники» Киевской археографической комиссии, 2-е изд., т. 1, откуда почерпнуты следующие документы:

а) письмо коронного гетмана Н. Потоцкого 21. III. 1648 г. королю Владиславу IV о начале восстания на Украине и о требовании Б. Хмельницкого вывести войска, восстановить вольности казацкие («Воссоединение...», т. II, № 6, с. 15—19);

б) письмо брацлавского воеводы А. Киселя 31. III. 1648 г. архиепископу М. Лубенскому о победах восставшего народа,

участии в восстании крестьян, казаков, мещан и о мерах борьбы против них («Воссоединение...», т. II, № 10, с. 25—30);

в) о сношениях Б. Хмельницкого с Русским государством и о количестве казацкого войска (из донесения Д. Заславского в июле 1648 г., «Воссоединение...», т. II, № 35, с. 67, 68);

г) показания казацкого разведчика Я. Концевича 31. VII. 1648 г. о помощи мещан и крестьян восставшим в их борьбе против польской шляхты и о намерениях Б. Хмельницкого воспользоваться помощью донских казаков («Воссоединение...», т. II, № 36, с. 68—71);

4) «Киевская старина», 1884, ноябрь — «лист» Б. Хмельницкого царю Алексею Михайловичу с выражением дружественных отношений украинского народа к русскому («Воссоединение...», т. II, № 160, с. 373).

Наибольший интерес в данных двух томах представляют неопубликованные ранее документальные материалы, которые по их происхождению и месту хранения могут быть разделены на две группы: источники, почерпнутые преимущественно из русских архивных фондов (ЦГАДА) и в украинских архивохранилищах (рукописных отделах библиотек Института истории АН УССР и Львовской научной библиотеки АН УССР).

Всего во II томе напечатано 114 впервые опубликованных источников, в III — 175, которые соответственно составили 53,7 и 68,6% ко всем, помещенным в этих томах.

Из фондов ЦГАДА впервые во II томе опубликовано 112 документов, в III — 175, соответственно 99,3 и 100% источников, введенных в научный оборот в данных томах.

Документы, почерпнутые в ЦГАДА, составляют четыре большие группы, исходя из тех архивных фондов, в которых они отложились.

Первая группа представлена документами Посольского приказа — их во II томе — 120, в III — 161, что составляет 56,6 и 63,9%, большинство из которых — столбцы ф. 79 («Сношения России с Польшей») за 1648—1654 гг. — 167 документов (в т. II: № 1, 2, 4, 11, 17, 21, 27, 29—31, 33, 37, 54—56, 62, 65, 67, 69—70, 74, 78, 83, 94, 95, 99, 100, 107—109, 111—115, 122, 133—135, 137, 144, 145, 148, 150, 157—159, 165, 168, 176, 184, 186, 189, 192, 194—201, 203, 204, 206, 207, 210; в т. III: 1—5, 8—9, 12—22, 26—29, 40, 46, 54, 56, 57, 59, 60, 63, 64, 66, 67, 69—75, 77—84, 86—88, 90, 91, 93—95, 97—99, 102—107, 110, 112—114, 116, 118—120, 123—131, 134—136, 140, 141, 144, 151, 155, 172—180, 197), Ма-

лороссийские дела (ф. 124) — 71 документ (в т. II: № 16, 26, 32, 35, 39, 41, 79, 80, 84, 87—92, 102, 142, 163, 169, 177, 178, 209, 212; в т. III: № 6, 11, 23—25, 34, 41, 52, 53, 61, 62, 85, 101, 111, 115, 121, 133, 138, 153, 156, 181, 191, 194—196, 198, 201, 202, 205, 208, 209, 221, 225, 226, 229, 235, 236, 239, 240, 243—251).

Из Посольского приказа почерпнуты Малороссийские грамоты—16 док. (т. II: № 12, 13, 20, 25, 34, 116, 162, 166, 167, 205; т. III: № 58, 108, 109, 230, 242, 252); Греческие дела — 14 док. (т. II: № 44, 46, 48, 72, 101, 143, 146, 190, 191; т. III: № 10, 117, 132, 143, 238); Донские дела—6 док. (т. II: № 147, 152—154; т. III: № 188, 241); Сношения России с Молдавией — 2 док. (т. II: № 139, 208); Сношения России с Крымом — 2 док. (т. II: № 139, 208); Сношения России с Турцией— 1 док. (т. II, № 180); Сношения России с Грецией — 1 док. (т. II, № 76); Приказные дела старых лет (ф. 141) — 1 док. (т. II, № 98).

Вторую группу составляют документы Разрядного приказа (ф. 210), их во II томе — 42, в III — 40, что составляет соответственно 19,8 и 11,4% введенных в данную публикацию документов ЦГАДА. Большинство из них — столбцы Белгородского стола— 41 док. (т. II: № 51, 73, 86, 103, 105, 106, 119, 121, 123, 125, 127—129, 138, 140, 141, 149, 151, 155, 156, 161, 164, 193; т. III: № 7, 30—32, 35—37, 39, 42, 43, 47—49, 51, 55, 65, 92, 222); Московского стола—19 док. (т. II: № 3, 7—9, 14, 19, 22—24, 28; т. III: № 122, 137, 139, 145, 167, 168, 170, 171, 211); Севского стола — 10 док. (т. II: № 57, 63, 75, 82, 187; т. III: № 50, 76, 142, 146, 223); Приказного стола — 9 док. (т. II: № 120, 130, 136, 202; т. III: № 44, 45, 89, 96, 100); Разрядный приказ столбцы дополнительного отдела 74—2 док. (т. III: № 166, 207); Поместный стол (т. III, № 187).

Третья группа представлена документами Малороссийского приказа (ф. 29). Их во II томе — 27, в III — 41, т. е. соответственно 2,8 и 16,3% включенных в публикацию документов ЦГАДА (т. II: № 42, 43, 45, 49, 71, 81, 93, 97, 104, 110, 117, 118, 124, 126, 131, 132, 171—175, 179, 181, 182, 185, 188; 211; т. III: № 33, 68, 147—150, 152, 154, 157—161, 163—165, 169, 182, 184, 185, 189, 190, 192, 193, 200, 206, 212—220, 224, 227, 228, 231, 232).

Особую четвертую группу составляют документы Сибирского приказа (ф. 214) — 8 док. (т. II: № 52, 58—60, 64, 66, 68, 77), «разбитые столбцы» этого же приказа — 3 док. (т. II: № 50, 53, 61).

Кроме того, использованы коллекции рукописей ЦГАДА: собрания Ф. Ф. Мазурина (ф. 196) — 3 док. (т. III: № 162, 183, 186) и портфели Г. Ф. Миллера (ф. 199) — 2 док. (т. III: № 199, 203).

Отдельные документы были почерпнуты в украинских архивохранилищах — библиотеке Института истории АН УССР. (копия записок М. Голиньского) — 3 док. (т. II: № 38, 47, 183) и Львовской библиотеке АН УССР (№ 5769/III) — 1 док. (т. II, № 170).

По видовым признакам и по форме помещенные во II и III томах трехтомника «Воссоединение...» сохраняющиеся в ЦГАДА источники составляют следующие группы:

1) документы Земских соборов 1651 и 1653 гг. по вопросу о воссоединении Украины с Россией (т. III: № 1 и 197), в особенности большую ценность представляет подробная запись в документах Посольского приказа о Земском соборе 1. X. 1653 г. (т. III, № 197);

2) грамоты русского правительства русским порубежным воеводам, Богдану Хмельницкому, Войску Донскому, волошскому воеводе Матвею и молдавскому воеводе Стефану, посылаемые из Посольского и Разрядного приказов воеводам, а также царский наказ об отпуске и выдаче жалованья украинским посланцам — 57 док. (т. II: № 23, 58, 61, 64, 69, 80, 89—91, 101, 110, 134, 171, 172, 174, 176, 185, 188; т. III: № 9, 32, 35, 36, 40, 42, 44, 45, 73, 83, 84, 99, 113, 125, 127, 159—161, 169, 171, 173, 191—193, 196, 198, 199, 204, 206, 218, 228, 233, 234, 239, 241, 247—249, 251);

3) приказная документация: памяти, выписки из дел, докладные выписки из Разрядного приказа, записки о приеме послов, вестовой список послов — 34 док. (т. II: № 44, 53, 63, 87, 88, 98, 108, 109, 129, 137, 169, 177, 178, 209; т. III: № 6, 22, 26, 28, 29, 33, 41, 50, 63, 111, 121, 126, 152, 154, 158, 187, 190, 200, 223, 240);

4) отписки порубежных русских воевод, а также некоторых других официальных лиц в Москву. Это самая большая группа источников в данной публикации, представлена во II томе 93 позициями, из них 90 отписок 15 русских воевод: Хотмыжского, Бобрицкого, Белгородского, Севского, Путивльского, Недригайловского, Брянского, Яблоновского, Трубчевского, Великолуцкого, Калужского, Вольновского, Рыльского, Вяземского, Корочанского (№ 1—4, 7—9, 11, 14, 17, 19, 21, 22, 24, 28—30, 33, 37, 41—43, 45, 49, 51, 54, 55, 57, 62, 65—67, 73, 75, 77—79, 81—83, 86, 92—95, 102—105, 111, 113—115, 119—125, 127, 130, 132, 136, 138, 141—143,

145, 148, 149, 151, 154, 155, 159, 164, 175, 179, 182, 186, 187, 192, 194, 196, 197, 199, 202, 203, 207, 210), а также 2 отписки русских послов на Украине (№ 66, 182) и одна войсковая отписка Донского Войска (№ 152); в III-м томе— 66 позиций, из них 58 отписок 11 русских воевод: Белгородского, Севского, Торопецкого, Путивльского, Брянского, Каменского, Яблоновского, Хотмыжского, Калужского, Вольновского, Ольшанского (№ 7, 8, 18—21, 31, 43, 46, 47, 49, 51, 54—57, 62, 72, 79—81, 85, 89, 90, 92, 95—97, 100, 102, 104, 105, 107, 119, 122—124, 129, 131, 134—137, 139—142, 146, 167, 168, 170, 172, 175, 189, 207, 211, 237), а также 7 отписок русских послов на Украине (№ 201, 202, 208, 215, 219, 220, 224) и одна войсковая отписка Донского Войска (№ 188).

Из многочисленных отписок русских воевод по общности тематики можно выделить три основные группы, освещающие следующие вопросы: а) военно-политические события на Украине, непосредственное участие русского населения в борьбе украинского народа против польско-шляхетских войск, стремление украинского народа к воссоединению с великим русским народом (т. II: № 9, 11, 14, 15, 21, 22, 24, 28, 29, 41—43, 45, 49, 67, 77—79, 83, 86, 93, 102, 103, 105, 111, 114, 115, 119—121, 123, 125, 127, 132, 138, 141, 143, 145, 148, 149, 151—155, 159, 164, 175, 179, 182, 192, 199, 202, 203, 207, 210; т. III: № 7, 8, 18, 19, 20, 21, 31, 43, 46, 47, 49, 51, 54—57, 69, 72, 79—81, 85, 89, 95, 97, 102, 107, 119, 122—123, 129, 134—136, 139, 142, 168, 170, 172, 175, 189, 211);

б) массовые переселения украинцев в Россию (т. II: № 2, 4, 19, 30, 37, 54, 62, 75, 81, 84, 92, 94—96, 113, 122, 124, 186—187; т. III: № 62, 90, 96, 100, 104, 105, 141, 146, 237);

в) экономические связи Украины с Русским государством (т. II: № 1, 3, 33, 51, 57, 65, 73, 104, 130, 136, 142, 194, 197; т. III: № 92, 124, 131, 137, 140, 167, 207);

5) расспросные речи в Посольском, Разрядном приказах и других официальных учреждениях, касающиеся военных событий на Украине и стремлений украинского народа к воссоединению с русским народом — всего 27 записей (т. II: № 16, 31, 48, 70, 140, 146, 153, 157, 163; т. III: № 3, 4, 12, 15, 34, 48, 53, 65—67, 91, 103, 151, 174, 180, 222, 238);

6) челобития в Разрядный приказ, касающиеся украинских переселенцев в Россию, о помощи оружием для Украины и др. — 7 док. (т. II: № 128, 161; т. III: № 5, 76, 144, 157, 242);

7) документы внешнеполитической деятельности русского правительства: статейные списки русских посольств на Украине: в 1649 г.—Григория Унковского, Арсения Суханова, Григория Неронова, Григория Богданова, Василия Унковского, в 1653 г. — Артамона Матвеева, Ивана Фомина, Родиона Стрешнева, Мартемьяна Бредихина и Василия Бутурлина — 8 док. (т. II: № 60, 76, 118, 181; т. III: № 166, 181, 195, 205), среди которых особую ценность имеет статейный список посольства В. В. Бутурлина, содержащий обстоятельное описание знаменитой Переяславской рады, единодушно одобрившей воссоединение Украины с Россией; указы Посольского приказа русским послам, направляющимся к Богдану Хмельницкому — 11 док. (т. II: № 39, 59, 117, 173, 189, 211; т. III: № 52, 68, 115, 194, 231); сводные данные о приведении к присяге населения Украины на верность Русскому государству — 3 док. (т. III: № 203, 226, 232); ответные письма представителей русского правительства к Б. Хмельницкому — 6 док. (т. II: № 26, 39; т. III: № 164—165, 246, 250); материалы русских посольств в Польшу по вопросу Украины: Григория Кунакова, Григория и Степана Пушкиных, Афанасия Прончишева, Алмаза Иванова, Бориса Репнина-Оболенского — 7 док. (т. II: № 133, 135, 144; т. III: № 82, 155, 156, 179); статейные списки русских послов в Крым — 2 док. (т. II: № 139, 208).

8) послания Б. Хмельницкого русскому правительству — 26 док. (т. II: № 12, 52, 68, 74, 126, 160, 190, 191; т. III: № 11, 77, 86, 133, 147—150, 184, 185, 221, 225, 235, 236, 243, 252); патриарху Никону — 2 док. (т. III: № 183, 186); послание Б. Хмельницкого русским воеводам — 36 док. (т. II: № 13, 20, 25, 32, 34, 106, 112, 116, 131, 162, 167, 193, 195; 205, 206; т. III: № 58, 60, 64, 70, 74, 78, 88, 93, 94, 98, 106, 109, 110, 114, 117, 120, 128, 130, 143, 177, 182); послания Б. Хмельницкого и его полковников с театра военных действий русским послам на Украине — 9 док. (т. III: № 209, 210, 212—214, 216, 217, 227, 230); письма Б. Хмельницкого Войску Донскому — 2 док. (т. II: № 147, 158); его же письмо 21. III. 1654 г. своим посланцам, направляемым в Москву по вопросу получения привилегий от русского правительства (т. III, № 244);

9) переписка гетманского управления с русскими порубежными воеводами — 21 док. (т. II: № 27, 56, 71, 96, 97, 100, 156, 168, 198, 200, 201; т. III: № 14, 27, 30, 37, 39, 112, 116, 118, 145, 178);

10) послания Б. Хмельницкого, передаваемые через русских гонцов, находящихся на Украине, а также посредством влиятельных деятелей православной церкви из Балканского полуострова и Ближнего Востока, проезжавших через Украину в Россию — 7 док. (т. II: № 72, 107; т. III: № 10, 23—25, 132);

11) гетманский универсал о предоставлении русским послам продовольствия, подвод, проводников (т. III, № 71) и окружная грамота митрополита С. Коссова о содействии русским людям, возвращающимся на родину из турецкого плена (т. III, № 108);

12) послания духовных лиц из Украины русскому правительству в Посольский приказ — митрополита С. Коссова, игумена Мгарского Лубенского монастыря (т. II: № 84, 99, 166; т. III, № 75);

13) материалы посольств украинских дипломатов, направленных в Москву по вопросу воссоединения Украины с Россией: в 1649 г.—Силуяна Мужиловского и Федора Вешняка, в 1651 г.—Михаила Суличича, Семена Савича, в 1652 г.—Ивана Нискры, Самойла Богдановича, в 1653 г.—Кондратия Бурляя и Силуяна Мужиловского—10 док. (т. III: № 46, 50, 88, 212; т. III: № 61, 101, 138, 153, 162, 163).

14) «Мартовские статьи» (или «Статьи Богдана Хмельницкого»), утвержденные царем и Боярской думой, определяющие положение Украины в составе Русского государства, 21 марта 1654 г. (т. III, № 245);

15) документы правительства Речи Посполитой, его письма русскому правительству и русским воеводам, а также записи в Посольском приказе переговоров с польскими послами — 5 док. (т. II: № 5, 165, 184; т. III: № 16, 87); письма, реляции, донесения представителей польской администрации о военно-политических событиях на Украине — 7 док. (т. II: № 6, 10, 18, 35, 40, 85, 170); показания казацкого разведчика (т. II, № 36) и пленных казаков (т. II, № 38); выделяются отдельные источники мемуарного жанра — дневник львовского подкомория В. Маяковского (т. II, № 47), отрывок записок краковского мещанина М. Голинского (т. II, № 183) и диариуша С. Освенцима (т. III, № 38).

Помещенные во втором и третьем томах «Воссоединения...» документы распределяются по годам следующим образом:

ГОДЫ	КОЛИЧЕСТВО ДОКУМЕНТОВ	ГОДЫ	КОЛИЧЕСТВО ДОКУМЕНТОВ
1648	47	1651	84
1649	86	1652	64
1650	71	1653	83
		1654	29

Наряду с напечатанными в томах текстами источников в примечаниях (т. II: № 2, 21, 44, 45, 48, 50, 53, 62, 94, 95, 97, 102, 114, 129, 131, 135, 149, 154, 160, 166, 174, 176, 178, 179, 183, 210; т. III, № 14) сделаны многочисленные ссылки на документы ЦГАДА о связях между Россией и Украиной, что способствовало введению их в научный оборот.

В целом необходимо отметить, что рассматриваемая археографическая публикация включает разнообразные источники, главным образом документальные, которые освещают различные аспекты русско-украинских связей и взаимоотношений, убедительно свидетельствуют, что их закономерное развитие объективно привело к историческим решениям Земского собора 1. X. 1653 г. и Переяславской рады 8. I. 1654 г. о воссоединении Украины с Россией. Высокий уровень издания определяется также и оформлением научно-справочного аппарата, который включает историческое, источниковедческое и археографическое введение (в 1-м томе к документам трехтомника в целом), подробные комментарии, словарь малоупотребляемых слов и выражений, именные и географические указатели. Таким образом, можно без преувеличения констатировать выдающуюся роль этой археографической публикации как основы для глубоких исследований истории освободительной войны украинского народа и воссоединения Украины с Россией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сергієнко Г. Я. До питання про критерії актуальності документальних публікацій. — Архіви України, 1974, № 1, с. 12.
2. Тезиси о 300-лєтнї воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.). Одобрєны ЦК КПСС. — М.: Госполитиздат, 1954, с. 5.
3. Лєпчин В. И. Украина. — Полн. собр. соч., т. 32, с. 342.
4. Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы в 3-х томах. — М.: Изд-во АН СССР, 1953.
5. Ковальський Н. П. Источниковедение истории Украины (XVI—первая половина XVII в.), ч. I. Анализ советских археографических публикаций документальных источников. / Днепропетровский госуниверситет — Днепропетровск: ДГУ, 1977, с. 35—46; Бойко И., Гуслистый К., Дациук Б., Калашникова С. Сборник документов о воссоединении

Украины с Россией. — Коммунист, 1954, № 2, с. 108—111; Козаченко. А. И. Ценное собрание источников воссоединения Украины с Россией. — Вопросы истории, 1954, № 5, с. 145—151.

А. Г. БОЛЕБРУХ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В. Н. ТАТИЩЕВЫМ ЛЕТОПИСНЫХ ИЗВЕСТИЙ О НАРОДНЫХ ВОССТАНИЯХ КИЕВСКОЙ РУСИ В «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ»

Тема классовой борьбы и народных движений была актуальной в историографии XVIII в. К ней обращались историки различных течений, политических платформ. Это и понятно. XVIII столетие в истории России — эпоха социальных битв; К. Булавин, Е. Пугачев, «Колывищина» — вот наиболее важные и крупные вехи антикрепостнической борьбы народных масс. Борьба разгоралась, и в конце столетия восстаниями были охвачены 32 губернии Европейской России (из 41). Поэтому историки, общественные деятели, естественно, не могли пройти мимо событий, сотрясавших феодально-крепостническую монархию.

«История Российская» В. Н. Татищева, первый том которой вышел из печати в 1768 г., уже после смерти автора, была доведена лишь до 1577 г. Тем не менее основоположник дворянской исторической науки фиксировал свое внимание на фактах давних столкновений народа с феодалами-крепостниками, с представителями великокняжеской администрации, одним словом — на социальных конфликтах, ставя перед собой задачу найти их истинные причины, а значит, показать возможности установления «справедливых» общественных отношений в современной ему действительности.

Эта проблема сама по себе интересна и заслуживает тщательного исследования, но она имеет еще одну сторону: подход Татищева к изложению и истолкованию летописных известий о народных восстаниях отражает в определенной степени методы его работы с источниками. Данный аспект до сих пор остается не до конца выясненным и потому вызывает разногласия среди ученых.

Дореволюционные историки С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, П. Н. Милюков и др. не были заинтересованы в разработке указанного сюжета применительно к историографии XVIII в., да и какого бы то ни было периода отечественной исторической науки.

Советские ученые показали тесную связь между социально-экономическим и политическим положением России, между классовой борьбой XVIII в. и концепцией дворянских и буржуазных историков того времени. Л. В. Черепнин писал, что Татищев в «Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ» видел причины народных восстаний в необразованности их участников, так как не было случая, утверждал дворянский историк, чтобы инициаторами волнений выступали «благоразумные» люди¹. Вывод Л. В. Черепнина поддержал и развил С. П. Валк, подчеркивая неспособность Татищева в силу объективных условий разобраться в вопросе о том, что же является главной причиной бунтов — «невежество» или «подлое» происхождение, ибо виновниками беспорядков, по его мнению, были... «более подлость, яко Болотников и Боловня холопы, Заруцкой и Разин казаки, а потом стрельцы и чернь, все из самой подлости и невежества»².

Острота классовых выступлений крестьян и посадских людей приводит дворянских историков второй половины XVIII в., в частности М. М. Щербатова, к тому, что они теряют веру в спасительную силу просвещения. Уже Щербатов переносит причины народных восстаний в тайные и темные глубины человеческой психики, твердя о «слабости народной». Именно поэтому он квалифицирует такие движения как неизбежные и присущие всем временам и всем народам³; различие он видит только в интенсивности и частоте.

Татищев же убежден в том, что просвещение, образованность является тем рычагом, который поможет исправить общественные «неустройства». В отличие от просветителей, отрицавших разумность феодально-крепостнических порядков, Татищев использует просветительские идеи для прямо противоположных целей — укрепления и «усовершенствования» этих порядков.

В дореволюционной и подчас в советской литературе высказывалось мнение о том, что Татищев ведет непосредственное изложение исторических событий в полном соответствии с летописями, а потому эта часть его труда менее интересна в историографическом отношении. Это, конечно, не совсем верно, о чем убедительно свидетельствуют последние исследования советских ученых.

Что касается народных восстаний XI—XIII вв., Татищев почти не дает комментариев к статьям по этим сюжетам. Поэтому на первый взгляд кажется, что выявить его пози-

цию в данном вопросе практически невозможно. Однако такое заключение нельзя признать правильным. Дело в том, что сам выбор летописного известия в той или иной редакции, акцентирование тех или иных сторон (это облегчалось тем, что Татищев не цитировал летописи, а давал свой, обобщенный вариант), — все это требовало выявления собственной точки зрения.

Кроме того, во второй редакции «Истории Российской», которая отличается от первой заметным отходом от летописной манеры повествования, Татищев свободнее обращается с материалом, более четко расставляет оценочные ударения в соответствии со своей концепцией.

В качестве примера остановимся на передаче Татищевым летописных версий народных восстаний в Киевской Руси.

В 1071 г. вспыхнуло восстание смердов в Суздальской земле, вызванное голодом и усилением феодальной эксплуатации. Первая редакция «Истории Российской» описывает его кратко: «В Ростове во время глада быша два волхва, идучи по Волге, сказоваху людем на жен богатых, яко сня имат полно чрево жита, ина мяса, ина рыбы, ина куны и прочая. Людие же привожаху жены и дщери к ним, они же разрезывая им за плечима и обманом показоваху тая. Пришедше же на Белоозеро, совокупися их до 300, много имения повсюду емлюще. Тогда же случися от Святослава (черниговский, а затем киевский князь Святослав Ярославич — А. Б.) принти по дань Яневи Вишатичу. И тои облича их злодейство и обман, казни мнози, а прочь (остальные. — А. Б.) разбегошася»⁴.

Вторая редакция содержит важные для характеристики взглядов автора дополнения: действия восставших названы «безумием», «злодейством» и т.п.⁵ К тому же, в данной редакции к приведенному известию имеется примечание, в котором причиной волнений выставлена недостаточная убежденность народа в правоте христианской веры: «Сие недивно, что народ тогда, не имеющий довольного ума и просвещения, таким безумным басням или паче сущим вракам верили...» Предупредить такие отклонения станет возможным только в том случае, когда человек «просветит... ум свой святым писанием...»⁶.

Таким образом, восстание 1071 г. Татищев трактует как преступные действия волхвов и тех, которые не осознали еще всей «мудрости» христианства.

Татищев имел в своем распоряжении много летописных сводов, среди них «Повесть временных лет», Новгородскую

и Никоновскую летописи. Сравним их с «Историей Российской» в отношении подачи событий 1071 г. Во-первых, в летописных сводах, в частности в Ипатьевском (текст Татищева близок именно к нему), восстание 1071 г. изложено значительно полнее. Во-вторых, Татищев недалеко отошел от летописной версии, согласно которой волхвы поднялись на богатых хозяек, побужденные «бесовским наущением». Однако он не обратил внимания на указания источников о том, что волхвы и их сторонники являются по своему социальному положению смердами. М. Н. Тихомиров подчеркивал, что социальная окраска восстания 1071 г. более четко проступает в «Летописце Переяславля Суздальского», где находим важные дополнительные факты: против Яна Вышатича ополчились смерды («а смерди ополчишася против», «выступиша 3 смерди против», «аще не приведете сих смердов, год хоцю быти сде»), бывшие действительной движущей силой восстания: восставшие расправлялись не только с богатыми женами, но и с «мужами»⁷.

Оставил в стороне Татищев и цель восставших смердов: отомстить «лучшим женам», которые во время всеобщего голода припрятали «обилье», тогда будет «гобино» (урожай). Автор «Истории Российской» не смог понять, что «обилье» богатые люди использовали для эксплуатации тех, кто попал в тяжелое положение в связи с неурожаем.

Сократив летописный текст, Татищев оставил за рамками своего рассказа еще одну очень красноречивую деталь: вооруженную схватку Яна Вышатича с восставшими смердами. Он заканчивает короткой фразой: «И тои (Ян. — А. Б.), облича их злодеиство и обман, казни многи, а прочь разбегошася». В действительности все происходило не так просто. Вот как повествует об этом Лаврентьевская летопись: «Ян же, испытав, чья еста смерда, и уведав, яко своего князя, послав к ним иже около ею суть. Рече им: «Выдайте волхва та семо, сня смерда еста моя и моего князя». Они же сего не послушаша. Янь же поиде сам без оружья. И реща (сказали. — А. Б.) ему отроци его: «Не ходи без оружья, осоромять тя». Он же повеле взяти оружья отроком, и беста 12 отрока с нимь. И поиде к ним по лесу. Они же сташа, исполчившеся противу Яневи, идуцю с топорцем, выступиша от них 3 мужи, придоша к Яневи, рекуще ему: «Вида, идиши на смерть; не ходи». Оному повелевшю обити я, к прочим же поиде. Они же сунушася на Яня, един грешися Яня топором. Янь же, оборотя топор, оудари тыльем, повеле отроком сечи я. Они же бежаша в лес»⁸.

Этот отрывок свидетельствует о том, что восстание смердов 1071 г. имело глубокие социально-экономические причины и стало проявлением классовой борьбы крестьянства с феодалами. Языческие верования были лишь формой, а не сутью. Татищев же изображает эти события в качестве религиозной вспышки в среде невежественной части народа.

Одно из крупных народных восстаний XII в. в Северо-Восточной Руси было связано с убийством князя Андрея Боголюбского (1175 г.). Убийцы ночью ворвались в княжескую спальню Боголюбского замка и расправились с князем. Этот заговор, как справедливо отметил М. Н. Тихомиров, — одна из страниц борьбы владими́ро-суздальских бояр против княжеской власти⁹.

Известие о смерти князя стало сигналом к началу бунта. Подробное описание развернувшихся событий дает Ипатьевская летопись: «Горожане же боголюбци (жители Боголюбова. — А. Б.) разграбиша дом княжь, и делатели иже бяху пришли к делу, золото и серебро, порты и паволокы, имение, ему же не бе числа. И много зла створися в волости его, посадников и тивунов дома пограбиша, а самех, и детские его, и мечники избиша, а дома их пограбиша... Грабители же, и ись сел приходяче, грабяху, тако же и володимери»¹⁰.

В синодальном списке Новгородской первой летописи эти события изложены лаконично: «И велик мятеж бысть в земли той, и велика беда и множество паде голов, яко и числа нету»¹¹.

Обратим внимание на участников восстания: крестьяне, ремесленники, жители Боголюбова и Владимира. Они заняты не грабежом как таковым, — их действия походят на своеобразную экспроприацию богатств, напращанных князем и его приближенными. Ведь летописец отметил расправу восставших с представителями княжеской администрации, непосредственно занимавшихся делами управления.

Татищев в целом правильно передал летописную повесть, но снова-таки выпустил те детали, которые раскрывали социально-классовый характер событий в Боголюбове. После убийства Андрея участники заговора получили сообщение о том, что владимирцы не будут предпринимать против них контрмер. Далее Татищев пишет: «Тии же, розшедшеся, начаша грабити волости посадников его, тивунов и мечников; самих избиша, а дома разграбиша»¹².

Вторая редакция «Истории Российской» рассказывает об этом несколько иначе: «Сии же беззаконницы, видя себя от

страха свободных, разошлись по селам и грабили все дома княжне, також всех верно бывших князю, яко правителей по городам (посадников), судей (тиунов), мечников и пр... многих из них побили и дома разграбили»¹³.

Обе редакции «Истории Российской» приписывают разгром домов князя и его слуг самим убийцам и тем, кто стал на их сторону. Но мы уже знаем, что летописи ясно указывают на другие социальные слои. К тому же, Ипатьевская летопись четко отделяет грабеж Кучковичей и расправу народа с княжеской администрацией. Убийцы еще до рассвета отправили из Боголюбова на конях самое ценное: золото, драгоценности и т. п. («золото и камень дорогое, и жемчуг, и всяко узорочье, и до всего любимого имения, и въскладъше на милостыные коне, послаша до свеча прочь»¹⁴).

А уже на другой день народ напал на дома князя, посадников, тиунов, мечников. Возможно, события, связанные с убийством Андрея Боголюбского, Татищев передал по Еропкинскому списку¹⁵, но здесь характерен сам факт отбрасывания тех свидетельств, которые не согласуются с выдвинутой Татищевым версией.

Следует отметить также и то, что Татищев дает идеализированный образ Андрея Боголюбского¹⁶, повторяя летописца Никоновского свода. Но в таком случае остается просто необъяснимым враждебное отношение широких масс к «благоверному» правителю. Трудно сказать, заметил Татищев или нет это летописное противоречие, — важно другое: Татищев, соблюдая логику изложения событий, не сумел соблюсти их истинный смысл.

Нужно сказать, что Татищев вообще не видел социальных причин восстаний, сводя их к необразованности народа. Комментируя один из летописных рассказов, он рисует идеальную картину отношений народа и государя, тем самым объясняя, в чем, собственно, должно состоять «просвещение» народа: люди обязаны «с любовью, верностью и покорностно, как нас закон божий учит, государей не токмо добрых и милостивых, но строптивных почитать и им повиноваться; но много того видим, что некоторые, рвением злобы преисполняя сердце свое, забыв оный закон божий, дела государей... во зло вменяя, народу к возмущению... утвердить прилежат...»¹⁷.

Иногда Татищев отказывался от какого бы то ни было анализа зафиксированных летописями восстаний, например, восстаний в Киеве 1113 г., в Рязани 1209 г. и др.

Таким образом, Татищев воспринимал летописную информацию сквозь призму дворянской концепции, подчас довольно свободно обращаясь с материалом: сокращая его, расставляя акценты по собственному разумению, внося в текст оценочные суждения или эпитеты и т. п. Данное обстоятельство несколько не противоречит установившемуся в литературе мнению о научной добросовестности Татищева. Рационалистическая методология, которой пользовался Татищев, признавала лишь одну истину, вечную и неизменную. Для ее осознания достаточно было иметь просвещенный разум и прилежность. Безусловно, это вносило определенную умозрительность в конечные выводы, не исключавшие, впрочем, классовости и партийности концепций, хотя эти вещи далеко не всегда осознавались историками. Татищев также вполне определенно стоит на стороне господствующего сословия, враждебно относясь к народным движениям, но считает свою откровенно классовую позицию соответствующей требованиям разума и потому единственно и безусловно верной.

Понимая, что летописи содержат субъективные моменты, ошибки и опiski, Татищев видел свою задачу также и в том, чтобы очистить источник от наносных элементов и выдать готовую истину. Свой разум он рассматривал в качестве инструмента для различения «породы и руды». Именно поэтому полученные таким путем выводы Татищев считал почти непогрешимыми.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Черенин Л. В. Русская историография до XIX века. — М.: Изд-во МГУ, 1957, с. 170.

2. Валк С. Н. «О всемирном умопросвящении» В. Н. Татищева. — В кн.: Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. — М.: Наука, 1972, с. 171, 172.

3. Федосов И. А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М. М. Щербатов. — М.: Изд-во МГУ, 1967, с. 144.

4. Татищев В. Н. История Российская, т. IV. — М.: Наука, 1964, с. 156.

5. Там же, т. II, с. 86.

6. Там же, с. 247.

7. Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. — В кн.: Тихомиров М. Н. Древняя Русь. — М.: Наука, 1975, с. 124.

8. ПСРЛ, т. I. Лаврентьевская летопись. — М.: Изд-во восточной литературы, 1962, с. 175, 176.

9. Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 200.

10. ПСРЛ, т. II, стлб. 592.

11. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.: Изд-во АН СССР, 1950, с. 34.
12. Татищев В. Н. История Российская, т. IV, с. 285.
13. Там же, т. III, с. 106.
14. ПСРЛ, т. II, стлб. 589.
15. Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». — М.: Наука, 1972, с. 257.
16. Татищев В. Н. История Российская, т. IV, с. 285.

Н. П. КОВАЛЬСКИЙ

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ УКРАИНЫ XVI — ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XVII в. ВО ЛЬВОВСКИХ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ
ИЗДАНИЯХ XIX — НАЧАЛА XX в.**

В XIX — начале XX в., наряду с Москвой, Петербургом, Киевом, Харьковом и другими отечественными археографическими центрами, источники по средневековой истории нашей родины, в том числе и украинских земель, издавались во Львове, который, как и вся Восточная Галичина, шесть столетий (до середины сентября 1939 г.) находился под иноземным игом. Трудящиеся массы западноукраинских земель вели борьбу за свое социальное и национальное освобождение, которая завершилась воссоединением всех украинских земель в едином Украинском Советском социалистическом государстве. В этой связи источниковые публикации по истории Украины не только имели значение для развития исторических знаний по отечественной истории, но и приобретали политическую актуальность, подчеркивая единство всех украинских земель и их историческую общность.

Археографической деятельностью, разработкой специальных исторических дисциплин занимались украинские и польские дворянские и буржуазные историки, преследовавшие при этом определенные классовые и политические цели. Если осуществленные польскими историками и археографами издания источников во Львове рассмотрены в третьей части нашей монографии по источниковедению истории Украины XVI — первой половины XVII в.¹, то опубликованные здесь же украинскими издателями памятники письменности по истории украинских земель не явились предметом специального изучения. Восполнить этот пробел, установить круг изданных источников в таких публикациях, произвести их классификацию — назначение настоящей статьи. В ней рассматриваются источники до начала освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг., позволяющие изучить

социально-экономические условия и отношения на этих землях, положение трудящихся, проявления русско-украинских связей.

Источники по истории украинских земель, в особенности Галицкой Руси XVI — первой половины XVII в., издавались во Львове начиная с 30-х годов XIX в., более интенсивно — со второй половины XIX в. украинскими историками и археографами, преимущественно представителями буржуазного направления в историографии. В таких археографических изданиях помещались и комментировались с буржуазных, классовых позиций документы правительственных учреждений (инвентари отдельных земель, замков, сел), Львовского Успенского братства, культуры и церкви, реже о социальных отношениях, почти отсутствовали издания источников о классовой борьбе на Украине, что объясняется тенденциозностью в отборе источников для публикации. Несмотря на консервативные, реакционные или либерально-буржуазные политические позиции историков, издателей источников и присущие им пороки методологии, изданные ими исторические источники вместе с другими публикациями дореволюционного времени в определенной степени способствовали расширению источниковой базы для разработки в дальнейшем проблем отечественной истории, и при критическом отношении к таким изданиям они используются в советской историографии.

Из дореволюционных львовских изданий в данной статье рассматриваются публикации двух археографических центров: Львовского старописийского института и Научного общества им. Т. Шевченко.

В первой половине XIX в. развернулась деятельность в области специальных дисциплин истории, в особенности источниковедения и археографии, видного львовского дворянского историка **Дениса Ивановича Зубрицкого** (1777—1862), имевшего многолетние прочные научные связи с Петербургской и Киевской археографическими комиссиями, в распоряжение которых он предоставлял рукописи или их копии из львовских архивов. Благодаря ему эти источники были изданы в серийных документальных публикациях, выходивших в Петербурге и Киеве в XIX в.² Общественно-политические и исторические взгляды этого ученого, стоявшего на монархических позициях, рассмотрены в работах советских историков М. И. Марченко и Г. Ю. Гербильского³. Деятельность Д. Зубрицкого в области специальных исторических дисциплин изу-

чил Я. Д. Исаевич⁴, советский исследователь истории культуры Украины феодальной эпохи.

Работая в ряде львовских архивов (Ставропигийского института и городском), Зубрицкий обнаружил ценные источники по истории Галицкой Руси, Львова, Львовского братства, начальных периодов книгопечатания на Украине, многие из которых ввел в научный оборот. В своих исторических трудах⁵, построенных по хронологическому принципу и испытавших на своей архитектонике сильное влияние средневековых хроник (они и названы автором «хрониками» или «летописями»), Д. Зубрицкий проявлял критический подход к источникам, в приложениях к исследованиям зачастую помещая наиболее интересные публикации.

К числу таких изданий принадлежит вышедшая в 1836 г. во Львове на польском языке работа Д. Зубрицкого «**Histeryczne badania o drukarniach rusko-słowiańskich w Galicyi**» («Исторические исследования о русско-славянских типографиях в Галиции»). В конце книги в качестве приложений помещены впервые вводимые в научный оборот грамоты и актовые записи, почерпнутые в Ставропигийском архиве (архиве Львовского Успенского братства), заслуга упорядочения которого принадлежит Зубрицкому⁶. При публикации кириллические тексты передавались путем транслитерации латинским алфавитом, что приводило к неточностям, искажениям смысла текста, затрудняло изучение языковых особенностей и в дальнейшем не получило распространения в отечественной археографии.

Опубликованные Д. Зубрицким источники (№ 1, с. 72—74; № 4, с. 61—63) охватывают период 1579—1629 гг. и представлены следующими видами:

- 1) грамотами львовского епископа Гедеона Балабана (1-я о сборе пожертвований на братскую типографию, школу и церковь 8/XI 1585 г. и 3-я по счету I/V 1586 г., ошибочно датированная в данной публикации 1587 г.) — важными свидетельствами по истории начального этапа книгопечатания во Львове и о судьбе типографии Ивана Федорова;
- 2) актовой записью 1584 г. о кредиторе покойного И. Федорова Израиле Якубовиче (№ 3, с. 60, 61);
- 3) инвентарями львовских Успенской 11/V (№ 2) и Онуфриевской 15/V 1579 г. церквей (№ 1);
- 4) списком книг в братской библиотеке в 1601 г. (№ 5);

5) обращением киевского митрополита Иова Борецкого к львовским братчикам с предложением прибыть на церковный собор в Киев в 1629 г. (с. 85, 86).

Несмотря на несовершенство данного издания, оно явилось заметным событием в развитии украинской археографии в Галичине.

Ряд документальных публикаций по истории Львовского Успенского братства XVI—XVIII вв. был осуществлен Ставропигийским институтом (XIX—30-е гг. XX в.) — дворянской, а затем буржуазно-либеральной культурно-просветительской организацией во Львове. Оригиналы изданных рукописей были почерпнуты в Ставропигийском архиве (теперь они в основном сосредоточены в составе фонда № 129 — «Ставропигийский институт» ЦГИА УССР во Львове). Публикации Ставропигийского института предшествовали изданиям братских документов, в том числе в подготовительной А. С. Крыловским документальной серии «Архив Юго-Западной России» (далее — АЮЗР), т. X—XII, ч. I.

Среди изданий института выделяется монументальное **«Юбилейное издание в память 300-летнего основания Львовского Ставропигийского братства»** (т. 1, Львов, 1886), представляющее собой сборник оригинальных грамот и других документов о Львовском Успенском братстве, его связях с Россией, Молдавией, о братской школе, типографии, архитектуре, хотя по замыслу консервативных издателей публикация должна была иметь церковно-религиозную направленность.

Книга издана большим форматом (в лист), с многочисленными фотографиями и репродукциями памятников архитектуры, факсимиле некоторых публикуемых документов. Археографическое введение и исторический очерк написан главой («сеньором», «старейшиной») института известным львовским буржуазным историком профессором **Исидором Шараневичем**, документы публиковались под редакцией **Петра Скобельского** на языках оригинала (древнерусском, латинском и греческом) с сохранением особенностей транскрипции кириллических букв.

Собранные в этой публикации 118 источников (1547—1664 гг.) составляют следующие группы:

1. Документы о связях Успенского братства с Россией (1592—1593 гг.): два послания братства 14. VI. 1592 г. (№ 90) и 27. V. 1593 г. (№ 101) о направлении в окрестные страны, к «вездѣ обрѣтаемым многоименитому роду российскому всякого достояния и сана» по сбору средств братской делегации. В ее состав вошли влиятельные члены этой организации —

Л. Губа, Н. Добрянский, И. Пятницкий (в первый раз), во второй — Д. Красовский, Д. Сапрыка, И. Пятницкий; послание братства русскому правительству, царю Федору Ивановичу 15. VI. 1592 г. (№ 95) «от многоплеменитого рода Российского... в градъ Львовъ»; перечень «потреб» братства в книгах, предметах искусства, культовых атрибутах, которые депутация в 1592 г. намеревалась приобрести в Москве (№ 96); письма 15. VI. 1592 г. болгарского Тырновского митрополита Днионисия Федору Ивановичу, Борису Годунову и другим русским государственным деятелям (№ 91—94) в поддержку направляемой в Москву братской депутации; послание 1592 г. русского правительства Львовскому Успенскому братству с указанием размера оказанной ему материальной помощи пушниной и деньгами (№ 99), что, как поддержка Русским централизованным государством общественной организации украинских мещан, имело, несомненно, политическое значение; «цидула» русского правительства 23. IX. 1592 г. русским порубежным воеводам о беспрепятственном проезде депутации от Львовского братства в Россию (№ 100);

2. Четыре окружные послания и письма (1586—1590 гг.) восточных православных патриархов (№ 84, 86, 117, 118) и 7 грамот (1547—1630 гг.) украинских митрополитов (№ 83, 85, 88, 107, 110, 112, 113), которые освещают историю Львовского Успенского братства, в частности историю братской школы и типографии. Среди них выделяются послания антиохийского патриарха Иоакима 15. I. 1586 г. о сборе пожертвований на братскую школу и типографию («школу закладати для наученья дѣтем... вшелякого стану... и теж купили друкарню писма славенского и грецкого ку той же школе, потребную в полтори тысячи золотых заставленую» (№ 84); послания львовского епископа Гедеона Балабана 1. V. 1587 г. о том, что братчики «друкарню опущенную видвигнули... для размножения грамматическое науки» (№ 85), константинопольского патриарха Иеремии в 1589 г. о необходимости помощи братчикам, которые должны «также и штамбу... искупити юже застави Феодор Москвитин» (№ 86);

3. Семьдесят шесть грамот (за 1588—1664 гг.) молдавских господарей и других официальных лиц этого княжества (№ 7—82), свидетельствующих о постоянной поддержке Молдавией Львовского Успенского братства, предоставлении ему помощи и финансовых субсидий.

4. Письма Львовского братства молдавским деятелям, характеризующие культурные взаимосвязи, в том числе обмен в 1642 г. типографским шрифтом (№ 108, 109, 114, 115);

5. Договоры («интерцизы») братства с архитекторами, строителями, художниками (П. Римлянином, В. Кампином, Н. Петраховичем) в 1501—1637 гг. (№ 3—6) о строительстве Успенской церкви. Две грамоты польских королей Стефана Батория 1580 г. (№ 1) и Сигизмунда III 1598 г. (№ 2) с разрешением на строительство Успенского собора и колокольни;

6. Переписка между Львовским и Виленским братствами о взаимной помощи и поддержке, обмене книгами, типографским оборудованием (№ 97, 98).

Девять лет спустя, после издания первой крупной, можно сказать, монументальной публикации братских документов, во Львове была напечатана вторая часть «Юбилейного издания», но под другим заглавием. Сборник был озаглавлен «**Diplomata statutaria a patriarchis orientalibus Confraternitati Stavropigianae Leopoliensi a. 1586—1592 data, cum aliis litteris coaevis et appendice. Tomus II editionis jubilaeae in memoriam Confraternitati Stavropigianae Leopoliensis ante trecentos annos fundatae**». Leopoli, 1895. (Далее — **DS**). Наряду с латинским заглавием сборника в нем напечатан его перевод на славянорусский язык: «**Уставные дипломы патриархами Востока пожалованные Львовскому ставропигийскому братству в г. 1586—1592 с другими современными письмами и прологами. Том II Юбилейного издания в память 300-летнего основания Львовского Ставропигийского братства**».

Подготовку текстов к изданию, сверку их с оригиналами и копиями XVI—XVII вв., адекватность переводов и другую археографическую работу выполнили знатоки древних языков и палеографии, активные участники издательства средневековых источников во Львове — **Петр Скобельский, Иван Левицкий и Иван Кристиняцкий**, публикаторская деятельность которых заслужила положительную оценку в советской литературе⁷. Общую редакцию тома и обстоятельное источниковедческое и археографическое предисловие, напечатанное на латинском языке, осуществил **И. Шараневич**.

Во введении (с. I—XIII) дана характеристика, внешнее описание, раскрыта структура, содержание, установлена датировка основного источника данной публикации — «**Альбома братства**», содержащего ряд важных братских документов, в том числе копии грамот восточных патриархов. В настоящее время этот источник хранится в фонде Львовского исторического музея⁸.

Сборник **DS** состоит, кроме предисловия, из следующих структурных частей: 1) основная часть — публикация 23 текстов (1586—1593 гг.) различных документов, относящихся к Львовскому братству (на греческом и славянорусском языках); 2) дополнительные тексты (польские, греческие и славянорусские); 3) текстологический комментарий («пролог к текстам русских переводов», с. 113—116); 4) факсимиле образцов палеографии издаваемых грамот (с. 124—130) с соответствующими легендами (с. 123), что позволяет легко их прочитать. Каждый документ сопровождается в конце публикации текста указанием, откуда он почерпнут (из археографических легенд). Анализ таких примечаний позволяет прийти к выводу, что рукописной основой сборника явился братский «Альбом», откуда были почерпнуты 15 документов (№ I—VIII, XIV—XVI, XVIII, XXI—XXIII) и только 7 (№ IX—XIII, XVII и XX), как явствует из археографических легенд, были напечатаны по отдельным оригиналам или копиям, сохранившимся в братском архиве. Одна грамота (№ XIX) перепечатана по предшествующему изданию без указания места хранения оригинала. Преобладающее количество источников опубликовано впервые, лишь только в двух случаях (№ XIII и XIX) отмечено, что они являются археографическими повторениями и впервые напечатаны в «Юбилейном издании...». В целом следует отметить, что археографические легенды в сборнике довольно обстоятельны и дают ценную информацию о его источниковой базе.

Большинство текстов напечатаны на двух языках — греческом и славянорусском, семь (№ IV, V, IX, XII, XIII, XVII, XIX) — только на греческом языке без синхронного перевода, что затрудняет пользование ими. В приложениях помещены 10 грамот (№ III, VII, VIII, XIII, XIV, XVI, XVII, XVIII, XXI, XXII) в переводе на польский язык (с. 91—108).

По видовым признакам опубликованные в **DS** источники распределяются на следующие группы:

1) грамоты восточных патриархов Львовскому Успенскому и другим братствам, а также различным духовным и светским лицам, в том числе три грамоты (№ III, IV и VI) антиохийского патриарха Иоакима IV Доу (1582—1592) и семнадцать (№ VII—XXIII) константинопольского патриарха Иеремии II Траноса во время его третьего пребывания на этом посту в 1585—1594 гг.⁹; это — наиболее многочисленная группа источников в этой публикации, составляющая 20 позиций;

2) устав львовской братской школы (№ VI) и помещенные в приложении правила поведения учителей братской школы, своеобразный моральный кодекс педагога того времени — «дидакакала» (с. 111, 112);

3) различные братские документы, относящиеся к официальной традиционной братской обрядности — формулы речей братчиков при вскрытии и закрытии братской «скриньки», т. е. казны (№ I, II);

4) просьба некоего грека о принятии его на должность учителя львовской братской школы (№ V).

По содержанию помещенные в этом сборнике источники освещают следующие важнейшие вопросы истории братств:

1) время и обстоятельства учреждения Львовского Успенского братства — «фундационные» грамоты, в особенности грамота патриарха Иоакима 1586 г. об основании братства во Львове с братским уставом (№ III) — основной документ, фиксирующий юридически эту организацию, и подтверждающая грамота константинопольского патриарха Иеремии II 1587 г. (№ VII); последующие грамоты того же патриарха о предоставлении права ставропигии Онуфриевскому монастырю, Успенской церкви во Львове (№ XIV и XXIII) и утверждение Рогатинского братства в 1589 г. (№ XV);

2) организационная структура Львовского Успенского братства и братской школы: «Порядок школы», «Си сут обѣты и вступоване до братства», «Устав для учителей школы», «Предмова при отвираню скринки братекіа» и при се «замыканню» (№ VI, I, II, с. 111, 112);

3) материальное положение Львовского Успенского братства в конце 80-х — начале 90-х гг. XVI в., сооружение им школы, типографии, больницы, церкви, средства на которые призывал жертвовать братству патриарх Иеремия в грамотах 1587, 1589, 1591 гг. (№ XIII, XVII, XIX);

4) выступление константинопольской патриархии в защиту Львовского Успенского братства против посягательств на его права со стороны Львовского митрополита Гедеона — свидетельства острых противоречий между организацией православных мещан и высшими церковными иерархами (№ VIII, X, XI).

В сборнике помещен ряд других документов о взаимоотношениях между константинопольской патриархией и местным православным духовенством, в том числе по вопросам обрядности и др., однако они не представляют интереса при изучении социально-экономической проблематики.

Следующим археографическим изданием Ставропигийского института по истории Львовского Успенского братства, опубликованным в том же 1895 г., явилось «*Monumenta Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis*» (далее — **MCS**) — «Памятники Львовского Ставропигийского братства» (Львов, 1895). Подготовил эту публикацию **В. Милькович**, учитель одной из львовских гимназий. Хронологические рамки издания, включившего 300 документов или их регестов, охватывают период 1518—1600 гг. Источники напечатаны на языке оригинала (украинском, латинском, польском, греческом), все заглавия документов составлены на латинском языке.

Источниковую базу данного издания составили как впервые публикуемые оригинальные (их подавляющее большинство) грамоты, послания и другая переписка, почерпнутая в архиве Львовского Успенского братства, а также из городских актовых книг (за их счет, по сравнению с «Юбилейным изданием...», значительно расширился круг источников по данной проблематике), так и ранее изданные (с обозначением № документа, но иногда без указания № тома) в следующих сборниках: «Юбилейное издание в память 300-летнего основания Львовского Ставропигийского братства» (т. I), «*Diplomata statutaria*» (2-й том «Юбилейного издания»), «Памятники Киевской комиссии для разбора древних актов», «Акты Юго-Западной России» «*Supplementum ad historia Russia monumenta*» («Дополнения к актам историческим»), «Временник Ставропигийского института» (1884 г.), D. Zubrzycki. «*Historyczne badania...*» Археографические повторения составили 30 позиций (№ 11, 17, 18, 43, 45, 46, 65, 66, 74—76, 79—81, 83, 88, 90, 100, 159, 160, 169, 171, 172, 176, 214, 215, 256, 257, 278, 287). Кроме полных текстов источников напечатаны регесты изданных ранее документов (№ 9, 65, 90, 176, 188, 190, 216, 234, 282).

Помещенные в **MCS** источники составляют следующие разновидности:

1) акты записи, решения по спорным делам, записанные в городские львовские и варшавские книги (№ 46, 59, 72, 74, 76, 86, 112, 118, 119, 121, 145—149, 176, 194, 198, 203, 204, 208, 261, 271, 273, 275, 299);

2) послания братств — Львовского Успенского (№ 88, 214, 216, 234, 245, 85), Рогатинского (№ 180), Городокского (№ 197), Виленского (№ 100);

3) письма светских феодалов, в особенности князя К. К. Острожского (№ 67, 97, 257, 287), Ф. Скумина (№ 205, 209), Б. Салеги (№ 201), Синявского (№ 99), советника

Л. Федоровича (№ 235), молдавского господаря Александра (№ 43);

4) грамоты представителей высшего православного украинского духовенства — киевского митрополита М. Рогоня (№ 158—160, 169—174, 176, 199, 211, 212, 257, 273, 275, 282—284, 288, 289, 299); епископов львовских: Тучапского и др. (№ 8, 9, 11, 15—17), Гедсона Балабана (№ 66, 72, 75, 79, 84—86, 89, 90, 98, 102, 105, 107, 178, 179, 181—187, 195, 196, 259), перемышльских — Арсения (№ 15, 19) и М. Копыстенского (№ 215); восточных патриархов (№ 80, 81, 83, 124, 189, 255—257); представителей монастырей — Уневского (№ 111) и Дубенского (№ 106);

5) декреты и мандаты (предписания) польских королей (№ 2, 3, 18, 45, 53, 55—57, 60, 62, 63, 65, 278, 300).

Среди опубликованных в **МСР** источников главное место занимают, естественно, относящиеся к истории украинских братств и, в первую очередь, Львовского Успенского: его функции (№ 300), устав в грамоте антиохийского патриарха Иоакима I. I. 1586 г. (№ 80), политическая деятельность братства, в том числе видных его членов Ф. Бабица и П. Красовского (№ 105—107, 124, 146), характеристика положения украинских мещан и их борьбы за уравнивание в правах с католиками, против дискриминационных мер со стороны львовских советников («райцев») (№ 75, 2); распространение ересей, представителями которых были Юрко и Иван «сѣдлярове» (№ 86). Существенным дополнением к ранее известным источникам о связях Успенского братства с Россией в конце XVI в. явилась публикация в **МСР** разрешения суфрагатора львовского староства Ст. Петроконского 10. VI. 1593 г. на проезд в Русское государство братской депутации в составе Д. Красовского, Я. Саприки, П. Пятицкого, И. Фарбежа, которые «едут в землю московскую к... великому князю московскому» (№ 285). К сожалению, неизвестно, осуществилась ли эта поездка в Москву в 1593 г.

Данная публикация представляет, в частности, значительный интерес не только по истории Успенского братства во Львове, но и содержит сведения о других, созданных по образцу этого, братствах в 80-90-х гг. на предместьях Львова (№ 8, 184), галицких городах и местечках: в Городке (№ 197), Гологорах (№ 99), Комарно (№ 215), Рогатине (№ 148).

Ряд грамот и посланий касается крупнейших западноукраинских монастырей — Львовского Онуфриевского (№ 39; 119, 121, 145, 146, 149), Уневского (№ 15—19, 112), кото-

рые были и культурными центрами и принимали участие в связях с Россией. Из грамоты Г. Балабана (1581 г.) явствует, что Уневский монастырь представлял собой крупнейшее феодальное владение, в состав которого входили обширные «кгрунты монастырские..., поля оремные и неоремные, сѣножети, лѣси, дубравы, а всѣ прина(ле)жности... подданные монастырские», подробно описаны границы монастырских владений (№ 66).

Ряд сведений по истории книгопечатания на Украине содержится в двух грамотах Г. Балабана: 8. XI. 1585 г. № 79 (о деятельности первопечатника Ивана Федорова — «Ивана Москвитина друкаря памяти добре годного», который «помыслил бы больше книг ремесла своего друкарского... розмантых... выдати, на що зблизился был зо всѣми варстати своими до мѣста славного Львова», а потом их «заставил... в суме не малои, в полторы тысячи золотых») и 10. XII. 1586 г. № 89 (о том, чтобы после И. Федорова «знову наше писма друковане были и абы при той друкариѣ школу грецкую для науки... в градѣ Львовѣ фундовати»). Кроме того, такие сведения имеются в грамоте патриарха Иоакима от 15. I. 1586 г. (№ 81) — о создании братской школы во Львове, покупке братчиками «друкарни писма словенского и греческого в полтори тисечи золотых заставленную».

Отдельные источники по истории братств были опубликованы на страницах периодической печати, выходящей во Львове. В «Галичанине» за 1863 г. был напечатан наиболее ранний из дошедших до нас устав братской школы «Порядок школьный или устав ставропигийской греко-русской школы во Львовѣ 1586 г.».

Источники по отечественной истории публиковались во «**Временнике института Ставропигийского с месяцесловом**». В этом альманахе на 1867 г. (Львов, 1866) известный украинский прогрессивный общественный деятель и историк **Я. Ф. Головацкий** издал 12 эпистолярных памятников за 1588—1607 гг. (одни на польском языке, остальные — на украинском) из архива Успенского братства под заглавием «Львовское Ставропигийское братство и князь Острожский» (с. 66—84). Несмотря на определенную апологию кн. К. К. Острожского со стороны издателя, опубликованные памятники являются свидетельствами постоянных и тесных связей, а также взаимных консультаций по политическим вопросам между острожскими и львовскими братскими деятелями, обмена

между ними письменной и устной (ее содержание неизвестно) информацией.

Из опубликованных писем выясняется, что в Острог ездят члены Львовского Успенского братства, а из Острога к братчикам «служебник» князя К. К. Острожского Путяцкий (№ 9, 12) и др. (№7). В сборнике напечатаны и другие документы, составленные в Остроге: выданная 9. VII. 1593 г. кн. К. Острожским проезжая грамота делегации Львовского Успенскому братству с настоятельной просьбой срочно старство (№ 3); его же письмо (1592 г.) с просьбой к этому же братству взять под свою опеку его сына Александра, попавшего под влияние католиков (№ 2); соглашение («розьем и певное постановление»), заключенное 1. XII. 1596 г. в замке Острога между Львовским Успенским братством (в лице его представителей Д. Красовского и Ю. Рогатинца) и львовским епископом Г. Балабаном при посредничестве кн. К. К. Острожского (№ 4).

Представляет значительный интерес обращение 16. VII (без указания года) кн. К. К. Острожского ко Львовскому Успенскому братству с настоятельной просьбой срочно («пилне, пилне еще пилне») прислать в Острог для нужд типографии греческого шрифта («литер одлитых») и опытного наборщика («зицера... цвичоного») Касняновича (№ 12) — свидетельство трудностей, переживаемых острожской типографией. Имеются также сведения об антинародной деятельности уннатов, в частности Н. Потя в начале XVII в. (№ 10).

Издавая тексты писем, Я. Головацкий указывал на их палеографические особенности, описывал печати, приводил тексты приписок, адресов, различных добавлений, что повышало источниковедческое значение публикации.

Наряду с осуществлением во Львове в конце XIX — начале XX в. польскими историками многотомной публикации «таблицких городских и земских актов» «Akta grodzkie i ziemskie»¹⁰ в тот же период здесь выходили два других серьезных сборника источников по истории Украины XVI—XVII вв., издаваемые археографической комиссией Научного общества им. Т. Г. Шевченко («Науковое товариство ім. Шевченка» — «НТШ»). Несмотря на то, что руководство обществом и комиссией, выделенной из состава исторической и филологической секций НТШ, осуществлялось украинскими буржуазными историками и вводные статьи к этим изданиям в значительной степени составлялись с буржуазно-объективистских позиций, публикуемые источники, особенно по социально-эконо-

мической истории Украины, введенные в этих изданиях научный оборот, заслуживают внимания.

В 1894 г. НТШ принято проект печатания источников двух сериях — актовых памятников в многотомном сборнике «**Жерела** (т. е. источники) до історії України — Руси» (далее — **Жерела**) и повествовательных, главным образом сочинений украинской полемической литературы XVI—XVII вв., в сборнике под названием «**Пам'ятники української руської мови і літератури**».

Жерела издавались с 1895 по 1924 г., всего вышло 11 томов. По исследуемому периоду тома **Жерел** разделяются на две группы: описания королевских (государственных) имений (т. 1—3, 7) и документы по истории украинского (запорожского) казачества XVI—начала XVII в. (т. 8). Каждый том представляет собой отдельную целостность, содержит предисловие, статью-монографическое исследование на основе публикуемых источников, аналогичных по своему виду статьям в **АЮЗР**, публикуемые тексты и указатели.

Идея издания документальных источников (люстраций по истории западноукраинских земель XVI в. возникла львовских археографов, несомненно, в связи с публикацией киевскими историками в серии **АЮЗР** (ч. VII) аналогичных документов, охватывающих Правобережье, Подолье и Волынь того же периода. При этом были использованы и вводились в научный оборот документы, почерпнутые из Литовской Метрики **МАМЮ**. В этом отношении обе археографические серии (**АЮЗР** и **Жерела**) взаимно дополняются позволяют создать цельную картину о социально-экономическом положении и отношениях в различных землях Украины во второй половине XVI в. В осуществлении таких документальных публикаций представляется возможным установить определенное влияние археографической деятельности киевских источниковедов на львовских.

В первых трех томах **Жерел** (т. 1, Львов, 1895; т. 2, Л., 1897; т. 3, Л., 1900) содержится текст произведенной в 1565—1566 гг. по сеймовым решениям 1562—1564 гг. люстрации «королевщин» (государственных владений). Для публикации был использован акт из той части Коронной Метрики, которая была присоединена к Литовской Метрике, хранящейся в то время в Москве в архиве Министерства юстиции, а также книги люстраций «Скарба коронного» Варшавского архива древних актов. В 1-м томе помещены инвентарные описания восьми староств Галицкой и Перемышльских земель: Снятинского, Коломыйского, Галицкого, Терещ

мельского, Рогатинского, Стрыйского, Дрогобычского и Самборского, во 2-м — Перемышльской и Саноцкой земель, во 3-м — староств Белзского, Сокальского, Каменского, Житичевского, Львовского и Городоцкого.

Публикация люстраций «королевщин» была продолжена в 7-м томе **Жерел**, где помещен акт очередной люстрации, проведенной спустя пять лет — в 1570—1571 гг. после предыдущей, акт которой издан в 1—3 томах **Жерел**. Она проводилась согласно сеймовой конституции 1562—1563 гг. Это издание органически составляет единое целое с опубликованной во 2-м томе VII части АЮЗР (1890 г.) люстрацией восточнoукраинских земель за те же годы. Благодаря публикации второй люстрации представляется возможным установить эволюцию и динамику процессов на одной и той же территории. В 7-м томе **Жерел** помещены люстрационные описания 20 староств: Красноставского, Холмского, Городельского, Хмельницкого, Каменецкого, Теробовельского, Снятинского, Коломыйского, Галицкого, Рогатинского, Сокальского, Стрыйского, Львовского, Дрогобычского, Городокского, Каменского, Сокальского, Замховского, Любачевского, Тисовского и Дрогобычской жупы.

Ценность люстрационных актов как источников по социально-экономической истории очевидна, на что указывали многие исследователи. В них содержится многочисленная и разнообразная информация по таким вопросам:

1. Названия городов, местечек, замков, сел, различных населенных пунктов, описание их расположения, топографии, количества домов, разнообразных общественных построек, промышленных и ремесленных объектов (мельниц, винокурен и др.), крепостных сооружений, улиц и их взаимного расположения;

2. Данные о количестве и составе (социальном, профессиональном, отчасти национальном) городского и сельского податного населения, густоте его расселения по староствам, селениях, в частности, ремесленными профессиями, перечень имен и фамилий мещан;

3. Названия категорий крестьян, степени их зависимости от феодалов («данные», «свободные кметы», служки, загородники, подсосудки и др.), перечень и размеры крестьянских повинностей и даней: денежный чинш, хлебная дань, десятина от пчел, скота «поволовщизна», «подымное», «станция», «работы», «перевозы» и др. — важные свидетельства о процессе усиления эксплуатации и закрепощения крестьянства

на землях Украины, находящихся под игом шляхетской Польши;

4. Сведения о развитии ремесла и торговли, мытах и мытных тарифах, их размерах, перечень предметов импорта, о торговых путях и торговле в отдельных городах, в особенности во Львове, Каменце-Подольском, торговых связях последнего с Россией (в люстрации 1570—1571 гг. названы привозимые «вольные товары из Москвы» — **Жерела**, т. 7, с. 88). Имеются ценные сведения о производстве соли в Дрогобычской жупе и ее вывозе по всей Украине и за рубеж.

Названные факты зафиксированы в люстрационных актах в определенной последовательности (по административно-политическим единицам и населенным пунктам), и для использования их в исследовательской работе целесообразно произвести их классификацию и группировку для получения суммарных и обобщенных статистических данных. Сравнение сведений, почерпнутых из люстраций за отдельные годы, — перспективный метод установления тенденций социально-экономических процессов. Таким образом, акты люстраций — уникальные источники по демографии, экономике и социальному положению широких слоев украинского народа.

7-й том **Жерел** (Л., 1908) положил начало новой тематической серии вводимых в научный оборот источников по истории украинского казачества и связанных с ним народных движений, крестьянско-казацких восстаний XVI—XVIII вв., издаваемых по разработанному в 1904 г. плану Археографической комиссии НТШ.

Составителем 7-го тома был львовский историк И. П. Крипякевич, впоследствии сумевший преодолеть буржуазную методологию, академик АН УССР. Источниковую базу данной публикации составили рукописи двух краковских библиотек — Чарторийских и Академии наук (*Akademiі Umiejętności*) и львовской библиотеки Оссолинских. Большинство из них находились в копиях XVII в., частично XVIII—XIX вв., ранее не публиковавшихся, всего — 233 источника. Это позволило значительно расширить документальную основу исследований по истории украинского казачества, его участию в борьбе против иноземных поработителей и социального угнетения. Хронологические рамки тома охватили большой период — с 1531 по 1632 гг.

Опубликованные в 7-м томе источники освещают следующие основные вопросы:

1. Борьбу запорожского казачества против турецко-татарской экспансии в 30-е гг. XVI в.—20-е гг. XVII в., установление времени организации морских и сухопутных походов казаков в Крым и Турцию, стремление турецкого правительства воспрепятствовать таким действиям, отношение польского правительства к казацким походам, различные аспекты отношений между Польшей, Крымским ханством и Турцией. Эти сведения содержатся в следующих видах помещенных в данном томе источников: дипломатическая переписка (между турецким султаном, другими государственными деятелями Османской империи и польскими королями Сигизмундом I, Сигизмундом-Августом, Сигизмундом III в 1531—1572, 1596—1597, 1604, 1607, 1612, 1614, 1627—1628, 1630 гг., послания владшских господарей польскому правительству), документы польского правительства (королевские инструкции польскому послу в Турцию, сеймикам, предписания и предложения на сеймах, наказаны административным лицам и др.), материалы и документы сеймов и сеймиков (инструкции, решения, послания королю, сеймовые речи), письма, реляции (отчеты, донесения) о событиях и ходе дипломатических переговоров, письма польских государственных деятелей (С. Жолкевского, Я. Ходкевича, Л. Сапегн, С. Конецпольского и др.), условия двухлетнего перемирия между Польшей и Турцией в 1618 г. (№ 135), безымянный проект обороны Украины от турок и татар (№ 111, 1614 г.), различные источники о Хотинской войне 1621 г. и участии в ней казаков, в том числе список принимавших в ней участие казацких полковников (№ 151, 1621 г.) и др.

2. Народные антифеодальные движения на Украине и Белорусии в конце XVI — начале XVII в. и участие в них казачества.

Опубликованные в этом томе **Жерел** источники позволяют проследить процесс нарастания с середины 80-х гг. XVI в. антифеодальных выступлений на Украине, вызывающих обеспокоенность шляхты и королевской администрации (№ 35, 36, 42). Деятелями магнатско-шляхетского лагеря разрабатывались различные проекты подавления и прекращения народных движений (№ 48—50). Среди изданных в томе выделяются новые источники о крестьянско-казацком восстании под руководством С. Наливайко (поход в Белоруссию и события, происходившие там зимой 1595—1596 гг.) по сообщениям представителей феодального лагеря, список шляхетских отрядов, собранных на борьбу с народными войсками (№ 54—62); новые версии рассказов очевидцев

и современников о заключительном сражении у р. Солоницы (№ 63—64).

Исходя из классового признака помещенные по данной теме в 7-м томе источники составляют две большие группы:

1) возникшие в среде украинского казачества и отразившие преимущественно политические устремления и цели казацкой старшины: инструкции казацким послам на переговорах с польскими комиссарами в 1620, 1626 и 1627 гг. (№ 152, 185, 188), соглашение в 1626 г. старшины со Ст. Конецпольским (№ 184), письма и обращения старших войска запорожского, казацких гетманов С. Кишки в 1600 г. (№ 72), М. Дорошенко в 1627 г. (№ 187, 201) к королю Сигизмунду III и королевичу Владиславу (№ 189), А. Конашевича в 1630 г. Ст. Конецпольскому (№ 216);

2) отложившиеся в результате деятельности правительства Речи Посполитой, ее центральных и местных органов власти, сословных институтов: материалы сеймов и сеймиков (их решения, инструкции, сеймовые конституции, диарии, речи, наказы шляхты отдельных воеводств на сейм), официальные и частные письма, донесения и послания отдельных политических и государственных деятелей (С. Жолковского, Я. Острожского и др.), представителей шляхетских кругов, королевские письма казакам в 1600, 1622 и 1630 гг. (№ 74, 154, 162, 212, 213), документы и материалы королевских комиссаров о переговорах с казаками, инструкции комиссарам в 1614 и 1621 гг. (№ 107, 153), условия перемирия, предложенного комиссарами казацким представителям в 1630 г. (№ 215) и другие (№ 170, 229). В них выражается отношение магнатско-шляхетских кругов к казачеству, согласие на отдельные компромиссы со старшиной и стремление ликвидировать «казацкое своеволие» (например, опубликованный проект 1617 г., № 122). В официальных правительственных документах содержатся важные известия о связях украинских казаков с Россией, в частности в 1625 и 1631 гг. (№ 178 и 230). Особое место занимает документ о расходах на реестровых казаков в 1631 г. («расчет с кварты», № 233).

Ценные и в то время малоизвестные памятники полемической литературы были опубликованы в 5-м томе другой серии издаваемых НТШ источников «Пам'ятки української мови і літератури», явившемся первым из нового цикла «Пам'ятки полемічного письменства кінця XVI і поч. XVII ст.» («Памятники полемической литературы»), изданных К. Студинским. Этот сборник является существенным

дополнением издания Петербургской археографической комиссии **РИБ**—«Памятников полемической литературы» (т. 1—4), что позволило значительно расширить источниковую базу по данной проблематике. Оригиналы помещенных в томе произведений были почерпнуты в библиотеках Оссолинских во Львове, Красиньских в Варшаве, Петербургской публичной, а также Креховской и Перемышльской. Всего в сборник помещены 6 полемических произведений, три из которых явились переизданиями (сочинения Б. Гербеста, Щ. Жебровского, С. Зизания и И. Потоя). Они составили две группы, исходя из общественно-политических и идейных позиций их авторов:

1. Произведения украинских писателей-полемистов, идеологов антикатолического и антиуниатского лагеря: Стефана Зизания «Казанье св. Кирилла, патриарха иерусалимского» (1590 г.), направленное против книги одного из лидеров униатской церкви на Украине, епископа-рenegата И. Потоя—«Миня» (1595 г.); неизвестное произведение до настоящего времени неустановленного автора, так называемого «клирика» Острожского (1599 г.): ответ «На другой лист,.. Ипатия Потоя до...-княжати Константина Островского» и рукописное сочинение М. Смотрицкого (1609 г.);

2. Брошюры, написанные апологетами католицизма и церковной унии: Венедиктом Гербестом «Wypisanie drogi» («Описание пути») (1567 г.), по форме — путевые записки из Казаня во Львов, фактически первое опубликованное произведение, в котором делалась попытка пропаганды идеи религиозной унии на Украине под эгидой римского папы; памфлет 1595 г. Щенского Жебровского «Kakol, któru gozsiewa Melanek Zizania w cerkwiach ruskich w Wilnie» («Куколь, который рассеивает Стефан Зазаний...») на недошедшее до нас произведение С. Зизания «Катехизис», а также сочинение Ипатия Потоя «Relacia i uważenie».

Наряду с названными двумя сериальными публикациями источников, осуществленными археографической комиссией ИТШ, отдельные источники по истории социально-экономических и частично политических отношений на украинских землях в XVI — начале XVII в. помещались в печатном органе этого общества — «Записках» (далее — ЗИТШ).

Документы для издания были почерпнуты преимущественно в архивах Москвы (Московском архиве Министерства юстиции — МАМЮ (из книг Коронной и Литовской метрик), а также Львова, Киева, Варшавы, Кракова и др.

Эти публикации можно разделить по их форме на две группы: 1) издания единичных документов, 2) издания, объединенные общностью тематики или определенной территорией (относятся к одному селу, городу). Кроме такой группировки документальные публикации ЗНТШ по изучаемому периоду можно классифицировать по их тематике: источники по социально-экономическим отношениям и положению сельского и городского населения и источники о классовой, освободительной борьбе. Последние представлены сравнительно небольшим количеством документов, что явилось проявлением идейных воззрений и политических установок буржуазных историков. Комментарии к документам составлены с буржуазно-объективистских позиций без необходимого классового анализа социально-экономических явлений, нашедших отражение в публикуемых источниках.

Значительное количество документов, характеризующих социально-экономические отношения на Украине, преимущественно в Галичине в XVI в., было опубликовано в ЗНТШ в 1905—1906 гг. двумя сериями под заглавием «Матеріали до історії суспільно-політичних і економічних відносин Західної України» («Материалы по истории общественно-политических и экономических отношений Западной Украины»).

Первая серия периода 1361—1530 гг. помещена в т. 63. (док. № 1—43, с. 1—46) и т. 64 (док. № 44—80, с. 47—94). Начиная с док. № 61 за 1503 г. (т. 64, с. 66), следуют источники XVI века. Вторая серия документальных источников второй и третьей четверти XVI в. (1531—1574 гг.) напечатана в т. 69 (док. № 81—132, с. 89—166). Документы обеих серий, как и все публикации источников НТШ, изданы без перевода на языке оригинала (латинском и частично польском).

Источники 1-й серии представляют собой записи и решения, внесенные в актовые книги гродских (Львовского, Самборского и Санокского) и земских (Галичского и Перемышльского) судов из фондов тогдашнего Львовского краевого архива (теперь — ЦГИА УССР во Львове). Из 20 записей, помещенных в 1-й серии, 7 были взяты из других архивохранилищ: по одному документу было почерпнуто из актовой книги (№ 3601) Каменец-Подольского земского суда (ЗНТШ, т. 64, док. № 71, с. 77—79) в бывшем Киевском Центральном архиве (теперь ЦГИА УССР в Киеве, ф. 37, оп. 1, ед. хр. 5) и из Коронной метрики тогдашнего Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД) — теперь ЦГАДА (ЗНТШ, т. 64, № 74, с. 83—85). Пять копий королевских декретов (ЗНТШ, т. 64, № 61—

63, с. 65—68, № 65, 66, с. 69—71) были сняты в Варшавском главном архиве из актов Коронной метрики.

Первая серия представлена официальными документами, вышедшими из королевской канцелярии. Они были составлены от имени короля Сигизмунда I и лишь в отдельных случаях (док. № 69, 70, 77) представителями королевской администрации на местах. По адресатам, которым предназначались эти акты, они разделяются на две группы.

Группа 1-я, объединяющая преобладающее большинство документов, включает королевские грамоты, выданные шляхтичам. Среди этих документов можно выделить следующие их разновидности: 1) королевские жалованные грамоты (№ 61, 63, 65, 72—74), разрешение на покупку земли (№ 62); 2) привилей на основание села (Зубкова) на валашском праве (№ 76); 3) решения по различным фискальным, финансовым и юридическим вопросам, освобождение шляхтичей от наказаний, уплаты налогов (№ 62, 64, 67, 71); 4) королевские декреты 1527 и 1530 гг. об упразднении гродских судов в Стрые (№ 78) и Самборе (№ 80) по ходатайству местной шляхты.

Вторая, небольшая группа документов (№ 68 и 75) за 1511 и 1526 гг. представлена королевскими грамотами, адресованными каменецким мещанам, с требованием не объезжать львовского склада во время торговых поездок в интересах государственного фиска и львовского патрициата. Один документ (№ 79) — назначение королем епископа в Перемышль.

Наряду с королевскими документами три акта составлены представителями местной администрации. Все эти источники представляют собой разрешения шляхтичам основать («осадить») села (№ 69, 70), в том числе на валашском праве (№ 77).

Основой источниковой базы 2-й серии этой документальной публикации, как и первой, явились гродские книги (41 документ из 50) из Львовского краевого архива (ЦГИА УССР), причем большинство (27 актов) представлены списками в санокских гродских книгах, 9 — из львовских гродских книг, 2 — галичских гродских и 3 — из перемышльских земских. 9 актов были почерпнуты в других архивохранилищах: 2 (№ 83 и 86) — из каменецкой гродской книги (№ 3599) Киевского Центрального архива (ЦГИА УССР), 1 (№ 92, 111, 114, 121) — из Коронной и 2 (№ 94, 95) из Литовской метрик МАМЮ (последние теперь хранятся в

ЦГАДА). Одна (№ 88) запись была почерпнута в Варшавском главном архиве.

По своему происхождению абсолютное большинство документов в этой серии, как и в предшествующей, составляют грамоты, вышедшие из королевской канцелярии и составленные от имени польских королей, главным образом Сигизмунда-Августа, последние грамоты—Генриха Валуа. По форме они представлены в виде мандатов, решений, постановлений. К украинским землям их относится 33 (№ 81, 84, 88, 89, 101—108, 112, 114, 117—119, 122, 123, 126, 130—132). Вторая группа — это документы представителей королевской администрации, шляхтичей: разрешения, свидетельства, поручения, уставные грамоты — их 7 (№ 82, 83, 109, 115, 120, 121, 129). Третья группа — решения судебно-административных учреждений — 6 документов (№ 85—87, 100, 111, 116). Особое место занимают два документа: описание с. Зелева Львовского староства, составленное в 1570 г. королевскими люстраторами (№ 127), и обязательство тиуна и общины с. Солонки по отношению к местному священнику (№ 124); последний документ — единственный в данной публикации, вышедший из крестьянской среды.

Для публикации использованы современные и позднейшие копии, подтверждающие грамоты, сравнение которых (например, док. № 90) позволяет внести уточнения, дополнения в реконструированный первоначальный текст, выявить ошибки, пропуски, искажения.

По содержанию публикуемые документы относятся преимущественно к двум социальным слоям: крестьянству (их большинство) и мещанам.

Значительное число документов второй серии характеризует положение крестьянства в процессе усиления его феодальной эксплуатации и дальнейшего закрепощения на протяжении XVI в. Эти явления происходили особенно интенсивно на той части западноукраинских земель — Галичине, которая ранее других была насильственно захвачена шляхетской Польшей.

Хотя самих крестьянских жалоб в этой публикации не имеется, содержание королевских грамот (мандатов, предписаний) местной администрации шляхтичам по вопросу о положении крестьян является красноречивым свидетельством наступления феодалов на крестьянство. Эти документы позволяют судить о чрезмерном обременении крестьян «сверх старых обычаев» непосильными повинностями, максимальном увеличении барщины, вплоть до ежедневной (№ 84, 90,

96—99, 112, 130, 132). Жалобы крестьян королю по этому поводу оставались безрезультатными, о чем свидетельствуют издаваемые королями трижды на протяжении 26 лет — в 1548, 1559 и 1574 гг. указания шляхтичам прекратить увеличение барщины крестьян с. Рогова Санокского повета (№ 98, 112, 130). Имеются также аналогичные королевские грамоты 1548 и 1574 гг., относительно крестьян с. Врачанки, которых вынуждали выполнять ежедневную барщину (№ 99, 132), «не давая им отдыха» (№ 132, с. 166). Документ № 122 (1567 г.) явился следствием коллективной жалобы крестьян 15 сел на отягощение их повинностями. Имелись факты принуждения крестьян, подчиняющихся валашскому праву, выполнять повинности в пользу местной королевской (городской) администрации (№ 96). По истории крестьянства опубликованы следующие документы: о регламентации старостой крестьянских повинностей (№ 120), спорах между крестьянами и старостами, войтами (№ 94, 81), между общиной и местным священником (№ 116, 124), дело о юрисдикции земских и ленных имений (№ 86), подчинении села Хмельницкому замку (№ 88), а также разрешение на осаждение новых сел светскими (№ 82, 121) и духовными лицами (№ 109), в том числе на валашском праве (№ 82), разграничение сел (№ 83, 111), выделение земли духовенству (№ 129), записи шляхтичами сел (№ 115), королевские разрешения на продажу сел под фольварки (№ 117—119).

Лишь несколько документов (7) относится к истории городов, четыре из них — к Каменцу. Очевидно, в связи с недовольством и жалобами мещан этого крупного торговоремесленного центра на Украине, были выданы грамоты, освобождающие каменецких мещан от всех пошлин в 1543 и 1553 гг. (№ 89 и 103), об установлении единых прав для мещан трех общин: православной (украинской), католической (польской) и армянской (№ 106, 1555 г.), о пропуске каменецких мещан через тамошние коморы (№ 102, 1550 г.). В документе № 93 (1547 г.) приказывалось люблинскому воеводе не препятствовать купцам из Кременца ездить в Коломыю и другие местности по соль древним путем — *via antiqua*. При этом были названы маршруты торговых путей, что представляет значительный интерес.

Угнетению подвергалось не только крестьянство, но и городская беднота, население небольших местечек: в документе 1574 г. (№ 131) говорится об отягощении жителей Тиравы «необычными работами». Представляет интерес подтверждение цехового устава местечка Лиска в 1546 г. (№ 91).

В ЗНТШ публиковались без какого-либо плана и последовательности отдельные документы, случайно выявленные в архивах, причем количество актов колебалось в одной публикации от одного до четырех.

Среди них к XVI — первой половине XVII в. относятся следующие документы, характеризующие социально-экономические отношения:

1) люстрация Ратненского старства (на западноволыньском Полесье) 1500—1512 гг. из архива Коронного скарба (Казенной палаты), представляющее собой уникальный источник, так как в нем было зафиксировано сохранение до того времени арханческих повинностей, уходящих своими корнями в Древнюю Русь: «полюдь», беличья и медовая дань, бобровничье и др. (ЗНТШ, т. 26, 1898, с. 1—40);

2) несколько киевских документов XV—XVI вв. (ЗНТШ, т. II, 1896, с. 1—18). Поскольку древнейшие киевские акты-книги, в том числе XV—XVI вв., не сохранились, значительный интерес представляют такого рода записи в других официальных собраниях. В данной публикации представлены 4 подтвердительные грамоты из Коронной метрики МАМЮ за 1571—1574 гг. на земельные владения киевских бояр («зсямяне... Киевского повету» с. 6 и др.) и акты первоначальных пожалований XV в. Две позиции публикации (№ 3, 4) включают акты продажи («листы продажные») за более длительное время (например, док. 3 — за 1459, 1564 и 1571 гг.), что позволяет изучить пути и формы перераспределения земельной собственности между феодалами и установить персональный состав землевладельцев на территории Киевщины, преимущественно в южной ее части. Право «держати и уживати вечными часы» землевладения обусловливалось обязанностью нести «службу... земскую военную служить будут повинни по обычаю иных землян... повету Киевского» (№ 3, с. 14);

3) разрешение короля Сигизмунда 1509 г. каменецкому наместнику Григорию (Дяку) приобрести село Крогулец от своего тестя мытника Петрашки («Poytrassek, civis thelopeatourisque camenecensis») из Коронной метрики Варшавского Главного архива, опубликовано в разделе Miscellanea (ЗНТШ) 1896 г., т. II, с. 1, 2);

4) два крестьянских акта купли-продажи с. Одреховы 1511 и 1519 гг., хранящиеся тогда в церковном архиве этого села, напечатаны в 50-м томе ЗНТШ в 1902 г. (с. 1—6). Их ценность состоит в первую очередь в том, что это — доку-

менты из уникальных сохранившихся сельских судебно-административных книг не только Прикарпатья, но и вообще Украины, так как практически других мы не знаем. Советские археографы издали в 1970 г. сборник одреховских актов¹¹. Первый акт свидетельствует о продаже земли («роля», с. 3), второй — пасеки (с. 5). Акты написаны кириллицей на украинском языке, соблюдены необходимые юридические формулы и зафиксировано личное присутствие договаривающихся сторон, которые явились «обличне... пред осадцов и пред права одреховским» (№ 1, с. 3), при этом перечислены имена свидетелей. В данных актах хотя и заметно влияние польской судебно-административной практики и права, вместе с тем ощутимы и древнерусские традиции и обычное право;

5) акт предоставления королем Сигизмундом III в 1596 г. небольшому местечку (фактически селу) Дидову, расположенному на берегу р. Ирпени на Киевщине, на земле Киево-Печерского монастыря, магдебургского права — «Фундация права майдеборгского» из коронной метрики МАМЮ (ЗНТШ, т. 25, Miscellanea, с. 3, 4). Ходатайствующий об этом акте архимандрит монастыря Н. Тур «ку пожитку своему и для убезпечения от неприятеля, такоже и иным многим именьям и селам..., и теж князским, панским и шляхетским и всему оному краю ку великому убезпеченью от неприятеля» получил разрешение «заложити и збудовати коштом и накладом своим замок и при нем место осадить». В грамоте разрешалось это «мѣсто людми волными и иными всякими прихожими и ремесники осадити» и им предоставлялись «волности местские права майдеборгского водлуг звычайу и порядку места... Киевского» (с. 3, 4). Таким образом, в акте содержалась обычная формула предоставления права магдебургского самоуправления. Вместе с тем нарастание освободительной борьбы народных масс, антифеодальных выступлений, крестьянско-казацкие восстания 90-х гг. нашли свое отражение и в этом документе: запрещались какие-либо контакты с запорожским казачеством: «Месчане... того места на Запороги и в Дикие поля за границу бывати и ходити без воли и ведомости гетмана коронного, также и живности, олову и порохов додавати не мают. Тож половников в Дикие поля и за границы выправовати не мают под винами и караньем в праве описаными» (с. 4).

Особое место занимают документы о крестьянско-казацком восстании под руководством С. Наливайко. В 1899 г. в 31, 32 томах ЗНТШ (с. 1—30) опубликованы 17 докумен-

тов за 1592—1597 гг. из 11-й книги так называемой Русской метрики, хранящейся тогда в МАМЮ. Эти акты представляют собой различные юридические документы по делам конфискованного движимого и недвижимого имущества участников, главным образом руководителей восстания 1594—1596 гг.: королевские решения (декреты), пожалования (привилегии «данины»), заявления и свидетельства («оповеданья»), постановления (декреты) королевского ассесорского суда. Эти документы свидетельствуют о широком социальном составе участников восстания: наряду с крестьянством и казацкими низами среди восставших называются мещане (№ 14, 17), зажиточные казаки, владевшие многими селами (№ 16). К их числу принадлежал и Г. Лобода, занимавший соглашательские позиции по отношению к польской шляхте, имевший связи с «уроженным Семеном Бутовичом войским киевским» (№ 12, с. 20); после Лободы осталось богатое наследство, подлежащее конфискации (№ 7, 11, 12). В ряде актов упоминаются другие видные деятели этого восстания: Шаула (№ 8, 9), Полуус (№ 14). Представляет также интерес опубликованная в т. 40 ЗНТШ за 1901 г. (с. 1—6) запись из Каменецкой земской книги № 3616 (теперь в ЦГИА УССР в Киеве, ф. 37, ед. хр. 24) за 1596 г. о имеющихся связях между Наливайко и «галицким подчасшим», известным дипломатом того времени Андреем Тарановским, который предоставил Наливайко амуницию.

К этим публикациям тематически близка группа иностранных сообщений о попытках германского императора Рудольфа II и римского папы Климента VIII в 90-х гг. XVI в. привлечь запорожских казаков к участию в антитурецкой лиге. Эти известия опубликованы во второй книжке 10-го тома ЗНТШ в 1896 г. (с. 2—34) под названием «Причинки до історії зносин Рудольфа III і папи Кліментія VIII з козаками 1593 і 1594 рр.». В состав публикации вошли 7 отрывков, большинство из которых (№ 1, 2, 5—7) впервые были введены в научный оборот, в их числе два (№ 1, 2) из Венского государственного архива (в прошлом — императорского: Haus-Hof-Staats Archiv). За исключением одного (№ 4) отрывка, напечатанного на польском языке, все изданы на языке оригинала — латинском (№ 1, 2, 5—7). Хронологические рамки публикации охватывают время с 21 декабря 1593 г. (в заглавии документа № 1 при печатании допущена описка — ошибочно указан год 1596) по 11 июня 1594 г.

Среди этих источников наибольший интерес, на наш взгляд, представляет два первых, почерпнутых в Венском

архиве. Первый из них—отрывок из инструкции 21 декабря 1593 г. венского двора имперскому послу, направляемый в Польшу, Иоанну Матвею Вакеру (№ 1). В нем отмечается важная роль запорожских казаков (*Cosaci Nisovienses*), занимающих важное стратегическое положение для борьбы против турецкой экспансии. Послу предписывалось тайным образом без ведома канцлера Замойского и польских вельмож разузнать о численности казаков, их намерениях и возможности привлечения к борьбе с Турцией. Второй документ представляет собой подробный отчет Вакера о полученных им известиях в Польше, в особенности о запорожских казаках. В частности, он сообщает о походе казаков под руководством С. Наливайко через Валахию в придунайские владения Турции, взятии ими городов Джурджево и Орсовы (*Orscovia*, *Orsiovia*, *Orschovia*) на Дунае (№ 2). Достоверность этих сведений усиливается тем, что Вакер приводит отрывок из полученного канцлером Замойским письма 8 января 1594 г. из Бара об этих событиях.

Три последних отрывка (№ 4—6) почерпнуты в тогдашнем собрании рукописей Оссолиньского (*Oss. N 185*) во Львове и представляют собой фрагменты обширной рукописи *Silva regum* — одного из фамильных шляхетских дневников конца XVI — начала XVII в., куда были занесены тексты официальной переписки. Это — письма турецкого султана Мурада III польскому королю в марте 1594 г. (№ 4) с требованием, чтобы окраинные воеводы и «низовые казаки» не препятствовали татарам в походе на Венгрию, письма польских сенаторов турецкому султану о желании сохранить мир (№ 5) и германскому императору с жалобой на действия авантюриста Хлопицкого (№ 6). Оба письма датированы 26 апреля 1594 г.

Последнее из посланий (№ 7) было найдено среди рукописей библиотеки Чарторийских в Кракове (рук. № 2243) и представляет собой ответ Рудольфа II польским государственным деятелям о деятельности Хлопицкого.

Один источник (№ 3) — послание Рудольфа II видным государственным деятелям (русскому царю Федору Ивановичу, валашскому господарю Аарону, а также брацлавскому воеводе князю Янушу Збаражскому) 3 февраля 1594 г. о необходимости объединиться в борьбе с турецкой экспансией — представляет собой перепечатку из лейпцигского издания 1712 г.: *J. Chr. Lünig. Literae prosequi Euporae*.

Кроме издания источников полностью, в ЗНТШ практиковалась их фрагментарная публикация в статьях, имеющих

отчасти источниковедческий характер, и, тем самым, дающая возможность введения таких документов в научный оборот. К их числу принадлежит исследование И. П. Крипякевича, посвященное истории львовской торговли первой половины XVII в. («Матеріали до історії торгівлі Львова», ЗНТШ, т. 65, 1905 г., с. 1—46). В статье подвергнуты анализу два ценных финансовых источника (расчетные книги) из тогдашнего Львовского городского архива о деятельности купеческих гильдий, возглавляемых представителями городского патрициата Мельхер Шольц-Вольфович, Павел Боим (1600—1604 гг.) и Матвей Гайдер (1617—1634 и 1646 гг.). Следует отметить, что эти купцы почти исключительно специализировались на торговле сукном. Записи в этих приходно-расходных книгах позволяют установить размеры, интенсивность и направления торговли, в том числе транзитной и посреднической, связи львовских купцов с такими ярмарочными центрами, как Каменец-Подольский, Луцк, Ярослав, Острог, Стрятин, Сатанов и др., изменение спроса на сукно, его сорта и цены на них, круг покупателей, их фамилии, имущественное положение, формы расчета, в том числе — в долг.

Представляет интерес практика использования при купле-продаже вместо денег товарного эквивалента натурой: обмен (так называемое штихование) одних товаров (в частности сукна) на другие. Так, приводится контракт, заключенный в 1604 г. в Луцке: приобретение львовской гильдией у Мартина Литвоша 240 пар «юфти московской» за 1200 злотых в счет различных тканей и лишь частично наличными деньгами (с. 20). Это — еще одно свидетельство торговых связей между Россией и украинскими землями. В целом публикации отрывков расчетных книг позволяет расширить знания по организации, составе и направлениях торговли не только Львова, но и ряда других городов Украины.

* * *

Львовские публикации письменных источников XVI—XVII вв. занимают видное место среди других украинских дореволюционных (XIX — начала XX в.) археографических изданий. Из них выделяются сборники по истории Львовского Успенского братства (MCS, Юбилейное издание, DS) и издания археографической комиссии НТШ (Жерела... и др.). В этих изданиях впервые были введены в научный оборот и опубликованы тексты не только из местных (львовских) рукописных собраний, но и архивные источники, хра-

нящиеся в Москве, Петербурге, Киеве, Варшаве, Кракове. Несмотря на археографическую несовершенство этих изданий (отсутствие синхронных переводов с греческого, латинского, польского на родной язык читателей, мотивированности транскрибирования текстов, отсутствие необходимого научно-справочного аппарата, в первую очередь комментариев, установления вариантов, интерполяций и др.), а также на дворянскую и буржуазную направленность идеологии их издателей, ряд из которых преследовали и настойчиво проповедовали антинаучные концепции исторического процесса, благодаря рассмотренным публикациям существенно расширилась источниковая база исследований по истории братств и их связей с Россией, представления о характере экономических и социальных отношений, структуре общества, стало возможным установить новые факты и события.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ковальський Н. П. Источниковедение истории Украины XVI—первой половины XVII века. Ч. 3: Характеристика публикаций источников на иностранных языках. — Днепропетровск: ДГУ, 1978, с. 29—48, 54, 55, 61, 62, 64, 65.

2. Ковальський Н. П. Источниковедение и археография истории Украины XVI — первой половины XVII века. Ч. 2: Анализ дореволюционных отечественных публикаций источников. — Днепропетровск: ДГУ, 1978, с. 16, 19, 49, 53, 65.

3. Марчєнко М. І. Українська історіографія (з давніх часів до середини XIX ст.). — К.: Вид-во Київського ун-ту, 1959, с. 185—190; Гербільський Г. Ю. Передова суспільна думка в Галичині (30-і — середина 40-х років XIX ст.). — Львів: Вид-во Львівського ун-ту, 1959, с. 79—83; Гербільський Г. Ю. До питання про історичні погляди Д. Зубрицького. — В кн.: Вісник Львівського ун-ту, серія істор., вип. 4. Питання історії УРСР. — Львів: Вид-во ЛДУ, 1965, с. 63—70.

4. Ісаєвич Я. Д. Д. І. Зубрицький і його діяльність в галузі спеціальних історичних дисциплін. — Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР, 1963, № 1 (57), с. 48—57.

5. Zubrzycki D. Kronika miasta Lwowa. Lwów, 1844; Зубрицький Д. Летопись Львовского Ставропигиального братства. — Журнал Министерства народного просвещения, ч. 72, 76, 77. — М., 1849—1850; см также Временник Ставропигийского института на 1926 г. — Львов, 1925

6. Ісаєвич Я. Д. Указ. соч., с. 54.

7. Ісаєвич Я. Д. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI—XVIII ст. — К.: Наукова думка, 1966, с. 8.

8. Широко использовал «Альбом» и произвел анализ грамот восточных патриархов Я. Д. Исаевич, в частности, в статье: Найдавніші документи про діяльність братств на Україні. — В кн.: Історичні джерела та їх використання, вип. 2. — К.: Наукова думка, 1966, с. 15—22.

9. Dictionnaire de l'art de vérifier les dates des faits historiques. — Paris, 1854, col. 655.

10. Серийная источниковая публикация AGZ рассмотрена в исследованиях советских авторов: Крип'якевич И. П. Джерела з історії Галичини періоду феодалізму (до 1773 р.): Огляд публікацій. — К.: Вид-во АН УРСР, 1962, с. 29—34; Ковальський Н. П. Источниковедение истории Украины XVI — первой половины XVII века. Ч. 3, с. 29—34.

11. Подробнее о советской археографической публикации «Акти села Одрехови»: Ковальський Н. П. Источниковедение истории Украины (XVI — первая половина XVII в.) Ч. I, Днепрпетровск: ДГУ, 1972, с. 58—61.

С. И. ПЛОХИИ

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКОВОЙ ОСНОВЕ СОЧИНЕНИЯ П. ШЕВАЛЬЕ ПО ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ УКРАИНСКОГО НАРОДА 1648—1654 гг.

Воссоединение Украины с Россией и предшествовавшая ему освободительная война украинского народа 1648—1654 гг. были одними из ярчайших страниц не только отечественной но и европейской истории и явились поворотным пунктом в историческом развитии Украины периода феодализма. «Воссоединившись с Россией в рамках единого государства Украина была спасена от порабощения шляхетской Польшей и поглощения султанской Турцией»¹ — отмечалось одобренных ЦК КПСС Тезисах о 300-летию воссоединения Украины с Россией. Историческое событие такого масштаба безусловно, не могло пройти мимо пристального внимания современников и закономерно нашло отражение в огромном количестве исторических источников, особую группу которых составляют записки, мемуары и сочинения иностранцев.

Работы иностранных авторов по истории нашей страны всегда были в центре внимания исследователей, а их значение как исторических источников отмечал еще великий русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский: «Нельзя предполагать возможность систематической вражды к нам в западных путешественниках XVI и XVII столетий... такие люди, как Герберштейн, Флетчер, Олеарий, Майерберг и многие другие были людьми замечательного ума и проницательности и имели довольно времени, чтобы хорошо изучить нас». С позиций марксистско-ленинской методологии подошли к изучению подобного рода источников советские историки. В этой связи необходимо отметить работы М. Н. Тихомирова, А. П. Пронштейна, М. А. Алпатовой, А. Л. Гольдберга, В. А. Голобуцкого, В. М. Зайцева, И. С. Слабеева и др.

где была изложена методика исследования иностранных источников, а также рассмотрен целый ряд известий и сочинений иностранных авторов, в том числе и по освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг.³

Событиям освободительной войны были посвящены записки и исторические сочинения многих иностранцев, среди них произведения П. Алеспского, С. Твардовского, С. Грондского, А. Радзивилла, П. Шевалье. Сочинение последнего пользуется особенно широкой известностью, благодаря осуществленной в 1960 г. публикации этого важного источника по истории Украины и освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг.⁴

Краткий археографический анализ этого издания, а также источниковедческая характеристика самого произведения П. Шевелье являются главной задачей данного исследования.

Наши сведения об авторе «Истории войны казаков против Польши», французском офицере и путешественнике Пьере Шевалье, продолжают оставаться чрезвычайно скудными и практически сводятся к данным, которые приводятся им самим в посвящении к книге и в обращении к читателю. Известно, что П. Шевалье имел звание советника королевского монетного двора, командовал в свое время отрядом завербованных французским королем украинских казаков и, очевидно, путешествовал по Польше⁵. Его книга «История войны казаков против Польши» была широко известна в Польше и выдержала ряд переизданий⁶. Впервые она увидела свет в 1663 г., в издании, которое осуществил парижский печатник Клод Барбен, а в 1668 г. появилось второе издание этой книги. В 1672 г. она была переведена на английский язык и вышла в Лондоне без указания имени автора. Книга была снабжена предисловием Э. Брауна, личного друга Г. Боплана, и предназначалась для удовлетворения все возрастающего интереса английской общественности, а также торговых и военных кругов Англии к истории Восточной Европы и, в частности, Украины. Новый интерес к работе П. Шевалье пробудился во Франции в середине XIX в., вследствие чего в 1856 г. было осуществлено ее новое издание в Париже.

Хорошо был известен труд П. Шевелье и в отечественной историографии. Целые главы из него были внесены в сочинения П. Симоновского, А. Ригельмана (XVIII в.)⁷. Широко применялся фактический материал, содержащийся в книге, отечественными историками XIX в., прежде всего Д. Бантыш-Каменским, Н. Маркевичем⁸. Однако ни историогра-

фического, ни специального источниковедческого анализа этой работы в дореволюционной исторической науке сделано не было. Не существовало и полного перевода на русский или украинский язык этого важного источника по истории Украины.

Указанные пробелы в изучении произведения П. Шевалье были с успехом восполнены благодаря его изданию советскими историками в 1960 г. Публикация была подготовлена к печати научными сотрудниками Института истории АН УССР А. А. Бевзо и А. З. Барабоем. Издание было снабжено предисловием, археографической справкой об издании 1663 г., с которого был сделан перевод, примечанием, именным и географическим указателями. Само произведение П. Шевалье включало в себя посвящение графу де Брежи, обращение к читателю, «Очерк о землях, обычаях, способе правления, происхождении и религии казаков», «Очерк о перекопских татарах», «Историю войны казаков против Польши» и очерк о «Второй казацкой войне», т. е. о событиях с января 1650 г. до подписания Белоцерковского мира в августе 1651 г.

Предпосланное работе П. Шевалье предисловие А. З. Бараболя явилось одной из первых в отечественной историографии попыток дать оценку произведению французского автора. Однако, если историографическая часть статьи А. З. Бараболя не вызывает каких-либо замечаний, то источниковедческий анализ труда П. Шевалье носил крайне поверхностный характер и был в целом неудачным. В частности, труд П. Шевалье считался почти полностью оригинальным, автор исследования указывал только на заимствования П. Шевалье у Г. Боплана, а относительно источников остальных данных его книги строились не всегда оправданные предположения.

Свое несогласие с источниковедческим анализом А. З. Бараболя высказал автор статьи «Западноевропейские историко-литературные источники об освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг.» Д. С. Наливайко, в частности, отметив, что А. З. Барабой переоценивает оригинальность труда П. Шевалье. Д. С. Наливайко впервые в советской историографии высказал мысль о заимствовании «основного фактографического материала» книги П. Шевалье в «Bellum scythico-cosacium»... И. Пастория, но вместе с тем указал и на значительную долю творческой работы П. Шевалье, «особенно в последнем очерке»⁹.

Безусловно, подтвердить мысль А. З. Барабозя об оригинальности труда П. Шевалье или определить степень указанных Д. С. Наливайко заимствований П. Шевалье у И. Пастория можно только путем сопоставления произведений двух историков.

Упоминаемая Д. С. Наливайко «Bellum scythico-cosacium»... была издана на латинском языке в Гданьске в 1652 г.¹⁰ Ее автор И. Пасторий (20. IX. 1611—26. XII. 1681) родился на территории Польши в семье немецкого священнослужителя. Он получил хорошее образование и со временем, в 1652 г., занял пост профессора истории Академической гимназии в Гданьске. За свои исторические труды, наиболее известным из которых является «Bellum...», он был удостоен титула секретаря и историографа польского короля Яна-Казимира¹¹. Очевидно, идя вслед за И. Пасторием, П. Шевалье разделил описание освободительной войны украинского народа на две части, назвав их соответственно «История войны казаков против Польши» и «Вторая казачья война». Первая часть работы П. Шевалье посвящена описанию событий 1648—1649 гг., вторая — заканчивается описанием Белоцерковского мира 1651 г.

Как первая книга И. Пастория, так и «История войны казаков» начинаются почти одним и тем же предложением. В полном соответствии с И. Пасторием приводит французский автор и сообщение о соединении казачьей пехоты, «закаленной трудом и невзгодами» с сильной татарской конницей. В данном случае, как, впрочем, и в ряде других мест, текст «Bellum...» сокращается, причем, как правило, опускаются присутствовавшие в повествовании И. Пастория подробности.

Вслед за И. Пасторием П. Шевалье называет Б. Хмельницкого «первой искрой восстания», но приводимые далее факты позволяют утверждать, что «Bellum...» И. Пастория не была единственным источником П. Шевалье. Так, не находят аналогий у И. Пастория биографические сведения о Б. Хмельницком, подробности о готовившейся Владиславом IV войне с Турцией и, наконец, о тайной поддержке королем казачьего восстания. Более подробно, чем у И. Пастория освещен в работе П. Шевалье и конфликт Б. Хмельницкого с Д. Чаплинским, хотя причины участия Б. Хмельницкого в освободительной войне и ее начало излагаются французским автором в полном соответствии с текстом «Bellum...». Отсутствующих в «Bellum...» сведений нет и в описании П. Шевалье Желтоводского и Корсуньского сражений. В отличие

от битвы на Желтых Водах, рассказ о которой у обоих авторов занимает по несколько строк, И. Пасторий, а вслед за ним и П. Шевалье более подробно остановились на описании военных действий под Корсунем. «Оттуда (из татарского лагеря — С. П.) появились шпионы... их наконец поймали и один из них, не выдержав пыток сказал, что их войско насчитывает сорок тысяч татар и семь тысяч казаков, и из провинции (с волости — С. П.) вот-вот должны подойти крестьяне, которые отовсюду движутся к ним», — читаем у И. Пастория¹². А вот как описывает эти же события П. Шевалье*: «...было взято в плен несколько татар. Под пытками, которые необходимо было употребить, чтобы узнать, что происходит в их войске, они выдали, что татар было сорок тысяч, а казаков — семь тысяч, что к казакам вот-вот должны подойти из господских владений крестьяне, которые отовсюду сбегаются к ним»¹³.

Как видно, П. Шевалье просто приводит свободный пересказ описанных у И. Пастория событий. Полностью совпадают в «Bellum...» и в «Истории войны казаков» количество войск, участвовавших в битве с одной и с другой стороны, длительность боя и ряд других подробностей. Сведения о переходе под Корсунем на сторону восставших 1800 реестровых казаков были тоже заимствованы П. Шевалье у И. Пастория.

Таким образом, при описании Желтоводской и Корсуньской битв книга И. Пастория «Bellum...» была для П. Шевалье единственным источником, причем заимствования французского автора носили не творческий, а явно компилятивный характер.

Не вызывает удивления тот факт, что И. Пасторий пытался как можно меньше внимания уделить описанию победного продвижения частей Б. Хмельницкого на Запад, позорного поражения магнатских отрядов под Пилявцами и, наконец, осады восставшими Львова и Замостья. Еще меньше страниц отводит рассказу об этом периоде освободительной войны Пьер Шевалье. Вслед за И. Пасторием описывает французский автор смерть в Мерече польского короля Владислава IV, рассказывает о письме Б. Хмельницкого к уже умершему королю и о письме А. Киселя к Богдану Хмельницкому. Но, если И. Пасторий отводит описанию смерти Владислава IV несколько страниц, то П. Шевалье

* Для удобства сопоставления отрывки из П. Шевалье приводятся нами в переводе с украинского языка на русский.

уделяет этому сюжету всего лишь несколько строк. Как можно судить из текста «Истории войны казаков», его гораздо больше интересует собственный «христианнейший» французский король¹⁴.

В полном соответствии с «Bellum...» излагает французский автор действия войск И. Вишневецкого на Правобережье, бегство поляков под Пилявцами, а также ход событий под Львовом и Замостьем.

События весны 1649 г., назначение новым королем Яном-Казимиром главнокомандующих польского войска, а также дебаты о планах новой военной компании также были описаны П. Шевалье на основании труда И. Пастория.

Около 20 страниц отводится в «Bellum...» описанию збаражских событий, почти без сокращений переносит в свое сочинение сведения из работы И. Пастория и П. Шевалье. Достаточно четко это можно проследить, сравнив следующие отрывки.

И. ПАСТОРИЙ

Это было 13 июля, когда к крепости подошли, и Хмельницкий с применением военных хитростей начал штурм. Сам стоял впереди отрядов, в других местах другие командиры звали, мечом приводили в движение чернь, которая еще не знала о польской храбрости¹⁵.

П. ШЕВАЛЬЕ

13 июля 1649 г. Хмельницкий провел генеральную атаку, которая была одной из самых отчаянных. Он стоял во главе своих отрядов, которые еще не зная об угрожающей им опасности и о храбрости поляков, ринулись стремглав на штурм¹⁶.

Несмотря на почти дословное следование за И. Пасторием, П. Шевалье в ряде случаев выпускает очень интересные подробности, приводимые в «Bellum...». Вот как пишет И. Пасторий о подкопах, которые рыли восставшие под збаражскими стенами:

«Днем и ночью двести крестьян копали, удивительно скрывая свое продвижение. Очень скоро они оказались так близко от вала, что стража смогла услышать их речь. В

первую же ночь слышали голоса этих крестьян: один работал, жалобно вздыхал, другой грубо ругался и угрожал полякам»¹⁷.

У П. Шевалье же находим только одно довольно общее предложение об этих событиях. Не были полностью использованы П. Шевалье и приводимые у И. Пастория сведения о попытке казаков выпустить воду из збаражского пруда. Во всех же остальных случаях П. Шевалье полностью следовал за И. Пасторием, книга которого была его единственным источником при описании осады Збаража.

Однако рассказ П. Шевалье о подписании Зборовского мирного договора содержит материалы, заимствованные французским автором из других источников. Так, в книге И. Пастория указывается только на польско-татарскую часть договоренности, а условия, принятые под Зборовым королевским войском и казаками, выпали с поля зрения автора «Bellum...». П. Шевалье восполнил этот пробел в повествовании И. Пастория и привел в своей работе 12 пунктов, «касающихся Хмельницкого». Нет у И. Пастория упоминания, имеющегося у П. Шевалье, о том, что Хану было обещано 300 тысяч флоринов, из которых он получил 100 тысяч наличными.

В целом же «История войны казаков» была написана П. Шевалье на основании труда И. Пастория «Bellum...». Это же можно сказать и о «Второй казацкой войне», т. е. о второй части третьего очерка сочинения П. Шевалье.

Рассматривая «Вторую казацкую войну», более целесообразно будет уже не доказывать зависимость труда П. Шевалье от «Bellum...» И. Пастория, а просто указать на оригинальные места. Не находят аналогий у И. Пастория в его второй книге «Bellum...» целый ряд приведенных у П. Шевалье постановлений польского сейма, закончившегося в январе 1650 г., сообщение французского автора о приказе Б. Хмельницкого утопить находившихся при его дворе магнатских посланцев, не на 11, как у И. Пастория, а на 14 параграфов разделены П. Шевалье условия Белоцерковского мирного договора. Остальные же известия П. Шевалье могут быть легко найдены в соответствующей работе И. Пастория.

Таким образом, на основании проведенного сопоставления сочинений И. Пастория и П. Шевалье можно сделать вывод, что произведение последнего носит компилятивный характер, причем за редким исключением представляет по

существо просто сокращенный перевод «Bellum...» И. Пастория. В этой связи очевидной становится необоснованность предположений А. З. Барабой об источниковой базе «Истории войны казаков», возникает возможность иначе взглянуть на целый ряд необъясненных или неверно истолкованных автором вступительной статьи моментов.

Как и И. Пасторий, П. Шевалье опускает изложение причин освободительной войны, а о ее начале говорит очень кратко. «Автор не углубляется в специальные рассуждения по поводу причин событий, а освещает их скупыми, как будто чеканными фразами...»¹⁸ — пишет о работе П. Шевалье А. З. Барабой, но не выясняет причин этого. Обращает внимание А. З. Барабой и на тот факт, что «автор (П. Шевалье — С. П.) не предпринял попытки объяснить события ретроспективно в свете более поздних фактов, т. е. событий 1652—1653 гг.»¹⁹ Знакомство с трудом И. Пастория «Bellum...» легко позволяет найти ответ на поставленные вопросы. П. Шевалье пользовался работой И. Пастория, в предисловии к которой польский историк отмечал, что о «начале этой истории» он писал ранее²⁰, следовательно, отсутствие указанных данных у И. Пастория, а вслед за ним и у П. Шевалье, вполне закономерно.

Книга И. Пастория была издана в 1652 г. и поэтому, естественно, в ней не могли отразиться «ретроспективно» события более поздних лет, а П. Шевалье даже не попытался хотя бы несколькими словами обрисовать события, следовавшие за Белоцерковским миром 1651 г. Ошибочным является и предположение А. З. Барабой об использовании П. Шевалье таких источников, как «Реляция разгрома войска польского под Пилявцами», «Реляция о славнейшем продвижении...» Неверным можно считать также мнение А. З. Барабой о знакомстве автора с письмами Б. Хмельницкого Владиславу IV и А. Киселя к Б. Хмельницкому²¹. Несомненно, что сведения, содержащиеся в этих источниках отразились в сочинении П. Шевалье, но не непосредственно, а опосредствованно, т. е. через труд И. Пастория, явившийся основным и почти единственным источником П. Шевалье.

Определенный интерес для уточнения ссылочного аппарата представляет следующее сообщение П. Шевалье: «Под Корецким, который был во главе (отряда), убило лошадь, он думал, что и сам погибнет, Ружицкий был ранен стрелой, которая пробила ему щеки». Издатели работы П. Шевалье указали, что в тексте «Истории войны казаков» фамилия раненого стрелой шляхтича читалась не Ружицкий, а Рузус-

кий. Обратимся к соответствующему месту у И. Пастория. Здесь упоминается фамилия *Ruzovius*. Этот абзац был заимствован, в свою очередь, И. Пасторием у А. Кояловича, где также приводится фамилия *Ruzovius*²². Следовательно, пытаясь придать фамилии шляхтича польское звучание, П. Шевалье довольно неудачно изменил ее. Несомненно, что А. Коялович, а вслед за ним и П. Пасторий по тем или иным причинам имели в виду Пузовского. Исходя из этого правильнее будет заменить у П. Шевалье фамилию Рузуский не на Ружицкий, а на Пузовский, тем более, что шляхтич с такой фамилией встречается и в других источниках²³.

Продолжая начатую характеристику вступительной статьи издания, необходимо отметить, что труд И. Пастория не был в достаточной степени изучен А. З. Барабоем, что не позволило ему правильно указать на источниковую основу работы П. Шевалье и привело к целому ряду названных выше ошибок.

Вряд ли можно согласиться и с мнением, высказанным Д. С. Наливайко. Автор статьи «Западноевропейские историко-литературные источники об освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг.» не совсем верно определил истинные размеры заимствований П. Шевалье у И. Пастория и в какой-то степени преувеличил присутствие творческого элемента в сочинении французского автора.

Тем не менее сочинение П. Шевалье сыграло определенную роль в деле популяризации истории Украины и, в частности, освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. в Западной Европе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией 1654—1954 гг. — М.: Госполитиздат, 1954, с. 10—11.

2. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 16-ти т. Т. IV. — М.: Госполитиздат, 1939, с. 249—250.

3. Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. Вып. 1-й (до конца XVIII в.) — М.: Соцэкгиз, 1962, Прохштейн А. П. Методика исторического источниковедения. — 2-е изд. доп. и испр. — Ростов — н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1976; Наливайко Д. С. Западно-европейские историко-литературные источники об освободительной войне украинского народа 1649—1654 гг. — УИЖ, 1969, № 8, с. 137—143, № 9, с. 107—113, № 10, с. 141—145, № 11, с. 131—136, № 12, с. 128—132, 1970, № 1, с. 138—140. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. — М.: Наука, 1973;

Ковальский Н. П. Источниковедение истории Украины (XVI — первая половина XVII века), ч. 1—3. — Днепропетровск: ДГУ, 1977—1978; Он же. Записки иностранцев как источники по истории Украины второй половины XVI столетия. — В кн.: Некоторые проблемы социально-эконо-

мического развития УССР. Вып. 2. — Днепропетровск: ДГУ, 1971; Ковальский Н. П. Мыцык Ю. А. Немецкое историческое сочинение «Theatrum Egoraeum» об освободительном движении украинского народа в первой половине XVIII века. — В кн.: Вопросы рабочего и национально-освободительного движения. Вып. 2. — Днепропетровск: ДГУ, 1975, с. 120—135; Мыцык Ю. А. Сведения Л. Мюллера как источник по истории освободительной борьбы украинского народа во второй половине XVI века. — Там же, с. 109—135 и др.

4. Шевалье П. История войны казаков против Польши. — К.: Наукова думка, 1960 (Далее — История...).

5. История..., с. 27—32.

6. Histoire de la guerre des cosaques contra la Pologne avec un discours de le leur origine, pays, mœurs, gouvernement et religion. Et un antre des Tartares Precopites. Paris, 1663.

7. Краткое описание о казакском малороссийском народе... Петра Симоновского, 1765. — Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, год третий. — М.: 1847, № 2. Летописное повествование о Малой России... Александра Ригельмана 1785—1786 гг. — М., 1847, с. 49—100.

8. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. — К., 1903. Маркевич Н. История Малороссии т. 5, Сиб., 1843, с. 230—235.

9. Наливайко Д. С. Западноевропейские историко-литературные источники об освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг. — МЛЖ, 1969, № 12, с. 129.

10. Pastorius J. Bellum scythico-cosacium seu conjuratione Tartarum et plebis Russicae contra Poloniae ab invictissimo Poloniae et Sveciae rege Joanno Casimiro. — Gdańsk, 1652 (далее — Bellum). Поскольку перевода латиноязычного произведения П. Пастория ни на один из славянских языков нет, мы пользовались собственным переводом Bellum — «Война скифско-казацкая с объединившимися против Польши татарами, казаками и русским плебсом при славнейшем польском и шведском короле Яне—Казимире. — Гданьск, 1652.

11. Moskał J., Wilczek S. Album pisarzy śląskich. — Opole, 1975, s. 122.

12. Bellum... с. 14.

13. История..., с. 73, 74.

14. Там же, с. 79.

15. Bellum..., с. 38.

16. История..., с. 82.

17. Bellum..., с. 41.

18. История..., с. 11.

19. История..., с. 23.

20. Bellum... Praequim ad lectorem..

21. История..., с. 12—14.

22. Kojalowicz A. W. De rebus anno 1648 et 1649 contra zapogorios cosacos. — Vilnae, 1651.

23. Документы об освободительной войне украинского народа. 1648—1654. — К.: Наукова думка, 1965, с. 244.

ВОПРОСЫ ПУБЛИКАЦИИ ТЕКСТА «КРОЙНИКИ» ФЕОДОСИЯ СОФОНОВИЧА

«Кройника» Феодосия Софоновича является одним из важнейших памятников исторической мысли Украины периода феодализма, ценным историческим источником. Она состоит из трех частей: — «Кройника о Руси» (1672 г.); «Кройника о початку и назвиску Литвы» (1673 г.); «Кройника о земли Полской» (1673 г.). В первой части освещается история Киевской Руси, главным образом Киевского и Галицко-Волынского княжеств, с древнейших времен до 1292 г. в двух последних — история Украины на фоне истории Литвы (до 1534 г.) и Польши (до 1673 г.).

Попытки опубликовать труд Софоновича предпринимались давно. Еще в 1831 г. дворянский историк В. Н. Берх в приложении к своей книге «Царствование Алексея Михайловича» поместил некую «польскую хронику», доставленную ему графом Ф. А. Толстым, «сократив оную, переменяя и некоторые неудобопонятные слова»¹. Сам того не зная В. Н. Берх опубликовал в сокращенном виде известия за 1654—1672 гг. «Кройники о земли Полской». В. Н. Берх даже не указал шифр рукописи или хотя бы ее полное название но все же можно установить, что опубликованные фрагменты были взяты из той редакции «Кройника о земли Полской» которая входит в состав «Хронографа» (1681 г.) П. Кохановского, о чем ниже будет сказано особо.

В 1908 г. В. С. Иконников сообщал о намерении Киевской комиссии для разбора древних актов издать Густынскую летопись, «Синописис», а также «Кройнику» Ф. Софоновича. Работу по подготовке летописей к печати проводил известный буржуазный историк С. Т. Голубев. По его словам «Кройника» должна была выйти в свет в «Архиве Юго-Западной России» в конце 1910 г.³ Однако работа по изданию летописей затянулась. В 1920 г. умер С. Т. Голубев, который должен был также написать предисловие к отпечатанному тому летописей. «Издание долго лежало в типографии И. Чоколова, ожидая предисловия, и в 1922 г. пошло на макулатуру и почти все погибло». Уцелело лишь три неполных экземпляра^{3а}. Один из них находился в Государственной публичной библиотеке УССР (ныне Центральная научная библиотека АН УССР) еще после Великой Отечественной войны, но

1945 г. по чьей-то некомпетентности был списан в макулатуру. Судьба остальных экземпляров неизвестна. ⁴

В 1952 г. шведская буржуазная исследовательница Цецилия Борелиус защитила докторскую диссертацию, предметом изучения которой был язык Вестеросского списка «Кройники о Руси». В опубликованной тогда же монографии Ц. Борелиус опубликовала четыре главы (1-я и 28-я главы первой книги, 1-я — второй, 1-я — третьей книги) «Кройники о Руси» (по Вестеросскому списку)⁵. Следует отметить, что текст печатался без комментариев, по несовершенным правилам, что вело к его искажению. Так, надстрочные знаки, подобные // и означавшие в большинстве случаев звук «ї», Борелиус читала как «й», что приводило к образованию немыслимых форм вроде: «тый князи» (им. п. мн. ч.).

Таким образом, попытки публикации текста памятника дореволюционными отечественными исследователями, как и зарубежными буржуазными авторами, оказались неудачными. Поскольку опубликована лишь ничтожная часть памятников, причем без привлечения иных списков, по устаревшим и несовершенным правилам, задача публикации текста «Кройники» является одной из важных задач отечественного летописеведения. Чтобы выполнить на должном археографическом уровне данное издание, необходимо привлечь и изучить все известные на сегодняшний день списки и редакции частей «Кройники», оригинал которой не сохранился. Хотя в свое время списки и редакции «Кройники» были указаны нами⁶, имеется необходимость в их подробной характеристике.

СПИСКИ И РЕДАКЦИИ «КРОЙНИКИ О РУСИ»

1. Погодинский список⁷. Находился в «древнехранилище» известного историка М. П. Погодина, которое в июле 1852 г. перешло в публичную библиотеку⁸ (ныне Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде — ГПБ). К Погодину рукопись перешла из собрания П. М. Строева, что видно из записи на внутренней стороне крышки переплета: «П. М. Строева № 14». П., 1476 представляет собой рукопись в 4^о, размером 19×15,5 см., на 335 лл. Переплет картонный XIX в. Бумага плотная, белая с желтоватым оттенком. Водяные знаки: 1) сходен с филигранью, датируемой И. Каманиным и Е. Витвицкой 1680—1688 гг.⁹; 2) фрагмент этой филигранны сходит с филигранью «Почтальон» (1655 г.)¹⁰; 3) фрагмент данной фили-

границы сходен с водяным знаком «Лилия» (1665 г.)¹¹, 4) этому фрагменту аналогий не удалось обнаружить. Рукопись в целом хорошо сохранилась, лишь листы 1—2 повреждены и некоторые слова невозможно прочесть. Текст написан тремя почерками русской скорописью последней трети XVII в. Первым («А») — прямым, каллиграфическим, написана большая часть рукописи (лл. 1—237 об., 233—303, 328—335 об.). Вторым («В») — размашистым и малоразборчивым — написаны лл. 237—239. Третьим («С»), сходным с почерком «А», написаны лл. 303—327 об. Рукопись создавалась писцами поочередно, так как новые почерки начинаются с середины страницы. Авторы почерков «В» и «С» игнорировали надстрочные знаки, указывавшие на йотацию гласных и обозначающие звуки «ї» и «є». Лишь автор почерка «А» был, вероятно, знаком с украинским языком и пытался перенести в текст надстрочные знаки украинского протографа.

Отметим, что на листах 21 об. — 43 ряд украинских слов или полонизмов, непонятных русскому читателю, был переведен на русский язык. Переводчик исправлял непонятные слова или писал их перевод на полях («жебы» — «чтобы», «жолніре» — «солдаты»), иногда допуская ошибки: «мусили» — «мыслили», вместо «должны были» и т. д.¹² Этот несовременный тексту перевод был сделан примерно в первой четверти XVIII в., судя по почерку. Кроме того, переводчик использовал и такие русские слова, которые получили распространение при Петре I: «битва» — «баталия», «з леж» — «с квартир» и др.¹³

II. Вестеросский список, входящий в состав рукописного сборника (кодекса) АД 10, который хранится в гимназической библиотеке г. Вестероса (Швеция), в собрании И. Г. Спарвенфельда. Этот шведский ученый в 1684—1687 гг. находился в составе шведского посольства в России. Имея хорошие связи с Посольским приказом, влиятельными лицами при царском дворе (А. А. Матвеев и др.), он сумел приобрести целую коллекцию рукописей и печатных книг. Вся эта коллекция, наибольшую ценность которой представляют кодексы АД 9, АД 10, АД 11, АД 12, была привезена в Швецию в июне 1687 г. и хранилась в его поместье Обилунд. В 1774 г. майор Яков Спарвенфельд, внук ученого, подарил 60 книг и рукописей, в том числе указанные кодексы, гимназической библиотеке г. Вестероса¹⁴. Поскольку подробное описание кодекса АД 10 дано в работах исследователей, отметим лишь некоторые моменты, проясняющие историю рукописи. Последняя состоит из 939 листов, причем «Кройника о Руси»

помещена на лл. 129—439. Текст сборника написан русской скорописью пятью почерками. Большинство статей написано рукой профессионального писца (почерк «А»). Этим же почерком, как отметил С. Даль, написано большинство статей сборника АД 12, на титульном листе которого имеется следующая запись: «Списано на Москве лета от создания мира 7194—г[о], а от воплощения Б[о]га слова 1685 — [ом] г[о]ду»¹⁵. Последней по времени статьей сборника АД 10 является «Переписная книга Воскресенского монастыря», созданная 20. VII. 1685 г. По нашему мнению, из этого можно сделать вывод, что сборник АД 10 был создан между второй пол. 1685—июнем 1687 г. Вестеросским списком мы пользовались по собственному микрофильму. Аналогичный микрофильм хранится в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки СССР (ГБЛ) в Москве.

III. Толстовский список, который входит в состав сборника, ранее находившегося в собрании Ф. А. Толстого под номером 236 (далее — Т. 236)¹⁶. До этого он хранился в библиотеке Д. М. Голицына, о чем свидетельствует надпись на л. 1 рукописи: *Ex bibliotheca Arcangelina*. Сборник Т. 236 представляет собой рукопись в лист, размером 37×19,5 см., хорошей сохранности. «Кройника о Руси» является второй по счету из 27 статей сборника¹⁷ и помещена на лл. 30—126. Переплет картонный XIX в. Бумага плотная, желтоватого цвета. Водяные знаки:

- 1) герб Амстердама (1710 г.)¹⁸;
- 2) герб Амстердама, вензель под гербом «IB» (1736 г.)¹⁹;
- 3) филигрань, идентичная второй, но вензель под гербом «VC». Рукопись лишена каких-либо украшений. Текст написан черными чернилами, двумя почерками, четкой русской скорописью первой половины XVIII в., причем вторым почерком написано подавляющее большинство статей, в том числе и «Кройника о Руси». Сборник Т. 236 не мог быть создан ранее 1712 г., так как в последней по времени статье его говорится о венчанье «римского кесаря» во Франкфурте-на-Майне, которое произошло 22. XII. 1711 г. Судя по филиграням, создание Т. 236 следует отнести к 30-м годам XVIII в.

IV. Список, хранившийся в библиотеке Киево-Софийского собора. Находится ныне в ЦНБ (Киев)²⁰. Представляет собой копию кодекса АД 10, снятую в начале XIX в. для Румянцева. Перешел затем в собственность митрополита Евгения.

V. Список, скопированный А. М. Rogozинским в начале XX в. с первой книги «Кройники о Руси» предыдущего списка. Хранится в Институте истории АН УССР²¹.

VI. Список Линдберга XVIII в., представляющий собой перевод на шведский язык некоторых глав Вестеросского списка «Кройники о Руси». Перевод был сделан учителем Линдбергом по распоряжению епископа Вестероса Бенцельштьерны. Затем список был передан канцелярскому советнику И. фон Энгельштрему, который предполагал сделать сообщение о нем в королевской Академии изящной словесности, истории и древностей. Дальнейшая судьба этого списка остается неизвестной²².

VII. Список, принадлежавший вологодскому помещику И. М. Зубову. Местонахождение его неизвестно.

VIII. Редакция «Кройники о Руси» П. Кохановского, включенная им в состав «Обширного Синописа Руского» (1681—1682 гг.)²⁴. Ранее этот сборник находился в собрании Ф. А. Толстого и известен еще под названием «Толстовский № 157» (Т. 157). К Ф. А. Толстому сборник перешел от князя Голицына, что явствует из записи, сделанной почерком начала XVIII в. на лл. 1—3: «Дмитрея Михайловича Голицына». Князь Голицын в 1707—1718 гг. был воеводой, а затем губернатором Киева, и многие рукописи попали к нему из собраний киевских монастырей. Видимо, тогда же из библиотеки Киево-Печерской лавры, где создавалась рукопись, к Голицыну попал и Т. 157. На чистом листе рукописи перед «Кройникой о Руси» имеется запись украинской скорописью начала XVIII в.: «Книга кроника з літописцев № 115». А. М. Rogozинскому в свое время удалось прочесть отпечаток несохранившегося титульного листа и установить имя создателя «Обширного Синописа Руского» — эконома Киево-Печерской лавры Пантелеймона Кохановского. Поскольку в настоящее время на отпечатке можно разобрать только отдельные слова, по нашей просьбе была проведена экспертиза. Она дала возможность подтвердить правильность чтения текста А. М. Rogozинским.

Сборник Т. 157 представляет собой рукопись в лист, размером 31×19,5 см., на 708 лл., из которых 32 — пустые. Переплет деревянный, обтянутый коричневой кожей. На коже вытеснены орнаментированные изображения. В центре передней крышки вытеснен ромб, в середине которого изображен распятый Христос и четыре евангелиста, стоящие подле него. Сохранились остатки двух бронзовых застежек.

Бумага тонкая, желтая. Водяные знаки: 1) венок из листьев, в центре которого находится мифическое животное (1677—1678 гг.²⁶); 2) двуглавый орел, держащий в когтях ключ (1682—1683 гг.)²⁷; 3) двуглавый орел, сходный с тем, который приводится в альбоме Е. Лауцявичуса (1973 г.)²⁸⁻²⁹. Переплет рукописи поврежден, некоторые листы выпадают. Пагинация буквенная, современная тексту, пустые листы не нумерованы. Текст написан черными чернилами, но большие буквы, заголовки и подзаголовки на полях выполнены киноварью. Имеются красочные заставки, рисунки, которые, как доказал Я. П. Запаско, тесно связаны с народным искусством³⁰. Имеются и рисунки светского характера. Почти вся рукопись написана прекрасным каллиграфическим почерком—украинским полууставом второй половины XVII в. Нами обнаружено письмо к царю Федору Алексеевичу от монахов Киево-Печерской лавры, в котором сообщается о смерти с архимандрита И. Гизеля, последовавшей 18. XI 1683 г. Оно написано точно таким же почерком, что и рукописи Т. 157, 145³¹. Подзаголовки на полях выполнены иногда украинской скорописью последней трети XVII в. Лишь позже к сборнику на двух отдельных листах была приложена «Копия з грамоты... царя Алексея Михайловича..., какова послана во стретение мощей митрополита Филиппа», написанная русской скорописью конца XVII в., близкой к полууставу. Таким образом, сборник Т. 157, видимо, представляет собой оригинал «Обширного Синописа Руского».

Списки и редакции «Кройники о початку и назвиску Литвы» и «Кройники о земли Полской»

1. Список, хранящийся в ЦГАДА³². В нем содержатся польская (лл. 1—109 об.) и литовская (лл. 110—171 об.) части «Кройники». Список был подарен архиву иностранных дел 1. IX 1803 г. коллежским ассессором М. Шульцем, что видно из записи на 1-м листе. Рукопись в 4°, размером 19×15,5 см. Переплет картонный XIX в. Бумага плотная, белая с желтоватым оттенком. Водяные знаки: 1) идентичен первой филигрании Погодинского списка «Кройники о Руси»; 2) фрагмент другого знака совпадает с неустановленным фрагментом филигрании той же рукописи; 3) данный водяной знак сходен с филигранью, отмеченной И. Каманиным и Е. Витвицкой и датируемой 1699—1700 гг.³³; 4) фрагмент этой филигрании не установлен.

Рукопись украшена такими же примитивными заставками, что и рукопись П., 1476. Текст написан темно-коричневыми чернилами двумя почерками, идентичными почеркам «А» и «В» рукописи П., 1476. Почерком «А» написаны лл. 1—7 об., 22—47, 50 об. — 65 об., 70—102, 104 об. — 106, 108—122, 139—152, 160—161 об., 167 об.—171 об., почерком «В» — все остальные. Как и П., 1476, данная рукопись создавалась писцами поочередно. По всей вероятности, обе рукописи создавались одними и теми же писцами и должны были составить или же составляли единое целое, что подтверждает и отсутствие переплета у обеих.

Правда, следует отметить, что здесь автор почерка «А» не так тщательно передает надстрочные знаки, как в рукописи П., 1476. Возможно, при переписке второй и третьей частей «Кройники» писцы использовали не украинский список этих частей, а созданный русскими писцами и лишенный некоторых особенностей украинского письма.

2. Редакция «Кройники о початку и назвиску Литвы» и «Кройники о земли Полской» П. Кохановского, включенные в состав «Обширного Синописа Руского». Польская часть занимает в Т. 157 лл. 299 —361 об., литовская — 365—386.

3. Редакция «Кройники о початку и назвиску Литвы» и «Кройники о земли Полской» Кохановского, включенные в состав другой его компиляции «Хронограф, сице глаголемый летописец русский» (1681 г.)³⁴. Рукописный сборник заключающий в себе «Хронограф»*, находился в собрании Ф. А. Толстого и известен еще под названием «Толстовский № 145» (Т. 145). Судьба этого сборника была несколько отличной от судьбы Т. 157. До приобретения рукописи Д. М. Голицыным она находилась у подьячего Боркова, о чем свидетельствует запись русской скорописью конца XVII в. на л. 519 об.: «Сия книга подьячего Большой казны Осипа Боркова». На 1-м листе имеется еще одна запись русской скорописью конца XVII—начала XVIII в.: «Летописец выписан из книг Ивана Короткова», что указывает еще на одного владельца сборника. На л. 519 об. написан также ряд букв с указанием их цифрового значения (до 100). На листе, наклеенном на заднюю крышку переплета, сделана пометка

* Авторство Кохановского было установлено А. М. Рогозынским, прочитавшим, как и на Т. 157, отпечаток несохранившегося титульного листа. Проведенная экспертиза подтвердила правильность этого чтения.

украинской скорописью конца XVII в.: «Иоасафа годы и Оврама».

Сборник Т. 145 представляет собой рукопись в лист, размером, как и Т. 157, 31×19,5 см, на 537 лл., из которых 10 пустых. Переплет деревянный, обтянутый черной кожей, украшенной орнаментированными квадратами и ромбами. Имеются две бронзовые застёжки. Рукопись сохранилась лучше, чем Т. 157. Бумага тонкая, желтоватая. Водяные знаки: 1) соответствует 1-й филиграни Т. 157; 2) двуглавый орел, сходный с изображением орла, отмеченным И. Каманиным и Е. Витвицкой (1671 г.)³⁵.

Заставки рукописи выполнены в том же стиле, что и заставки Т. 157. Сборник Т. 145 является, по всей вероятности, оригиналом «Хронографа» П. Кохановского.

4. Сокращенная редакция «Кройники о земли Полской», обнаруженная нами в ЦНБ³⁶. Ранее рукопись находилась в коллекции председателя Киевской комиссии для разбора древних актов М. И. Судиенка, который приобрел ее у наследников известного политического и культурного деятеля XVIII в. Г. А. Полетики. Рукопись включает в себе только «Літописец албо кройнику о земли Полской». Рукопись в 4°, размером 19×15 см., на 29 лл. Переплет картонный XIX в. Бумага плотная, желтоватая. Водяные знаки: 1) двуглавый орел под короной, сходный с орлом, отмеченным И. Каманиным и Е. Витвицкой (1699 г.); 2) плохоразличимый фрагмент второй филиграни установить не удалось.

Рукопись написана черными чернилами, но заголовки, большие буквы и даты, как правило, выполнены кинноварью. Единственная заставка, выполненная кинноварью, напоминает народную вышивку. Имеется пагинация, современная тексту (буквенная). По ней, «Кройника о земли Полской» помещалась на лл. 190 (ошибочно написано 180) — 217. Текст написан двумя почерками украинской скорописью конца XVII — нач. XVIII в., характерной для Левобережной Украины³⁷. Заглавие «Літописца» и некоторые буквы выполнены полууставом. Рукопись создана, по всей вероятности, в 90-х годах XVII в., поскольку изложение третьей части труда Софоновича доведено здесь до 1691 г. Следует отметить, что описание событий 1674—1690 гг. внесено по памяти, о чем свидетельствуют погрешности в хронологии.

Неизвестный редактор «Кройники о земли Полской» резко сократил ее за счет известий по истории Речи Посполитой, а также опустил указания на имя ее подлинного автора. Поскольку эта часть «Кройники» помещена на 190—217 лл.

рукописи, ей, очевидно, предшествовали первая и вторая части «Кройники», сокращенные в той же степени. Отсутствие современного созданию рукописи переплета подтверждает, на наш взгляд, это, так как все части «Кройники» не успели переплести вместе.

5. Редакция «Кройники о земли Полско́й», обнаруженная нами в ГПБ³⁸. Рукопись в лист, на 81 лл. Бумага плотная, голубоватая. Переплет кожаный. Почерк — скоропись украинская середины XVIII в. Рукопись заключает в себе компиляцию войскового канцеляриста Григория Покаса, завершенную им 20. I 1751 г. «Две гистории о казацком малороссийском народе». Вначале идет предисловие Покаса (лл. 1, 2). Затем следует первая «гистория», представляющая собой редакцию «Краткого описания Малороссии» (лл. 2—71 об.). «Краткое описание Малороссии» продолжено здесь до 1741 г. Вторая же «гистория» (лл. 72—81) является, как нам удалось установить, не чем иным как копией с вышеуказанной редакции «Кройники о земли Полско́й», хранящейся в ЦНБ.

6. Особая редакция «Кройники о земли Полско́й», обнаруженная нами в ГПБ³⁹. Она содержится в рукописном сборнике, 70-х годов XVII в., подробнейшее описание которого дано еще в дореволюционное время⁴⁰. Сборник принадлежал представителям казацкого старшинского рода Дворецких, которые вносили в него свои заметки, записи исторического содержания и в XVIII в. Наиболее видный представитель этого рода — Василий Дворецкий, киевский полковник 60-х годов XVII в. (в конце 50-х годов XVII в. был наказным киевским полковником). Рукопись же была создана скорее всего его сыном Иваном (ум. 29. IV 1694 г.), остерским сотником, а затем киевским судьей. В ней помещены весьма интересные материалы: полемическое сочинение «Навиты», «Диариуш». А. Филипповича, «Пересторога» — первый в украинской историографии историко-публицистический трактат — и др. Интересующий нас «Літописец» помещен на лл. 12—31 об. В нем излагаются события с 1340 по 1672 г. Автор резко сократил «Кройнику о земли Полско́й», оставив лишь известия, в которых освещалась народно-освободительная борьба украинского народа против гнета Речи Посполитой, татаро-турецкой агрессии за 1596—1672 гг. Поскольку известия труда Софоновича составили основу «Літописца», мы считаем его особой редакцией «Кройники о земли Полско́й». Следует отметить, что автор «Літописца» значительно расширяет изложение за счет воспоминаний

наний Василия Дворецкого или, что более вероятно, его дневника. Так, рассказ 1668 г. о судьбе В. Дворецкого совпадает с расспросными речами киевского полковника⁴¹, в «Літописце» довольно точно, с указанием дня и месяца, датируются события, что далеко не всегда делал Софонович. Таким образом, в результате творческой переработки «Кройники о земли Полскої» автор сумел создать один из ярчайших историко-публицистических памятников в украинской историографии, литературные достоинства которого превосходят труд Софоновича. /

Как же взаимоотносятся между собой списки и редакции частей «Кройники» и какие из них наиболее верно передают текст оригинала?

Обратимся вначале к «Кройнике о Руси». Ясно, что списки «Кройники о Руси» — копии XVIII—XX вв. с Вестеросского списка — самостоятельного значения не имеют. При сопоставлении между собой остальных списков обнаружилось, что в них, по сравнению с Погодинским, содержится целый ряд ошибок, чаще всего вызванных галлографиями. Интересно, что список в составе Т. 236 в точности повторяет почти все ошибки и пропуски Вестеросского списка. Так, вместо «Олегового», как в Погодинском и Т. 157, они подают ошибочно «Огегового»; вместо «мед розсытивши» — «мед розслышавши»⁴². Если в Погодинском и в Т. 157 находим: «...казала, а потом деревлян их же медом частовала: мощно, а своим не сказала пити», то в Толстовском и Вестеросском — «казала пити». В другом случае Погодинский и Т. 157 подают: «...забил его року от сотворения світа 6484 и его княженне опановал», в остальных же списках — «забил его княжение»⁴³. Довольно часто Толстовский список подает более неверные чтения даже по сравнению с Вестеросским: «строого» — «срогого» — «рогового»⁴⁴. Исходя из этого можно заключить, что наиболее верно текст оригинала «Кройники о Руси» передает Погодинский список, хотя он сам и не лишен некоторых погрешностей, а язык его утратил некоторые особенности оригинала.

Как раз Т. 157 сохранил языковые особенности оригинала, и иногда ошибки Погодинского списка можно исправить только по редакции П. Кохановского. Так, в Погодинском читаем: «Олгу дал деревлян з **законом** їх Коростенем», а в Т. 157 — «з замком їх Коростенем», что буквально совпадает с данными хроники М. Стрыйковского, откуда Софонович заимствовал это известие⁴⁵. Однако Кохановский

изъял имя Софоновича из заглавия частей «Кройники», дополнил «Кройнику о Руси» несколькими рассказами по истории Киево-Печерской лавры⁴⁶, т. е. произвел сознательные изменения текста, а следовательно, текст «Кройники о Руси» в Т. 157 представляет собой не список, а редакцию первой части труда Софоновича, хотя и весьма близкую к оригиналу.

Список в составе Т. 236 не мог быть списан с Вестеросского, так как последний сразу после создания был увезен в Швецию. Ясно, что оба восходят к общему, не дошедшему до нашего времени списку «Кройники о Руси». Причем, можно с уверенностью сказать о том, что не дошедший список находился в составе сборника историко-географического содержания, лежавшего в основе сборников Т. 236 и АД 10. Дело в том, что последние весьма близки между собой. В АД 10 содержится 50 статей, в Т. 236—27, из которых 21 полностью совпадает с соответствующими статьями АД 10, причем основная масса совпадающих статей находится в первой половине сборников. Из 21 статьи, общих для обоих сборников, 8 имеют прямое отношение к Украине (письмо турецкого султана к казакам и их знаменитый ответ, «Алкоран Махметов» И. Галятовского и т. д.), 8 других касаются дипломатических отношений России с Турцией и Крымом — (статейные списки и др.), остальные — истории и географии России («Книга Большой Чертеж», челобитная, поданная восставшими московскими стрельцами в 1682 г. и т. д.).

Отметим, что на сборнике АД 11 есть запись, проливающая свет на обстоятельства ее приобретения Спарвенфельдом: «Сия книга Иоанна Гаврила Спарвенфелта шлахты свейского, жалование Андрее Артемовича (Матвеева — Ю. М.) ко мне в царствующем граде Москве лета от воплощения Бога слова 1686...»⁴⁷. Несомненно, что сборник АД 10 был также получен им от А. А. Матвеева. Достаточно вспомнить, что отец А. А. Матвеева, Артамон Сергеевич, был прекрасно осведомлен о событиях на Украине с 1669 г. возглавлял Малороссийский приказ и являлся участником ряда значительных событий, например, был на Глуховской раде 1669 г. Не случайно поэтому находим в АД 10 и Т. 236 «Глуховские статьи», челобитные киевских и нежинских мещан, которые обсуждались на той же раде. С 1671 г. А. С. Матвеев руководил одновременно Посольским приказом, являлся инициатором издания «Титулярника» — справочника по дипломатической переписке. Поэтому закономерно появление в составе протографа сборников АД 10 и

Т. 236 материалов по внешней политике России. В него же были внесены материалы А. А. Матвеева, который едва не был убит восставшими стрельцами 15. V 1682 г. и составил затем описание стрелецкого бунта. (А. С. Матвеев погиб во время этих событий).

Ясно, что протограф АД 10 и Т. 236 был составлен из материалов Матвеевых, и его можно условно назвать «сборником А. С. и А. А. Матвеевых». Поскольку две статьи его, общие для АД 10 и Т. 236, касающиеся истории Воскресенского монастыря, говорят о событиях второй половины 1685 г., ясно, что сборник был составлен во второй половине 1685 — начале 1687 г., а копия с него была подарена А. А. Матвеевым Спарвенфельду.

Родственны не только Вестеросский и Толстовский списки «Кройники о Руси». Некоторые ошибки, подобные вышеотмеченной («закон» вместо «замок»), содержащиеся в Погодинском, Вестеросском и Толстовском списках, свидетельствуют о наличии общего архетипа. Если в трех указанных списках не использован оригинал труда Софоновича, то Кохановский пользовался или же оригиналом, или же весьма близким к нему списком «Кройники».

Реконструировать текст оригинала литовской и польской частей «Кройники» значительно сложнее. Отметим, что во всех известных списках и редакциях «Кройника о початку и назвиску Литвы» помещена после «Кройники о земли Полской». Однако Софонович, как было нами в свое время доказано⁴⁸, в оригинале помещал литовскую часть перед польской. Создатели же списков и редакций памятника, которые известны на сегодня, под влиянием хроники А. Гваньини или же украинско-белорусского хронографа поместили польскую часть перед литовской.

Текст «Кройники о початку и назвиску Литвы» по списку из ЦГАДА мало чем отличается от ее текста по редакциям П. Кохановского. В последних, дословно совпадающих друг с другом, были опущены указания на авторство Софоновича и дату создания им этой части «Кройники». «Кройника о початку и назвиску Литвы» в составе Т. 157 была кроме того дополнена известием о месте захоронения Константина I Ивановича Острожского в Успенском соборе Киево-Печерской лавры. Была также изменена дата его смерти: 1526 г. вместо 1533 г.⁴⁹

Наибольшие трудности вызывает реконструкция текста оригинала польской части «Кройники». Прежде всего отметим, что авторы сокращенной и особой редакций настолько

глубоко переработали «Кройнику о земли Полской», что эти редакции невозможно публиковать в примечаниях к списку, отмечая разночтения. Они требуют отдельной публикации, а их свидетельства лишь в немногих случаях могут быть использованы при реконструкции текста.

П. Кохановский третью часть «Кройники» переработал более основательно, чем первую и вторую. В Т. 157 она была продолжена до 1680 г. известиями «Скарбницы» (1676 г.) И. Галятовского и третьего издания киевского «Синописа» (1680 г.), в которых рассказывается соответственно о взятии Умани и Ладыжина турецкими войсками (1674 г.) и чигиринских походах второй половины 70-х годов XVII в.⁵⁰ Текст «Кройники о земли Полской» в Т. 145 и Т. 157 при сравнении их со списком из ЦГАДА выявляет ряд значительных дополнений, которые слово в слово совпадают с «Хроникой Сарматии Европейской» (1611 г.) А. Гваньини. Отметим, что в сокращенной и особой редакциях нет и следа этих дополнений. На наш взгляд, П. Кохановский сверял текст польской части «Кройники» с трудом А. Гваньини, который был ему хорошо известен*, и расширял за счет последней рассказ Софоновича о событиях польской истории. Обратный вариант, при котором бы список из ЦГАДА был кем-то сокращен, а редакции Кохановского лучше бы сохранили текст оригинала, невозможен. Дело в том, что Софонович составлял рассказ по истории Польши на основе хроник А. Гваньини, М. и И. Бельских, М. Стрыйковского и некоторых других. Дополнения же заимствованы лишь из труда Гваньини. Иногда сведения редакций Кохановского, совпадающие с трудом Гваньини, даже противоречат «Кройнике о земли Полской» по списку из ЦГАДА или редакции из ЦНБ, независимой от списка из ЦГАДА. Так, в рассказе о Вячеславе (Вацлаве II), короле Чехии и Польши (1300—1305), основанном на «Хронике Польши» М. и И. Бельских, Софонович датирует начало его правления по этому труду 1300 г. Но в редакциях Кохановского встречаем иную дату — 1297 г., которая совпадает с датировкой Гваньини⁵¹. В другом случае список из ЦГАДА и редакция из ЦНБ говорят о том, что у Казимира I было четыре сына и одна дочь, что соответствует «Хронике Польши». Но в редакции Кохановского говорится, как и у Гваньини, о трех сыновьях, четвертый (Оттон) не назван⁵².

* Ряд статей «Обширного Синописа Руского» и «Хронографа» П. Кохановского представляют собой перевод на украинский язык фрагментов хроники Гваньини.

Вероятно, Кохановский изменил также порядок некоторых известий за 1658—1659 гг., 1668—1672 гг. Так, в списке из ЦГАДА известие о низложении Д. Многогрешного (1672 г.) следует сразу после известия о его избрании (1669 г.), а затем идут события 1670—1671 гг. Кохановский, чтобы не нарушат хронологической последовательности, поместил сведения о низложении Д. Многогрешного после описания событий 1670—1671 гг.⁵³ Необходимо отметить и некоторые мелкие поправки Кохановского, имеющие в то же время принципиальное значение. Так, слово «царь» он иногда заменяет более почтительным: «его царское пресвітлое величество»⁵⁴.

К сожалению, список из ЦГАДА не лишен недостатков и иногда передает текст оригинала хуже, чем редакции «Кройники о земли Полской». Так, в известии о захвате Казимиром Справедливым Кракова и разгроме им сторонников Мечислава в списке из ЦГАДА находим: «...сына **своего** поймал был Казимер». В редакциях Кохановского это место передано с большей точностью: «сына **его**...», то есть своего противника Мечислава. Этот текст был заимствован у М. и И. Бельских⁵⁵, и поэтому нельзя сказать, что Кохановский исправил здесь «Кройнику о земли Полской» по труду Гваньини. Если в списке из ЦГАДА Сигизмунд III ошибочно назван «четвертым», то в редакциях находим: «Жигмунт третий». По списку из ЦГАДА Брестскую унию «панове римский..., духовный римский не приняли», то во всех трех редакциях содержатся правильные сведения: «панове русский..., духовный русский»⁵⁶. Наконец, список из ЦГАДА только констатирует, что М. Калиновский в 1651 г. подошел к Белой Церкви, но «не добывал» (далее следует без всякой связи: «от Киева окопалися»), то все три редакции восполняют этот пропуск: «бо уже три полки козацкий от Богу пришли и на предмістю в Білой Церкви»⁵⁷. Можно привести достаточно подобных примеров, но ограничимся указанием на отсутствие в списке из ЦГАДА целого листа, заключающего в себе события 1663—1664 гг., между тем как во всех редакциях, включая сокращенную и особую, это описание сохранилось.

Список из ЦГАДА и редакция из ЦНБ независимы от редакций Кохановского. Прямая связь между ними исключена. В них не отразились изменения, которые внес Кохановский, сверяя текст «Кройники о земли Полской» по Гваньини; нет рассказов, сохранившихся в редакциях Кохановского, о событиях 1658—1659 гг. под Каменным, Варвой, Зиньковым; в некоторых случаях известия расположены не в том порядке, что у Кохановского. Но, самое главное, в списке из ЦГАДА

сохранены указания на имя Софоновича и подлинная дата создания польской части «Кройники» (1673 г.), которые Кохановский опустил. Редакция из ЦНБ сохранила только дату, хотя и была создана в 90-х годах XVII в. Кроме того, рассказ о событиях 1674—1690 гг. редакции из ЦНБ резко отличается от продолжения «Кройники о земли Полской» в Т. 157.

В заключение необходимо отметить следующее:

Дореволюционными отечественными и зарубежными историками опубликована незначительная часть «Кройники» Феодосия Софоновича. К тому же публикация фрагментов была предпринята по несовершенным и устаревшим правилам, по какому-либо одному списку или редакции.

Необходимость публикации «Кройники» — важного исторического источника и памятника исторической мысли — является очевидной. Несмотря на то, что оригинал «Кройники» не сохранился, наличие ряда списков и редакций памятника позволяет осуществить публикацию его текста на должном научном уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Берх В. Н. Царствование Алексея Михайловича. Ч. 2. — Спб., 1831, с. 152—171.

2. Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. 2, кн. 2. — К., 1908, с. 1954.

См. также. Летопись занятий Комиссии (1911—1914 гг.). — В кн.: Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России, издаваемый Киевской комиссией для разбора древних актов. Вып. 2. — К., 1916, с. 2, 3.

3. Голубев С. Т. Дополнение к одному из «Объяснительных параграфов по истории западно-русской церкви». — Труды Киевской духовной академии. 1910, № 7, 8, с. 571.

4. За. Маслов С. І. Етюди з історії стародруків. XI—XII. — К., 1928, с. 22.

5. Об этом сообщил нам известный библиограф Ф. Ф. Максименко.

6. Vogelius C. Sofonovics chronik im Codex AD 10 der Västeraser Gymnasialbibliothek. Eine sprachliche Untersuchung. — Uppsala, 1952.

7. Мыцык Ю. А. «Кройника» Феодосия Софоновича как исторический источник и памятник украинской историографии XVII века. Автореф. канд. дис. — Днепрпетровск, 1975, с. 10—12.

8. ГПБ. Отдел рукописей (далее — ОР). Собрание М. П. Погодина № 1476 (далее — II, 1476).

9. Отчет Императорской публичной библиотеки за 1852 год. — Спб., 1853, с. 21.

10. Каманін І., Вітвицька О. Водяні знаки на папері українських документів XVI—XVII вв. (1566—1651). — К., 1923, № 549.

10. Гераклитов А. А. Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов. М., 1963, № 1091.

11. Каманин И., Витвицкая Е. Указ. соч., № 634.

12. ГПБ. ОР II, 1476, лл. 24 об., 40 об., 28.

13. Там же, лл. 37 об., 39 об., 40 об.

14. Шредер И. Г. О некоторых славянских рукописях, находящихся в книгохранилище королевской Вестер-Окской гимназии в Швеции. — Вестник Европы, 1819, ч. 105, с. 121—122; Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей в архивах Швеции. — ТОДРЛ, т. XVII. — М.: Л., 1961, с. 471. Описание кодекса АД 10 дано в вышеуказанной статье Л. В. Черепнина, а также в работе: Dahl S. Codex AD 10 der Västeraser Gymnasialbibliothek. Uppsala, 1949.

О рукописях Спарвенфельда см. также Вайнштейн О. Л. Документы по истории СССР в архивах Швеции — Вестник Академии наук СССР, 1957, № 1, с. 83—92; Черепнин Л. В., Шумилов В. Н., Александрова М. И. Документы по истории СССР и русско-шведских отношений в архивах Швеции. — Исторический архив, 1959, № 6, с. 125.

15. Даль С. Указ. соч., с. 11—14.

16. ГПБ. ОР, Г. XVII. В публичную библиотеку Т. 236 поступил в составе собрания Ф. А. Толстого в 1830 г. См.: Краткий отчет рукописного отдела ГПБ за 1914—1938 гг. — Л., 1940, с. 11.

17. Описание статей. Т. 236 имеется в кн.: Калайдович К. Ф., Строев П. М. Обстоятельное описание славянорусских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке графа Ф. А. Толстого. М., 1825, с. 150.

18. Heewood E. Watermarks mainly of the 17-th and 18-th centuries. Hilversum (Holland). The paper publication society, 1950.

19. Там же, с. 353; Клепиков С. А. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама». — Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 20, М., 1953, № 116.

20. ЦНБ. ОР, II,

21. См.: Бевзо О. А. Феодосія Сафонович та його «Кройника» — Український історичний журнал, 1968, № 8, с. 104.

22. Даль С. Указ. соч., с. 20—21.

23. Строев П. М. Библиографический словарь и черновые к нему материалы. — Спб., 1882, с. 305.

24. ГПБ. ОР, F. IV. 215, лл. 1—207 об.

25. Рогозинский А. М. «Кройника» Феодосия Софоновича и ее отношение к «киевскому Синописису» Иннокентия Гизеля. — ИОРЯС, т. XV, кн. 4. Спб., 1910, с. 270—286.

26. Каманин И., Витвицкая Е. Указ. соч., № 544.

27. Там же, № 697.

28—29. Там же, № 426.

30. Запаско Я. П. Орнаментальные оформления української книжки. — К., 1960, с. 154.

31. ЦГАДА, ф. 229, оп. 4 (1684—1685 гг.), ед. хр. 89, л. 411.

32. ЦГАДА, ф. 181, ед. хр. 93/122.

33. Каманин И., Витвицкая Е. Указ. соч., № 549.

34. ГПБ. ОР, F. IV. 214, лл. 447—518 об.

35. Каманин И., Витвицкая Е. Указ. соч., № 720.

36. ЦНБ. ОР, VIII, 107 М/57.

37. Один почерк близок к образцу № 58 (1682 г.), другой — к № 62 (1693 г.) и № 66 (1700 г.) — см.: Каманин И. Палеографический сборник. Материалы по истории южно-русского письма в XV—XVII вв. Вып. I. — К., 1899.

38. ГПБ. ОР, Ф. IV. 812, лл. 72—81. Краткие сведения об этой рукописи содержатся в книге: «Отчет императорской публичной библиотеки за 1899 год». Спб., 1903, с. 162, 163.

39. ГПБ. ОР, Q. XVII. 220.

40. Отчет императорской публичной библиотеки за 1894 год. — Спб., 1897, с. 116—133.

41. См. ГПБ. ОР, Q. XVII. 220, л. 26 об. Акты относящиеся к истории Южной и Западной России. — Спб., 1877, т. 9, с. 161—164.

42. ГПБ. ОР, I, 1476, лл. 12, 23; F., IV, 215, лл. 6 об., 11; F. XVII, 19, лл. 3 об., 6 об.; АД 10, лл. 133 об., 137 об.

43. ГПБ. ОР, П., 1476, лл. 14, 19; F. IV. 215, лл. 7 об., 9 об.; F. XVII. 19, лл. 4, 5 об.; Кодекс АД 10, лл. 134 об., 136 об.

44. ГПБ. ОР, П., 1476, л. 25; F. XVII. 19, л. 6 об.; кодекс АД, л. 138.

45. ГПБ. ОР, П., 1476, л. 18; F. IV. 215, л. 9; F. XVII. 19, л. 5; кодекс АД 10, л. 136.

Śtrykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi, t. 1, Warszawa, 1846.

46. См.: Рогозинский А. М. Указ. Соч., с. 277.

47. Черепнин Л. В., Шумилов В. П., Александрова М. И. Указ. соч., с. 125.

48. Мыцык Ю. А. «Кройница о початку и назвиску Литвы» Феодосия Софоновича и ее источники. — В кн.: Некоторые вопросы социально-экономической и политической истории Украинской ССР. Днепрпетровск, 1973, с. 160.

49. ЦГАДА, ф. 181, ед. хр. 93/122, л. 171 об.; ГПБ. ОР, Ф. IV. 215, л. 388.

50. См. ГПБ. ОР, Ф. IV. 215, лл. 350 об.—351; Галятовский И. Скарбница... Новгород-Северский. 1976, лл. 24—25. «Синопсис». — К., 1680.

51. ЦГАДА, ф. 181, ед. хр. 93/122, л. 37 об.; Bielski M. Kronika Polska, t. 1, Sanok, 1856, с. 352; ГПБ, ОР, Ф. IV. 215, л. 314 об.; F. IV. 214, л. 462; ЦНБ. Отдел книговедения. ИН-545, с. 60.

52. ЦГАДА, ф. 181, ед. хр. 93/122, л. 23 об.; Бельский М. Указ. соч., т. 1, с. 111; ГПБ. ОР, Ф. IV. 214, л. 454 об.; F. IV. 215, л. 307 об.; ЦНБ. Отдел книговедения. ИН-545, с. 36; ЦНБ. ОР, VIII, 107M/57, л. 193 об.

53. ЦГАДА, ф. 181, ед. хр. 93/122, л. 106—106 об.; ГПБ. ОР, Ф. IV. 214, л. 494 об. F. IV. 215, л. 349—349 об., ЦНБ. ОР, VIII, 107 M/57, л. 210—210 об., 214 об., 215.

54. ЦГАДА, ф. 181, ед. хр. 93/122, л. 95; ГПБ. ОР, Ф. IV. 214, л. 436; F. IV. 215, лл. 338, 348—348 об.; ЦНБ. ОР, VIII, 107 M/57, л. 210.

55. ЦГАДА, ф. 181, ед. хр. 93/122, л. 31 об.; ГПБ. ОР, Ф. IV. 214, л. 459; F. IV. 215, л. 311 об.; Бельский М. Указ. соч., т. 1, с. 217.

56. ЦГАДА, ф. 181, ед. хр. 93/122, л. 70—70 об.; ГПБ. ОР, Ф. IV. 214, л. 474 об.; F. IV. 215, л. 329; ЦНБ. ОР, VIII, 107 M/57, л. 199.

57. ЦГАДА, ф. 181, ед. хр. 93/122, л. 86 об.; ГПБ. ОР, Ф. IV. 214, л. 482; F. IV. 215, л. 437; ЦНБ. ОР, VIII, 107 M/57, л. 206.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПУБЛИКАЦИИ УКРАИНСКОГО ХРОНОГРАФА

В настоящее время происходит дальнейшее расширение тематики исследований по источниковедению и историографии истории России, Украины и Белоруссии периода феодализма. Осуществлена научная публикация ценных исторических источников — летописи Самовидца¹, Острожского летописца, Львовской летописи², летописей Аверки и Панцирного, Баркулабовской, хроники Быховца³.

Еще более продвинулось вперед исследование хронографов русских редакций. Итоги этой работы были подведены в монографии О. В. Творогова «Древнерусские хронографы»⁴.

Закономерным результатом изучения памятника является его публикация. Показательно, что на научное обсуждение ныне поставлены неотложные вопросы издания хронографических сводов и отдельных хронографов⁵. Однако вопрос о публикации украинского хронографа в исторической литературе не обсуждался. Украинский хронограф, на необходимость издания которого указывали еще в XIX в.⁶, остается до сих пор опубликованным лишь в фрагментах и слабо изученным.

Первое упоминание о нем относится к 1792 г.⁷, когда рукопись, хранившаяся в библиотеке Черниговской духовной семинарии (так называемый список Боболинского), была выслана в Петербург по требованию Екатерины II для снятия копии⁸.

В первой половине XIX в. появилось краткое описание этого списка⁹ и упоминание о находке еще одного списка украинского хронографа — Толстовского, местонахождение которого в настоящее время неизвестно¹⁰. Хронограф оставался по существу неизвестным исследователям.

В 1854 г. в качестве приложения к публикуемой Киевской комиссией для разбора древних актов летописи Грабянко были изданы фрагменты украинского хронографа по единственному известному в то время Черниговскому списку. Отбор отрывков для публикации и редакторскую работу осуществил сотрудник комиссии И. О. Самчевский. Хронограф не был полностью опубликован отчасти из-за недостатка средств, отчасти из-за поверхностного просмотра рукописи И. О. Самчевским, без надлежащего источниковедческого анализа содержания памятника.

Прежде всего обращает на себя внимание неудачный отбор статей для публикации. Были изданы короткие «повести» «О Ивоне Господару Волосском» и «О Подкове Господару Волосском», которые редактор считал оригинальными¹¹. Однако «повести» были заимствованы автором хронографа из расширенного краковского издания 1611 г. «Хроники Сарматии Европейской» А. Гваньини, на что было указано Н. П. Ковальским¹².

Из состава Черниговского списка хронографа И. О. Самчевским были опубликованы также короткие «сказания» о Чигиринских походах 70-х гг. XVII в., которые, по мнению редактора, не встречались нигде, кроме хронографа¹³. Однако М. А. Максимович отмечал, что сообщения о Чигиринских походах были полностью перенесены из киевского «Синописа» издания 1680 г.¹⁴ Сверка показала, что тексты почти дословно совпадают.

Черниговский список заканчивался кратким послесловием — «Перестрогой» (не имеет ничего общего с «Перестрогой» — антиуниатским сочинением), в котором поздний переписчик Черниговского списка приветствовал крупнейшее историческое событие — воссоединение Украины с Россией, когда «цар православный Алексей Михайлович обнял державою отчества и праотчества своего скиптоцарствия Киевскаго Роскаго»¹⁵. Дата воссоединения была указана ошибочно — 1653 г.¹⁶ Этот отрывок также вошел в издание И. О. Самчевского.

Таким образом, вместо оригинальных известий были изданы поздние вставки в первоначальный текст хронографа. Ранние списки украинского хронографа не имеют сообщений, опубликованных Самчевским.

Следует отметить, что при публикации редактором был допущен ряд неточностей. Фамилия смоленского воеводы Филона Кмиты была прочитана как «Клиста», слово «крови» — как «криви»¹⁷ и т. д. Описание Черниговского списка, приложенное к публикации, включает в себе только краткий обзор содержания памятника и самую поверхностную характеристику источников. При этом Самчевский спутал хронику Стрыйковского с хроникой Быховца, считая, что последняя широко использовалась автором хронографа¹⁸.

При издании редактором была вырвана часть рукописи (листы с 391 по 636, касающиеся истории Киевской Руси, Украины и Польши). Позднее эти фрагменты попали к польскому историку и коллекционеру С. Кжижановскому, который подарил свою коллекцию Краковскому историческому об-

шеству. Ныне эта часть черниговского списка находится в библиотеке Польской Академии наук¹⁹. Часть списка, оставшаяся в Чернигове, погибла вместе с семинарской библиотекой²⁰.

Публикация И. О. Самчевского, несмотря на указанные неточности, важна прежде всего тем, что она привлекла к хронографу внимание исследователей и широкого круга читателей. В исторической литературе чаще стали появляться сообщения и заметки об украинском хронографе.

Известный исследователь русских хронографов А. Н. Попов первым сделал попытку выделить особую редакцию хронографа, составленного на украинских и белорусских землях, входящих в первой половине XVII в. в состав Речи Посполитой. Украинский хронограф он назвал южно-русским. От этого неточного названия, иногда встречающегося в литературе, необходимо отказаться. На основании обнаруженного им списка²¹ А. Н. Попов выделил отличительные черты украинского хронографа — украинизмы и полонизмы в языке, значительно больше, чем в русских хронографах, использование латинских и польских источников, наличие обширной добавочной части — русской, литовской и польской «кройник», занимавших более трети памятника²².

Другой список украинского хронографа (ныне утраченный) был обнаружен М. А. Максимовичем, который использовал сообщения хронографа в своих работах²³.

В связи с находкой еще одного списка памятника В. П. Науменко задался целью дать общий обзор содержания украинских хронографов и произвести текстологическую сверку списков²⁴. Список В. П. Науменко не сохранился, а отрывки, опубликованные им в подтверждение своих выводов, настолько малы, что не могут служить материалом для текстологических исследований.

В. С. Иконников посвятил украинскому хронографу несколько страниц своего обширного труда «Опыт русской историографии», отметив, что хронограф, «Синописис» и Густынская летопись — «наиболее ценные своды по южно-русской истории»²⁵.

В целом во второй половине XIX — начале XX в., после первой публикации фрагментов из хронографа, памятник стал предметом более пристального внимания исследователей. При этом основное внимание обращалось на внешнее описание отдельных списков украинского хронографа, источниковая база его описывалась поверхностно. Вопросы о цен-

ности сообщений памятника и исторических взглядах автор вообще не рассматривались.

Советские исследователи на основе марксистско-ленинской методологии подняли источниковедение на новую высоту, что не могло не сказаться на изучении украинского хронографа.

В своих работах А. И. Рогов проследил связь русской литовской «кройник» дополнительной части хронографа с хроникой М. Стрыйковского и ввел в научный оборот Чертковский список хронографа (в списке отсутствует общеисторическая часть)²⁶. Украинский хронограф был оценен им как заслуживающий внимания исследователей²⁷.

Важное значение в деле дальнейшего изучения памятника имела публикация одного из разделов дополнительной части хронографа — литовской «кройники», осуществленная П. Н. Улащиком²⁸.

Изданию предшествовала большая исследовательская работа²⁹. П. Н. Улащик, в частности, подробно остановился на характеристике источников издаваемой части, доказав, что наряду с основным источником — хроникой Стрыйковского составитель хронографа использовал хроники А. Гваньини, М. Бельского, исторические предания, отдельные документы³⁰.

Обращает на себя внимание высокий археографический уровень издания. Для передачи текста старого письма был применен единственно правильный в данном случае метод транскрипции, т. е. передача текста древнего письма буквами современного алфавита при полном сохранении смысла исторического источника. Пунктуация, расставленная применительно к современным требованиям, наличие подробного географического и именованного указателей облегчают использование опубликованной части хронографа в качестве исторического источника.

Издание было осуществлено по так называемому Тобольскому списку хронографа, к которому были подведены варианты Ленинградского и сохранившейся части Черниговского списков.

Однако названные списки, как и Красноярский³¹, являются поздними списками украинского хронографа.

Недавно Ю. А. Мыцыком был обнаружен самый ранний и наиболее исправный список украинского хронографа, названный Киевским³². По заголовку одного из разделов — «...От Леха, аж до нынешнего Владислава IV»³³ можно заключить, что рукопись была переписана во время правления польского короля Владислава IV (1632—1648 гг.). Следовательно, про

тограф памятника был написан между 1620 (последняя дата, указанная в хронографе не 1588 г., как указано в описании Я. Н. Шапова³⁴, а 1620 г. — сообщение о смерти Острожского князя Януша) и 1648 гг., на столетие раньше поздних списков, по которым Н. Н. Улащик осуществил публикацию.

Следует подчеркнуть, что ранние списки украинского хронографа, списки первой редакции — Киевский, Бестужевский и Московский³⁵ более исправны, чем поздние списки второй редакции, к тому же в них отсутствуют вставки из киевского «Синописа», касающиеся Чигиринских походов и Куликовской битвы. Подобные вставки публиковать нецелесообразно, так как они достаточно хорошо известны и не связаны с первоначальным замыслом автора хронографа.

При сверке Киевского списка с опубликованной по Тобольскому списку (вторая редакция) литовской частью хронографа, в последней обнаруживается несколько десятков расхождений, касающихся таких деталей как описание военного снаряжения древних литовцев, легенда о происхождении названий города Вилькомира и озера Спера, описание голода в Литве 1320 г., свадьбы литовского князя Александра с московской княжной Еленой³⁶ и т. д. Эти подробности во многом дополняют сведения белорусских и литовских летописей и поэтому совершенно оправдано были опубликованы Н. Н. Улащиком.

Однако Тобольский и подобные ему списки второй редакции украинского хронографа в сравнении с Киевским списком первой редакции содержат ряд ошибок и неточностей, которые можно объяснить невразумительным чтением переписчиками отдельных фраз. Так, например, в Тобольском списке читаем, что татары во время битвы на Калке послали князя Мстислава киевского³⁷, в Киевском же правильно — поймали³⁸. В Тобольском списке вместо «срогго» (то есть жестоко) стоит «сродзе», (т. е. строго), вместо «Руси» — «руки» и т. п.³⁹ Сообщается, что ...«Гедимин крижаков аж до Олшани реки гнал»⁴⁰. Эта река внесена в географический указатель к изданию литовской части хронографа, тогда как в Киевском списке название реки совершенно правильно — Ошмень (приток Вислы).

Но главным недостатком поздних списков второй редакции является неточная датировка событий. Если в Киевском списке хронология дана по сочинению польского хрониста М. Стрыйковского, то даты известий Тобольского списка расходятся с Киевским зачастую на 30 и более лет. Так, известие

о гибели литовского князя Войселка в Тобольском списке датируется 1298 г., а в Киевском — 1267 г.⁴¹; дата вокняжения Витеня — 1310 г., в Киевском списке — 1283 г.⁴². Подобные примеры можно было бы умножить. Хронология Стрыйковского и Киевского списков является во всех случаях более точной, хотя и ей присущи недостатки. Неверная хронология дополнительной части Тобольского списка затрудняет пользование им как историческим источником. Это — еще один довод в пользу публикации хронографа по ранним спискам первой редакции.

Характеристика источников украинского хронографа может стать темой специальной работы. В основу памятника был положен хронограф западно-русской редакции. Однако если последний начинается с повести об Александре Македонском («Александрии»), то украинский хронограф вначале излагает легендарные события «сотворения мира». Эти известия были заимствованы из «Хроники всего света» М. Бельского, русского хронографа первой редакции (1512 г.). В основной части хронограф был также пополнен сообщениями из хроники Ц. Барония и византийских хроник. Основным источником дополнительной обширной части, подробно излагавшей историю Киевской Руси, Украины, Литвы и Польши, послужила хроника Стрыйковского. Наряду с ней автор хронографа широко использовал летопись, близкую к Хлебниковской, киево-печерский Патерик, «Польскую хронику» М. Бельского, «Хронику Сарматии Европейской» А. Гваньини, труд Кромера, «Четьи-минеи».

Несмотря на компилятивность, что было типичным явлением в историографии XVII века, украинский хронограф содержит ряд оригинальных известий. Отметим лишь некоторые из них. Сообщение об осаде монголо-татарами Киево-Печерской Лавры гораздо подробнее излагает события, чем это сделано в «Синописе» и русских летописях. Источником этих сообщений могла послужить неизвестная ныне «Кройничка» Вениамина, на которую сделана ссылка⁴³, созданная в стенах монастыря. Это обстоятельство и повышенный интерес автора хронографа к истории Киево-Печерской Лавры позволяют предполагать, что хронограф был создан именно там. Оригинальны известия о приезде папских легатов к князю Даниилу Галицкому, причем автор хронографа решительно отрицает мнение польских хронистов, «...бы мел крол Данило принят римскую веру, о чом ему се не снило»⁴⁴, выступая как защитник православия, являвшегося религиозной оболочкой, под которой в первой половине XVII в. велась

борьба за освобождение от социального и национального гнета со стороны Речи Посполитой. Отсутствует в русских летописях и родословная князей Острожских, приводимая в хронографе. К последним автор хронографа относился с особой симпатией.

В украинской историографии XVII в. хронограф занимает особое место. Подробное освещение всемирной истории позволило неизвестному автору на значительно большем, чем в других летописных памятниках, материале определить место восточнославянских народов в мировой истории. Возросший читательский интерес к мировой истории и явился в определенной степени отражением новых общественно-политических явлений в обществе. На родном языке читателю была представлена возможность ознакомиться с отечественной историей, изложенной с патриотических позиций противником католицизма, религиозного угнетения украинского народа и сторонником единства славянских народов.

Украинский хронограф, содержащий отдельные, не встречающиеся нигде в русских летописях, известия — крупный памятник историографии XVII в., заслуживающий глубокого изучения с целью выявления его генетической связи с другими современными ему источниками подобного вида и его влияния на последующую историографию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Літопис Самовидця. — К.: Наукова думка, 1971.
2. Бевзо О. А. Львівський літопис і Острозький літописець. — К.: Наукова думка, 1971.
3. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. XXXII. — М.: Наука, 1975.
4. Творогов О. В. Древнерусские хронографы. — Л.: Наука, 1975.
5. См.: Творогов О. В. Задачи и перспективы издания хроник и хронографов. — В кн.: Летописи и хроники. 1976 г. — М.: Наука, 1976, с. 189—203.
6. Науменко В. Хронографы южно-русской редакции. — Журнал Министерства народного просвещения, 1885, ч. 239, с. 74.
7. Дневник А. В. Храповицкого. — Спб., 1874, с. 385.
8. Ныне эта копия составляет Эрмитажный список украинского хронографа. Шифр: ГПБ, Эрмитажное собрание, № 320.
9. Должников П. Известия о двух летописцах, находящихся в библиотеке Черниговской семинарии. — Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при имп. Московском университете, ч. III, кн. II. — М., 1827, с. 148, 149.
10. Иванов П. А. Общее понятие о хронографах и описание некоторых списков их, хранящихся в библиотеках Санкт-Петербургских и Московских. — Казань, 1843, с. 25.
11. Летопись Грабянки. — К., 1854, с. VIII.

12. Ковальский Н. П. Известия по истории и географии Украины XVI в. в «Хронике Сарматин Европейской» Александра Гваньини. — В кн.: Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. — Днепропетровск, 1972, с. 126.
13. Летопись Грабянки..., с. VIII.
14. Максимович М. А. Собр. соч., т. 1. — К., 1876, с. 167, 168.
15. Летопись Грабянки..., с. 318, 319.
16. Там же, с. 318.
17. Там же, с. 299, 300; для сравнения — ЦНБ АН УССР, ОР, 1, 171, лл. 645 об., 646.
18. Летопись Грабянки..., с. VII.
19. Шапов Я. Н. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики, ч. I. — М., 1976, с. 155—160.
20. Там же.
21. Список Попова хранится в Отделе рукописей ГБЛ, ф. 236, № 4.
22. Попов А. Обзор хронографов русской редакции. Вып. II. — М., 1869, с. 277—287.
23. Максимович М. А. Собр. соч., т. 1 ..., с. 165, 167—169, 186.
24. См.: Науменко В. Указ. соч., с. 50—82.
25. Иконников В. С. Опыт русской историографии, т. 2, кн. 2. — К., 1908, с. 1582.
26. Рогов А. И. «Хроника» Стрыйковского как исторический источник по истории России, Украины, Белоруссии и Литвы. — М., 1964; ГБЛ. Отдел диссертаций, ДК 64—7/365, с. 531—538.
27. Там же.
28. «Литовская и Жмойтская кройника». — ПСРЛ, т. XXXVI ..., с. 15—127.
29. См.: Улащик Н. Н. «Литовская и Жмонтская кройника» и ее отношение к хроникам Быховца и М. Стрыйковского. — В кн.: Славяне и Русь. — М.; 1968, с. 357—365.
30. Там же, с. 362.
31. Археографическое описание списков см.: ПСРЛ, т. XXXII, с. 3—7.
32. Мыцык Ю. А. Украинские летописи XVII века. — Днепропетровск: ДГУ, 1978, с. 32.
33. ЦНБ АН УССР, ОР, 1, 171, л. 614.
34. Шапов Я. Н. Указ. раб., с. 157.
35. Шифр Киевского списка: ЦНБ АН УССР, ОР, 1, 171; Бестужевского — ГПБ, Г—IV, 688; Московского — ЦГАДА, ф. 196, ед. хр. 1638.
36. ПСРЛ, т. XXXII, с. 17—118, 19, 36, 96—97.
37. Там же, с. 22.
38. ЦНБ АН УССР, ОР, 1, 171, л. 538 об.
39. ПСРЛ, т. XXXII, с. 17, 20; ЦНБ АН УССР, ОР, 1, 171, лл. 534 об., 537.
40. ПСРЛ, т. XXXII, с. 36; ЦНБ АН УССР, ОР, 1, 171, л. 553 об.
41. ПСРЛ, т. XXXII, с. 29; ЦНБ АН УССР, ОР, 1, 171, л. 546.
42. ПСРЛ, т. XXXII, с. 34; ЦНБ АН УССР, ОР, 1, 171, л. 550 об.
43. ЦНБ АН УССР, ОР, 1, 171, л. 515 об.
44. Там же, л. 521 об.

АНАЛИЗ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НА УКРАИНЕ В XVIII в.

Важнейшим средством исторического познания является классовый анализ явлений и процессов общественной жизни. Основы выявления истины с помощью классового анализа исторических источников положены в работах классиков марксизма-ленинизма. Исходя из классовых позиций, авторы документов выражают свое отношение к действительности, осуждают или оправдывают отдельные события, утверждают свои взгляды. Как отметил известный советский историк-источниковед В. И. Стрельский, «печать классовости лежит, как неистребимая печать на каждом историческом источнике»¹.

В. И. Ленин показал образцы классового подхода как при изучении экономических явлений, так и при исследовании любых вопросов исторической науки. Такие примеры даны в его работах «Развитие капитализма в России», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Борьба с голодающими», «О положении дел в партии», «Памяти графа Гейдена», «Статистика и социология» и др. В. И. Ленин резко критиковал объективизм буржуазной науки, требующей не «исследовать социальные законы и сводить их в цельную систему, а ограничиваться протокольным описанием отдельных социальных фактов прошлого и настоящего»². Разоблачая различные приемы писаний апологетов капитализма, В. И. Ленин писал: «Буржуазные ученые и публицисты выступают защитниками империализма обыкновенно в несколько прикрытой форме, затушевывая полное господство империализма и его глубокие корни, стараясь выдвинуть на первый план частности и второстепенные подробности, усиливая отвлечь внимание от существенного совершенно несерьезными проектами «реформ» вроде полицейского надзора за грестами или банками и т. д.»³.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что в документах, вышедших из среды господствующих классов, факты всегда фальсифицируются так, как это выгодно авторам их, представлявшим эти классы: «Не верьте фразам, — писал В. И. Ленин, — посмотрите лучше, кому это выгодно»⁴. То есть, В. И. Ленин подчеркивал, что классовый подход необходим к источникам даже с точки зрения их языковых особенностей, стиля изложения.

Так, в документах правительственного лагеря справедливая борьба народных масс за свое социальное и национальное освобождение называется «беспорядками», «разбоем», «грабежом», а ее участники — «грабителями», «разбойниками» и т. д. Особенно наглядно это видно при изучении документов, относящихся к освободительному движению на Украине в XVIII в. под названием гайдамацкое движение и Колиивщина.

Гайдамацкое движение, которое с точки зрения классовой борьбы характеризует почти весь XVIII век на Украине, стоит в одном ряду с величайшими классовыми битвами в России XVIII в. — крестьянскими войнами под руководством К. Булавина и Е. Пугачева. Основной социальной силой гайдамацкого движения было крестьянство, та основа, на которой «зиждется вся средневековая общественная пирамида»⁵.

Гайдамацкое движение было продолжением героической эпопеи освободительной борьбы украинского народа, начавшейся с конца XVI в. в связи с усилением социального и национально-религиозного гнета. В отличие от предшествующих антифеодальных восстаний оно продолжалось десятилетия — с начала XVIII в. и до конца 70-х гг., охватив всю территорию Украины, находящуюся под властью Речи Посполитой, и оказало влияние на подъем классовой борьбы на Слобожанщине, Левобережье и Запорожье. Это движение народных масс, как и подъем классовой борьбы в собственно польских землях, ускорило распад шляхетской Речи Посполитой и привело к осуществлению вековых чаяний украинского народа — воссоединению Правобережья с Россией.

Буржуазно-националистические историки, активно исследовавшие гайдамацкое движение, представляли его как проявление борьбы украинской «бесклассовой», «демократической» нации против польского «аристократического» начала, пытаясь таким образом скрыть истинные, прежде всего социальные причины гайдамачества. Однако, как указывал В. И. Ленин, «при всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям»⁶. Исследование социального и национального состава гайдамацких отрядов подтверждает это, свидетельствуя о том, что в этих отрядах, кроме украинцев, были русские, молдаване, белорусы, поляки и др.

Советские историки К. Г. Гуслистый, В. А. Голобуцкий, А. П. Лола и другие исследователи с научных позиций про-

анализировали классовое содержание гайдамацкого движения, подчеркнув прежде всего его антифеодалные мотивы.

История гайдамацкого движения изучается на основе источников, опубликованных в разное время, а также многочисленных архивных материалов, хранящихся ныне преимущественно в ЦГИА УССР г. Киева. В данной статье предпринята попытка дать анализ дореволюционных публикаций документов по истории освободительной борьбы на Украине в XVIII в. В ней не рассматриваются польские публикации документов (преимущественно мемуарного характера), заслуживающие специального изучения.

При анализе документов автор применяет методику их классификации, выработанную в советской археографии⁷.

Первые документальные известия по истории гайдамацкого движения на Украине, ставшие достоянием русской общественности, относятся еще к 20-м годам XIX в., когда в «Северном архиве» была опубликована серия «Писем императрицы Екатерины II графу П. А. Румянцеву-Задунайскому. 1763—1784»⁸. Затем долгие годы в периодической печати и отдельными изданиями вообще не публиковались документы, касающиеся этой страницы в истории классовой, освободительной борьбы на Украине. Следует отметить, что в последующие четыре десятилетия после публикации первых документов появились всего две специальные небольшие работы по этому вопросу. Это небольшой материал в болгаринской «Северной пчеле» (1818, № 1) и исследование А. Кузмича «Последние потомки. Гайдамака. Украинское предание» — в «Библиотеке для чтения»⁹. Кроме того, к этой теме обращались А. Скальковский в общем исследовании «Хронологическое обозрение Новороссийского края. 1730—1821» (ч. 1—2, Одесса, 1836—1838) и А. Кулиш в «Записках о Южной Руси» (Т. 1—2, Спб., 1856—1857).

После многолетнего перерыва несколько документов по истории Колиивщины было опубликовано на страницах журнала «Основа» в 1862 г. Первый документ — это перевод польской рукописи неизвестного автора о событиях в Умани в 1768 г.¹⁰ Публикация мемуара не имеет предисловия. В подстрочнике названия документа («Уманская беда 1768 года 20-го июня») указывается лишь на то, что он сохраняется в Львовской библиотеке Оссолинских. Другие сведения о документе отсутствуют. Автор его, судя по содержанию, был современником событий и принадлежал к польской шляхте. Он крайне оскорбительными словами называет гайдамаков. Большую роль в развитии событий автор мемуара отводит

«подстрекательству» Мелхиседека. Кроме того, он высказывает предположение, что толчком к началу восстания в Умани был слух о желании русского правительства освободить украинцев от польского подданства. Автор неверно утверждает, что вместе с губернатором Умани Младановичем погибли и его дети, «исколотые пиками». Он откровенно говорит о том, как обманом были схвачены Гонга и Железняк.

В том же номере журнала было опубликовано два письма неизвестных поляков с Волыни, написанных через несколько дней после восстания в Умани¹¹. Система публикации та же — без предисловия или археографической справки о документах. Опубликованные письма свидетельствуют, с одной стороны, о страхе польской шляхты перед лицом народного возмездия за тяжкий социальный и национальный гнет, а с другой, — о ее торжестве в связи с подавлением народного восстания.

В журнале был опубликован также «Универсал региментаря Стемпковского к украинскому крестьянству, составленный 30 августа 1768 года»¹². Документ не сопровождают никакие внешние его описания или другие сведения о нем. По времени опубликования и по его стилю, очевидно, публикация всех трех документов принадлежит одному автору, оставшемуся неизвестным.

В 1863 г. было предпринято опубликование интересных документов, раскрывающих отношение русского правительства к событиям на Украине и рассказывающих о пребывании царских войск на Правобережной Украине в момент наивысшего подъема освободительной борьбы накануне и во время восстания 1768 г. Это «Журнал генерал-майора Петра Кречетникова. О движении и действиях военных в Польше в 1767—1768 годах»¹³. Издание документов не соответствует никаким археографическим правилам, ибо в нем отсутствуют все необходимые атрибуты публикации документальных источников. Однако следует отметить, что именно эта публикация принадлежит к числу немногих, опубликованных в дореволюционное время, документов русского правительства и его военно-административных учреждений.

Несколько нарушая хронологию в описании времени публикации документов, отметим, что в 90-е годы, кроме помещения документов в журнале «Киевская старина», о чем идет речь ниже, была опубликована «Летопись монастыря Василиан в Кристинополе за годы 1763—1890» (Львов, 1893), а также «Реляции Киевского генерал-губернатора за 1768—1769 гг.»¹⁴. Кроме того, в начале XX в. в издании общества

им. Шевченко было опубликовано несколько документов религиозного характера, отвечающих по своему содержанию концепции их публикаторов о гайдамачестве как борьбе за православную веру¹⁵.

Самую большую группу документов по истории гайдамацкого движения, подготовленных к публикации дворянскими и буржуазными историками и археографами, составляют материалы, собранные в многотомном издании «Архив Юго-Западной России»¹⁶. Это 2-й и 3-й тома части I — «Материалы для истории православия в Западной Украине в XVIII ст. Архимандрит Мелхиседек Значко-Яворский. 1759—1771 гг.» (Киев, 1864), а также 3-й том части III «Акты о гайдамаках. 1700—1768» (Киев, 1876).

В составе Временной комиссии, учрежденной в 1843 г. и готовившей эту публикацию, были крупные буржуазные историки В. Б. Антонович, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. В. Довнар-Запольский, М. Д. Иванишев, В. С. Иконников, И. М. Каманин, Н. И. Костомаров, А. М. Лазаревский, Ф. Г. Лебединцев, О. И. Левицкий, М. А. Максимович. Несмотря на различия в их идейных позициях и предмете исследования, все они сходились в одном — отрицательном отношении к классовой борьбе народных масс против социального гнета, выпячивали национальные и религиозные мотивы народных движений на Украине. Их концепция национально-религиозного характера гайдамацкого движения представлена не только в исследованиях, она наложила свой отпечаток и на метод подбора документов для публикации. Как видно уже из самого названия, два тома первой части «Архива Юго-Западной России» должны были, по замыслу издателей, показать борьбу за православие на Украине против католической и униатской церкви, а также деятельность одной из заметных религиозных фигур XVIII в. на Украине Мелхиседека Значко-Яворского.

2-й и 3-й тома части I имеют общее предисловие (с. I—XV), в котором указывается, откуда заимствованы документы, определяется принцип составления сборников, орфография издания. Археографическая справка к документам этих томов очень краткая. Сообщается лишь, что публикуемые документы взяты из бывшего архива Переяславской консистории и часть — из собрания М. А. Максимовича. Отсутствуют сведения о полноте публикации, о количестве и состоянии оригиналов, их подлинности. В справке определяется принцип, по которому составлен сборник документов, но не указан принцип их отбора. Орфография публикации соответствует

оригиналу (с учетом существующих на момент издания грамматических правил). В предисловии не названы имена составителей данных томов.

Второй структурной частью является исследование «Архимандрит Мелхиседек Значко-Яворский» представителя буржуазно-либерального направления в историографии, историка церкви Феофана Гавриловича Лебединцева (1828—1888). По существу, это панегирик игумену Мотренинского монастыря, которого автор именует «ее (Украины. — А. Ш.) представителем, полномочным адвокатом и правителем в ней дел церковных» (с. VII). Он изображает церковную деятельность Мелхиседека против унии как «подвиг» (с. ССХП). Содержание вводной статьи полностью отвечает цели публикуемых документов.

Всего во 2-м и 3-м томах I части опубликовано 235 документов. Назначение этой публикации определило и ее хронологию. Самый ранний из опубликованных документов относится к 1750 г. (1 док.), затем—1758 (1 док.), 1759 (5 док.), 1761 (1 док.), 1762 (1 док.), 1763 (7 док.), 1764 (10 док.), 1765 (16 док.), 1766 (123 док.), 1767 (20 док.), 1768 (78 док.), 1769 (10 док.), 1770 (4 док.). Самым большим количеством документов представлены 1766 и 1768 гг. Это было связано, очевидно, с усилением внутривосточной борьбы в Польше, действиями конфедератов и увеличением потока жалоб светских и православных духовных лиц на давление католической и униатской церкви. Опубликование этих документов должно было поднять роль и значение современной издателям православной церкви в общественно-политической жизни, как имеющей заслуги в прошлом.

Принцип расположения документов в сборнике хронологический, причем, документы 2-го тома хронологически продолжают первый. Однако случаются ошибки в датировании (док. 22 т. 2; 112 т. 3; 129 т. 3) и нарушение последовательности, особенно в 3-м томе. Так, начиная с документа № 53, они поданы в такой последовательности: 1768 г. (2 док.), 1764 (4 док.), 1768 (2 док.), 1750 (1 док.), 1767 (8 док.), 1768 (33 док.), 1766 (1 док.), 1767 (1 док.), 1768 (1 док.), 1769 (1 док.). Эта непоследовательность не объясняется и целями подачи подряд документов, связанных между собой по содержанию. Кроме того, имеются ошибки в нумерации документов и порядке страниц. Например, во втором томе после № 162 идет № 18, а затем № 159; в 3-м томе документ № 21 обрывается на странице 184, после нее идет страница 193, а страницы 185—192 помещены между 216 и 217.

Опубликованные документы в большинстве представляют собой извлечения из архива Киевской духовной консистории* — 224 документа. 10 дел взяты из частной коллекции М. А. Максимовича, 1 — из архива Мотренинского монастыря. В настоящее время основная масса опубликованных в этих томах документов хранится в ЦГИА УССР г. Киева (фонд 127. Киевская духовная консистория)¹⁷.

Все опубликованные источники 2-го и 3-го тома I части относятся к группе документальных источников. По своим видовым признакам, стилю и содержанию они делятся на следующие:

1. Документы высшей светской власти (постановление Варшавского сейма, привилегия короля, мемориал короля униатскому митрополиту, рескрипт Екатерины II Репнину) — 4 док.

2. Бреве** папы Климента XIII епископу переяславскому и борисоглебскому — 1 док.

3. Донесения светских и духовных лиц Священному Синоду и в Переяславскую духовную консисторию — 149 док.

4. Переписка светских лиц — 3 док.

5. Переписка духовных лиц — 33 док.

6. Переписка епископа Гервасия со светскими и духовными лицами — 41 док.

7. Прошения к Гервасию — 14 док.

8. Указы Переяславской духовной консистории — 15 док.

9. Рапорты в Переяславскую духовную консисторию — 2 док.

10. Грамоты духовным должностным лицам — 4 док.

11. Промемории — 10 док.

12. Инструкции, циркуляры, манифесты — 3 док.

13. Послания — 3 док.

14. Доклады Переяславской духовной консистории Гервасию — 4 док.

15. Протесты и возражения — 2 док.

16. Челобитные — 2 док.

17. Сообщения и отношения Киевской консистории губернатору — 3 док.

* Духовная консистория — церковно-административный и церковно-судебный орган при епархиальном архиерее, в ведении которого находились все дела епархии. Киевская духовная консистория была учреждена в конце XVII в.

** Бреве (от лат. brevis — короткий) — грамота римского папы по административно-церковным и религиозным вопросам второстепенного значения.

18. Разрешительный лист — 1 док.
19. Реестры и описи — 3 док.
20. Подписка священника — 1 док.
21. Записка — 1 док.
22. Протоколы и показания — 4 док.
23. Выписки из актовых книг — 2 док.
24. Присяжное обязательство — 1 док.
25. Свидетельство, выданное Мелихседку — 1 док.

Такое деление по видовым признакам в значительной мере условно, так как сделано оно на основе заглавий, данных документам составителями сборника. Между тем, содержание многих документов, стиль и форма их написания мало отличаются один от другого или же, совсем похожие, они имеют разное название в заголовке. Так, донесения и официальные письма, рапорты и доклады, челобитные и протесты, промемории и циркуляры в значительной мере идентичны, и при определении их вида необходимо учитывать корреспондента и адресата исходящих и входящих документов.

По содержанию все опубликованные документы в указанных двух томах I части связаны между собой одной темой — деятельностью православной церкви по ограничению наступления католичества и униатства на православное украинское население в Речи Посполитой. Документы подобраны и расположены в публикации так, что почти все они определенным образом имеют отношение к архимандриту Мелхиседеку, хотя в большинстве документов его имя и не называется.

Основное содержание, по нашему мнению, заключено в группе документов под названием «Донесения светских и духовных лиц Священному Синоду и в Переяславскую духовную консисторию», так как в них раскрывается картина не только религиозного, но и социального гнета. Особенно наглядно это видно в донесениях жителей сел, городов и местечек, а также в их прошениях к Гервасию (46 док).

Однако в целом по своему содержанию документы, опубликованные во 2-м и 3-м томах I части «Архива Юго-Западной России», показывают освободительное движение на Украине односторонне, как движение по преимуществу религиозное. Что касается отношения к гайдамацким отрядам, к классовой борьбе народных масс этого периода, то церковные и светские указы предписывают «искоренять» всякие проявления насилия над представителями господствующего класса.

Каждому документу предшествует распространенное название, содержащее сведения о его характере, корреспондентах и адресатах (в письмах), содержании и дате его появления. Как правило, эти заголовки кратко раскрывают содержание лишь основной части документа, без учета приписок, резолюций, дополнительных записей адресата при передаче документа другому лицу для исполнения, контроля или подготовки ответа корреспонденту.

После основного содержания даются выходные данные о подлиннике или копии документа. Например: «Подлинное на поллисте. Арх. к. д. к. Связка дел за 1766 г. № 114. Дело о недопущении польскими властями к распространению благочестия и пр. л. 2 и 4». Есть более краткие сведения: «Подлинное на листу. Арх. к. д. к. Связка дел за 1768 г. № 985». При печатании документа из частной коллекции ссылка выглядит так: «Копия на двух листах, сообщена членом комиссии М. А. Максимовичем». Как видно, сведения о документах крайне скудные.

Если имеются приписки и другие дополнения к документу, в том числе приложения, они подаются после выходных данных самого документа. Иногда таких помет бывает несколько, и сделаны они разными лицами. Как видно, составители томов не считали дополнительные приписки к документу его структурной частью и не давали подстрочных объяснений этим дополнительным записям.

Документы опубликованы на языке оригиналов, преимущественно на украинском языке XVIII в. 19 документов — на польском языке и 2 — на латинском. Переводы этих документов отсутствуют, однако заглавия поданы на русском языке. Орфография текстов документов на украинском языке передана в основном по правилам XVIII в., однако в несколько осовремененном виде. Так, буквы «кси», «пси» заменены соответствующими буквами русского языка, не употребляются титла и т. д. Следует отметить, что ни содержание, ни языковой колорит эпохи XVIII в. не пострадали из-за таких новшеств.

Недостатком данной публикации является отсутствие подстрочных археографических и источниковедческих комментариев, а также предметного и именного указателей. Это значительно затрудняет работу с этими документами.

3-й том III части содержит в себе наиболее полные в дореволюционных публикациях сведения о гайдамацком движении. Несмотря на то, что публикацию в целом подготовила та же археографическая комиссия, этот том отличается от

рассмотренных выше более полными сведениями, заключенными в нем, структурой, характером документов и более четким порядком расположения документов.

Том открывается обширным предисловием (128 с.), а фактически — специальным исследованием лидера буржуазно-националистической историографии В. Б. Антоновича. Предисловие не содержит в себе даже малейших сведений о принципе подбора и публикации документов, их сохранности, языковых особенностях и т. д.

Всего в томе опубликовано 364 документа, охватывающих период с 1700 по 1768 г. и расположенных в хронологическом порядке. Документы представлены не за все годы.

По годам документы поданы в публикации неравномерно: от 1 до 66 документов. Интересно, что увеличение количества публикуемых документов совпадает со всплесками классовой борьбы на Правобережной Украине в 1734 и 1750 гг. Так, за 1734 г. опубликовано 40 документов, за 1735 — 39, за 1736 — 11, за 1737 — 26.

Если за 1749 г. было опубликовано 3 документа, то за 1750 — 66, 1751 — 41, а уже за 1752 — 1, 1753 — 3 и т. д. Последний документ публикации датируется мартом 1768 г. Кульминационного момента гайдамацкого движения — Коливицины — этот сборник документов не отражает. Очевидно, это не случайно. Не будучи в состоянии даже при тщательном отборе необходимых для обоснования их концепции документов скрыть настоящую сущность проявления народного гнева, археографы ограничились умалчиванием этих документов.

Документы опубликованы на языке оригиналов. Основная масса документов (293) написана на польском языке, 24 — на лагинском и 47 — на русском. Все заглавия и выходные данные поданы на русском языке.

По видовым признакам опубликованные в томе документы можно подразделить на следующие:

жалобы дворян, административных лиц, церковных деятелей, крестьян (144 док.); инструкции, указы, приказы, универсалы, манифесты, промемории (34 док.); переписка разных лиц (39 док.); объявления, заявления (23 док.); рапорты и донесения (16 док.); постановления сеймиков (9 док.); допросы и показания гайдамаков (32 док.); постановления судов (17 док.); сознания возного об аресте гайдамаков (15 док.); дипломы, мандаты, свидетельства, позовы в суд, объяснения, отношения (12 док.); протесты против решения

судов (2 док.); сообщения газет о гайдамаках (16 док.), перечни, списки (5 док.).

Интересен факт, что 29 документов представляют собой жалобы дворян на дворян, примкнувших к гайдамакам. В условиях польско-шляхетской анархии к гайдамацкому движению как проявлению протеста украинского народа против социального, национального и религиозного гнета примыкали даже представители господствующего класса с целью грабежа и наживы.

Публикация этих материалов, на первый взгляд, «компрометировала» дворян. Но издатели преследовали более серьезную цель — представить гайдамаков как разбойников, грабителей, лишенных каких-либо социальных идеалов. Эти документы должны были засвидетельствовать, что в гайдамацком движении не было размежевания классовых сил, а разбойничьи отряды состояли лишь из жестоких и жадных к наживе людей независимо от их социальной принадлежности.

Документы, опубликованные в томе, охватывают события, происходившие на территории Правобережной Украины и Киевщины. Большая часть их (118) относится к Подолии, 83 — к Волини, документов киевских административных и судебных учреждений — 111, без указания местности — 52. Все документы впервые публиковались в данном издании, за исключением 20-ти газетных сообщений («Курьер Польский» — 17 док., «Курьер Варшавский» — 1 док., «Приложение к Варшавским ведомостям» — 2 док.).

Опубликованные документы имеют распространенный заголовок, отражающий суть документа, указывающий на фондообразователя, предназначение документа и время его появления. В заглавиях случаются ошибки в датировании (док. № 270), нарушение хронологии размещения документов в пределах тома (док. № 273). В конце документа указывается фонд, из которого он взят, например: «Книга Винницкая, гродская, поточная, записовая и декретовая, № 4753, год 1720—1747, лист 1164 (с. 369).

В отличие от предыдущих двух томов документов по истории гайдамацкого движения документы тома «Акты о гайдамаках» публикуются без приписок, пометок, резолюций, подписей. Это не дает возможности проследить ход данного документа, исполнение распоряжений и постановлений и т. д.

Подстрочные замечания и объяснения к документам в томе не даются. Примечание имеется лишь в одном случае (док. № 363). Однако издание снабжено именованным, геогра-

фическим и предметным указателями, что значительно облегчает работу над опубликованными в нем документами.

В целом том «Акты о гайдамаках» отражает гайдамацкое движение односторонне, в нем не опубликованы документы русского правительства и переписка русских административных и военных лиц по вопросам этого движения. Таким образом затушевывалось классовое содержание гайдамачества. Оно представлялось как движение лишь на Правобережье, и замалчивался факт, что оно оказало влияние на подъем классовой борьбы на Левобережье и Запорожье. Буржуазные археографы на первый план выпячивали национально-религиозные причины гайдамачества, в соответствии с этим они и подбирали документы.

Часть документов по истории классовой борьбы на Украине в XVIII в. опубликована в журнале «Киевская старина». Заметим, что сложный характер гайдамацкого движения давал возможность публиковать документальные материалы о нем в фрагментах, письмах, записках иностранцев без ущерба для основной концепции публикаторов — представления гайдамак как грабителей, разбойников, а само гайдамацкое движение как национально-религиозное явление. Даже если все документы, опубликованные на страницах трибуны буржуазно-националистической и либеральной историографии — журнала «Киевская старина», собрать восдино, и то не создается целостного представления о гайдамацком движении, не говоря уже о том, что документы и материалы публиковались в журнале на протяжении всего периода его существования (он издавался свыше 20 лет).

Опубликованные документы — это письма, манифест Екатерины II, рапорты, акты (имеющие косвенное отношение к данному вопросу), записки иноземных очевидцев о Колиивщине, показания.

1. «Манифест Екатерины II к православному населению Польши, выданный 9 июля 1768 года»¹⁸. Документу предпослана справка о местонахождении его и использовании прежде историками. В ней указывается, что манифест находится в рукописном сборнике документов института Оссолинских во Львове. Собственно, это польский перевод манифеста. Далее в справке подчеркивается, что польские мемуаристы и историки не использовали этого документа, хотя и сообщали о его существовании, приписывая ему несколько иное содержание.

В «Киевской старине» приводится этот документ в повторном переводе с польской копии «Манифеста», а не с оригинала.

нала. Документ небольшой, всего на 2 страницы. Из него ясно, какую позицию занимало русское правительство по отношению к гайдамацкому движению. Оно призывало православное население Правобережной Украины в решении всех вопросов положиться на правительство, а самим прекратить «новые беспорядки», которые чинили «особенно же крестьяне, отвергнув должное повиновение как начальству, так и своим помещикам»¹⁹.

2. Вторую группу документальных источников составляют письма и рапорты князя Репнина Кречетникову²⁰. Это материалы, не имеющие самостоятельного значения и не связанные с другими документами. При их публикации не дана справка о местонахождении документов и другие необходимые сведения.

Значительную группу опубликованных в «Киевской старине» документов составляет «Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 г.»²¹ Публикация имеет обширное предисловие, продолжающееся в каждом номере перед документами. Авторство предисловия не указано. В нем автор касается хода восстания 1768 г. лишь отчасти, обращая основное внимание на выяснение причин, вызвавших его. Главной причиной восстания автор считает «неслыханные мучительства за веру от униатского официала Мокрицкого и его пособников — польских панов»²² и оправдывает действия переяславского архиерея Гервасия и игумена Мелхиседека. Этой концепции подчинена и подборка из переписки графа Румянцева.

Переписка включает в себя письма Румянцева преимущественно президенту коллегии иностранных дел Н. И. Панину и генерал-поручику фон-Дальке, предписания, донесения (через коллегию иностранных дел) Екатерине II, сообщения (генерал-губернатору), приказы. Документы Румянцева говорят о широком размахе гайдамацкого движения на Украине в 1768 г. Представляет интерес письмо П. А. Румянцева к Н. И. Панину, в котором говорится об участии в народном восстании 1768 г. русского офицера Марьяновича (письмо от 30 декабря 1768 г.).

Переписка, как и выше рассмотренные документы, свидетельствует о классовом характере политики русского царизма по отношению к народным движениям.

В журнале были опубликованы также мемуары и записки иностранцев о событиях на Украине 1768 г. Первым из таких документов был мемуар польского современника описываемых событий под названием «Описание бедствия, постигшего

Умань и всю Украину в 1768 году»²³. Документ имеет небольшое предисловие (автор его не указан), в котором даются сведения о местонахождении рукописи (рукописное отделение института Оссолинских во Львове), высказывается мнение, что «Описание бедствия...» сделал униатский священник, поскольку главное внимание в документе обращается на судьбу униатского духовенства, определяется время его написания — июль 1768 г.

Документ, написанный на польском языке, дан в переводе на русский и занимает восемь страниц печатного текста. Автор мемуара начинает свое повествование с событий в Мотренинском монастыре, приписывая инициативу в народном восстании Мелхиседеку. Интересно свидетельство о том, что вместе с Гонтой на сторону восставшего народа под Уманью перешел еще один сотник — Уласенко. Автор не совсем точен даже в фиксации событий. Так, он пишет, что вместе с губернатором Умани Младановичем погибли его жена и дети, между тем как дети его — Павел и Вероника — остались живы и даже написали мемуары о событиях 1768 года. Оценка восстания, как и у других польских мемуаристов, крайне тенденциозная, осуждающая действия народных масс, подчеркивающая ужасы, творимые ими. Рассказ мемуариста не имеет логической завершенности и обрывается словами: «Вообще по всей Украине господствует страх и смятение».

В том же году в журнале был помещен «Отрывок из записок анонима (1768 г.)»²⁴. Публикатор этого документа В. Антонович в одной лишь фразе сообщает, что отрывок написан по-польски и передан в рукописи М. А. Максимовичем. Документ опубликован в русском переводе.

Аноним, судя по содержанию «Отрывка...», был польским шляхтичем, близким к палачу Стемпковскому, известному своими кровавыми пытками гайдамак после подавления Колиивщины.

В документе описаны подробности казни Гонты, свидетелем которой автор не был, но слышал рассказ о ней вскоре после этого события от своего друга Мартина Нурского, который был «очевидцем казни суровой, которой подвергся в Сербях приобретший грустную известность атаман уманских козаков Гонта»²⁵. Далее аноним говорит о том, что гайдамацкое движение не прекратилось после уманских событий, и о продвижении польских войск в глубь Украины для полной ликвидации повстанцев.

Следует отметить одну особенность этих записок. В них не чувствуется особой вражды и ожесточения к восставшим

народным массам; напротив, автор их даже восхищается выносливостью гайдамак, хотя и называет их убийцами. И это в то время, когда он сам понес материальный ущерб в связи с действиями гайдамак: «Оказалось, что мое хозяйство в Матусове и Осоте потерпело большие убытки»²⁶.

Представляет интерес подборка документов о руководителе Колиивщины Максиме Железняке «Несколько данных о судьбе Железняка после его ареста в Умани»²⁷. В предисловии В. Антонович дает краткий рассказ об обстоятельствах ареста Железняка, о его побеге из-под стражи по пути к Белгороду. Антоновичу публикуемые им документы передал А. М. Максимович, который взял их из «Киевских плац-майорских дел». Автор предисловия называет четыре документа, но публикует только три, причем один из них не назван в предисловии. 1-й документ — это «Репорт Киевского плац-майора В. Лбова о принятии в Киево-Печерскую крепость 74 гайдамаков и в числе их полковника Максима Железняка. 1768 г., июля 9». К рапорту прилагался поименный список всех арестованных гайдамак, среди них полковник М. Железняк (в документе — Зелезняк) и атаман Павло Таран. 2-й — «Постановление Киевской губернской канцелярии о выдаче кормовых денег, по две копейки в день на человека, для содержания поименованных гайдамак. 1768 г., июля 17». В этом документе упоминается беглый солдат белевского полка, ставший гайдамаком, Павло Абазин (Андрей Кобызев) — еще одно свидетельство к вопросу об участии русского народа в освободительном движении на Украине в XVIII в. 3-й документ — «Приказ Киевской губернской канцелярии о разыскании бежавших из-под стражи на пути из Киева в Белгород гайдамак с заметкою о поимке уже 36 из бежавших, в том числе и Максима Железняка. 1768 г., декабря 19». Здесь скурым языком официального документа рассказывается об обстоятельствах побега (во время ночлега), о том, что 16 человек, и в их числе Железняк, еще не пойманы, и даются приметы беглецов к их поимке.

К документальным материалам, помещенным в журнале, следует также отнести публикацию «Коденская книга и три бандуриста»²⁸. В небольшой справке к публикации выдержек из документов автор дает археографическое описание «Коденской книги» — сборника допросов, справок, протоколов и решений суда над гайдамаками с 1769 по 1772 год, «писанных топором и кровью». Отмечая ужасы казни в местечке Кодня, которые ни в какое сравнение по своей жестокости не идут с действиями гайдамак, автор предисловия пишет: «С лишком

четыре года их предавали самым мучительным казням — четвертовали, на кол сажали, отрезали наперекрест руку и ногу, или только уши, и так в свет пускали, жгли железом и смолою, словом, катовали Украину»²⁹. После такого сравнительно распространенного вступления публикуются выдержки из документов о казни трех бандуристов за их связь с гайдамаками.

Часть источников по истории гайдамацкого движения опубликовал А. А. Скальковский³⁰. В предисловии к публикации «Нескольких документов к истории гайдамачины» А. Скальковский не говорит о том, откуда взяты документы, не дает их описания. Вместо этого он делает краткий обзор истории гайдамацкого движения, называя его «проявлением дикой порочной воли». Казни над гайдамаками он именует «правосудием».

Скальковский опубликовал 9 документов. Это два ордера гетмана Разумовского к кошевому атаману Гр. Федорову и к войску запорожскому, в которых он предлагает провести ряд мер по прекращению «набегов и грабительств» гайдамак, указывает на размеры «грабежа». Документы относятся к 1755 г. (с. 281—289, 289—292). Они опубликованы не полностью, а частично — в их существенной части. Интересно по всей обстоятельности и полноте показание гайдамака, мещанина из Елисаветграда Герасима Котляра (с. 295—306). Далее Скальковский подает пять писем польских панов. Первое относится к 1764 г. Это письмо командира отряда народной гвардии Казимира Добржанского кошевому атаману Запорожской Сечи Филиппу Федорову (с. 308, 309), в котором он жалуется на учащение набегов гайдамак во главе с запорожскими казаками на имения польских шляхтичей. Второе написано в момент начала восстания черкасским губернатором Александром Почельским запорожскому кошевому П. Кальнышевскому (с. 309, 310). Характер письма такой же: жалобы на действия гайдамак и их предводителя М. Железняка. Следующие три письма — к П. Кальнышевскому от тарговицкого губернатора Я. Квяткевича (ставшего позже уманским губернатором вместо убитого Р. Младановича), графа Потоцкого и князя Четвертинского — содержат сведения о страхе польских панов перед силой народного движения, об обстоятельствах подавления восстания 1768 г., о продолжении гайдамацкого движения в 70-е годы.

Заключает публикацию документов письмо киевского генерал-губернатора Ф. М. Воейкова к эконому магната Потоцкого (или Четвертинского) Янушгадскому (с. 315) с пред-

писанием об охране имущества от «разграбления» гайдамаками.

Публикация документов, предпринятая Скальковским, весьма своеобразна. Они являются как бы иллюстративными фрагментами исследования об истории гайдамацкого движения и мерах, принятых по его ликвидации.

Кроме того, в журнале «Киевская старина» было опубликовано несколько документов актового характера, относящихся к периоду гайдамачества, но не имеющих особого смыслового значения. Это два документа из Киевского Центрального архива, подготовленных к публикации В. Щербиной, под названием «Савва Чаленко и Игнат Голоый»³¹. Документ относится к периоду 1735 г., когда Савва Чалый еще был в отряде Верлана: «1735 г. куреня Куреневского Тимко Птух ездил с пашпортом в с. Бужин для поправки на должниках долгов, то в те поры Савка Чаленко, дядекий ватаг повесить приказал» (с. 119). Второй документ — это извлечение из переписки 1743—1744 гг. киевского генерал-губернатора Леонтьева с кошевым атаманом П. Игнатовичем по поводу нападения гайдамацкого отряда под руководством Игната Голоого на кушцов под Немировом.

В. Антонович опубликовал также выписку из Винницких городских книг, относящуюся к биографии С. Чалого³². Это заявление вдовы Чалого для записи в городскую книгу в связи с ее переездом на другое место жительства. Оно содержит в себе много подробностей о судьбе семейства Саввы Чалого, его родственных связях, имущественном положении.

В журнале были опубликованы также выдержки из писем и рапортов Реннина к Кречетникову в заметке Вл. П-ко «К истории Колиивщины»³³.

Наряду с публикацией документальных источников в журнале помещались записи народных преданий, рассказов, легенд о гайдамацком движении. Это записанное М. Васильевым «Предание о Лебединском монастыре»³⁴, «Сказание о Бондаренке по народным преданиям» Ивана Лобана³⁵, «Из рассказов о запорожцах и гайдамаках» Гр. Журина³⁶, «Рассказ современника о приключениях с ним во время Колиивщины» Ф. Рыльского³⁷, «Материалы для истории гайдамачины»³⁸, «Нападения гайдамаков на караитин в Ягодной долине в 1750 г.» А. Полницкого³⁹, «Остатки предания о Гопте»⁴⁰ (перепечатка этой заметки из «Киевлянина» — 1871, № 45) и др.

В целом в журнале «Киевская старина» за весь период его существования было помещено 46 публикаций докумен-

тов, материалов и исследований по истории гайдамацкого движения XVIII в. Все они были подготовлены буржуазными и буржуазно-националистическими авторами, позиция которых в оценке освободительной борьбы народных масс выражена, на наш взгляд, в словах одного из них: «В настоящее время уже твердо установлено, что гайдамацкие движения выросли главным образом, если только не исключительно, на почве религиозных преследований украинского народа со стороны католиков и униатов»⁴¹. Их исследования и публикуемые ими документы должны были убедить читателя в том, что религиозное преследование приводило якобы к фанатической жестокости гайдамаков, к грабежам и убийствам представителей господствующего класса.

Отдельной брошюрой в русском переводе были изданы записки мемуарного характера и польского происхождения. Это воспоминания дочери уманского губернатора Младановича Вероники Кребс под названием «Уманская резня (Записки Вероники Кребс)» — Киев, 1879. Записки подготовил к изданию И. М. Рева, он же написал предисловие, в котором рассматривает события, отраженные в записках, но не дает никаких описаний, комментариев, исторической справки о самом документе. Предисловие занимает 15 страниц (из 36). У Рева встречаем своеобразную для его времени трактовку гайдамацкого движения: «Гайдамаччина — насилие против насилия, а не разбой и грабеж» (с. 2). Издание мемуаров Кребс подготовлено на низком уровне, свидетельства ее не объясняются. Кроме того, И. Рева утверждает о достоверности документа, не учитывая ни происхождения его, ни времени написания (записки появились в конце жизни мемуариста), не сравнивает записки с другими документами подобного содержания.

Подводя итог рассмотрению вопроса о публикациях документальных источников об освободительном движении на Украине в XVIII веке, необходимо отметить следующее:

По принципам археографической обработки и по содержанию все публикации являются сугубо индивидуальными и зависят от издателя и издания, в котором они помещались.

В публикациях много ошибок, не отмечены авторские правки и расхождения с оригиналом.

Практически все опубликованные документы по территориальному признаку относятся к Правобережной Украине.

В дореволюционной археографии преобладающее внимание уделялось документам церковно-религиозного характера.

Документы публиковались выборочно, при произвольном подборе фактов, без внутренней их связи, поэтому они не давали целостного представления о размахе освободительного движения на Украине в XVIII в.

Советская археографическая публикация «Гайдамацкое движение на Украине в XVIII в.»⁴² принципиально отличается от всех дореволюционных публикаций своей методологической основой, методикой подборки и опубликования документов. Анализ ее составляет предмет специального исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Стрельский В. И. Теория и методика источниковедения истории СССР. — Киев: Вища школа, 1976, с. 98.

2. Ленин В. И. Аграрный вопрос и «критики Маркса». — Полн. собр. соч., т. 5, с. 149. Примечание.

3. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Полн. собр. соч., т. 27, с. 407.

4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 62.

5. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 7, с. 339.

6. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 134.

7. Ковальский Н. П. Источниковедение истории Украины (XVI—первая половина XVII века). Часть I. Анализ советских археографических публикаций документальных источников. — Днепропетровск: ДГУ, 1977.

8. Северный архив. 1822, ч. 1—3.

9. Библиотека для чтения. 1849, № 95, с. 145—190.

10. Основа. 1862, март, с. 11—23.

11. Там же, с. 24—28.

12. Там же, 1862, август, с. 1—8.

13. Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1863, кн. 3, с. 1—205.

14. Чтения в историческом обществе Нестора-летописца, 1893, кн. 7, с. 73—211.

15. Записки наукового товариства ім. Шевченка. 1904, т. 57, с. 2—24; т. 59, с. 1—16; 1907, т. 79, с. 94—96.

16. Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. 1—8. — Киев, 1859—1914.

17. Центральный Государственный Исторический Архив в г. Киеве: Путеводитель. — Киев, 1958, с. 233—236.

18. Киевская старина. 1882, май, с. 308—311.

19. Там же, с. 309.

20. П-ко Вл. К истории Колиивщины. — Киевская старина. 1905, март, с. 236—243.

21. Киевская старина. 1882, сентябрь, с. 523—551; октябрь, с. 89—118; 1883, сентябрь—октябрь, с. 254—286.

22. Там же, 1882, октябрь, с. 92.

23. Там же, 1882, март, с. 520—529.

24. Там же, 1882, ноябрь, с. 349—353.
25. Там же, с. 350.
26. Там же, с. 352.
27. Там же, 1882, декабрь, с. 564—568.
28. Там же, 1882, апрель, с. 161—166.
29. Там же, с. 161.
30. Там же, 1885, октябрь, с. 277—318.
31. Там же, 1891, октябрь, с. 119—122.
32. Там же, 1892, август, с. 259—262.
33. Там же, 1905, март, с. 236—243.
34. Там же, 1887, апрель, с. 784—788.
35. Там же, 1882, март, с. 530—537.
36. Там же, 1886, август, с. 758—760.
37. Там же, 1887, январь, с. 51—64.
38. Там же, 1888, ноябрь, с. 307—325.
39. Там же, 1889, май—июнь, с. 332—379.
40. Там же, 1901, июль—август, с. 4—9.
41. Там же, 1893, май, с. 228.

42. Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст. Збірник документів. — Київ: Наукова думка, 1970.

В. И. ШЕВЦОВ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ БРАТЬЕВ СТРОЕВЫХ

Впервые материалы эпистолярного наследия крупного археографа и историка **Павла Михайловича Строева** в сравнительно большом объеме были опубликованы еще в конце двадцатых годов А. И. Андреевым¹. Из представленных здесь писем, адресованных самыми различными лицами на имя П. М. Строева, не могут не привлечь внимания восемь писем его младшего брата **Сергея Михайловича Строева** (1815—1840). Строев-младший, известный в научных кругах под псевдонимом Сергей Скромненко, прожил совсем мало, но сумел оставить глубокий след в русской историографии 30-х годов прошлого века как последовательный сторонник критической («скептической») школы, возглавляемый М. Т. Каченовским². В своих статьях и рецензиях молодой исследователь с завидной активностью и достаточной смелостью критиковал устаревшие позиции дворянской исторической науки, полемизируя с М. П. Погодиным, пропагандировал сравнительно-исторический метод изучения источников, неуклонно отстаивал тезис о единстве исторического развития России и западно-европейских государств³.

Необходимо отметить, что А. И. Андреев располагал для своего издания подлинниками наиболее ранних писем С. М. Строева: первое письмо датировано 11 марта 1835 г., последнее — 4 декабря 1836 г. В этот период времени Строев-

младший уже был вовлечен в литературную полемику с Погодиным по отдельным научным вопросам и приступил к исполнению своих первых служебных обязанностей в качестве правителя дел Археографической комиссии.

К сожалению, А. И. Андрееву не удалось обнаружить ответных писем П. М. Строева к младшему брату, по отношению к которому, судя по всему, он выступал в роли учителя и наставника. Советский исследователь вынужден был ограничиться лишь констатацией того факта, что оригиналы данных писем были возвращены после смерти Сергея Михайловича П. М. Строеву, и признанием того, что дальнейшая судьба их неизвестна. Не смог он отыскать и других каких-либо писем Скромненко.

Между тем тщательное ознакомление с материалами фонда П. М. Строева (№ 291) в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина позволило установить, что здесь хранятся письма С. М. Строева к брату, дагированные более поздним временем — с 13 апреля 1837 г. по 26 февраля 1840 г. Таких писем оказалось всего шесть (зарегистрированы под номерами 278, 293—296, 306), причем последнее написано буквально за три месяца до смерти автора. Ниже приводится текст данных писем с отдельными пояснениями.

№ 1

С. М. Строев — П. М. Строеву

[С.-Петербург]. 13 апреля 1837 г.

Любезнейший братец Павел Михайлович!

Поздравляю Вас с наступающим праздником и желаю встретить и провести его в радости и веселии, которого в Москве, говорят, очень много.

Что скажете вы об издании «Актов экспедиции»^I, которое, вероятно, вы если не прочли, то пробежали? Читали ли Вы критику, написанную в «Библиотеке» Полевым?^{II} Видно, что этот человек вовсе ничего не понимает в этих «Актах» и вообще в том, что важно для нашей истории. И в один месяц можно ли прочесть все четыре тома с толком и дельно? Воображаю Каченовского над «Актами экспедиции»!

Комиссия наша с величайшей радостью приняла Ваше предложение насчет переписки актов из Солик[амского] и Кун[гурского] архивов. Теперь мы собираем мало по малу

из разных мест летописи. Жаль, что работать некому, а дела много. Я вовсе почти не имею времени, потому что у меня образовалась целая канцелярия с тех пор, как я получил место правителя дел комиссии. Один Яков Иванович^{III} трудится. Устрялов^{IV} гонится какою-то невидимою силою к храму бессмертия. На днях его сделали ордин[арным] профессором^V. Вы помните в Москве Коркунова^{VI} он определился к нам «чиновником» и будет заниматься перепискою актов. На днях поступает также к нам Григорович^{VII} (брат священ[ника], издавшего «Белорусский архив») в это же звание.

Исправно ли Вы получаете мой журнал ^{VIII} здесь он никогда не опаздывает; в нем есть хоть одно достоинство — аккуратность. Первого мая Греч^{IX} едет в чужие края на четыре месяца. Ему поручается от м[инистерства] фин[ансов] смотреть реальные школы во Франции и в Германии.

Прощайте, любезнейший братец; весь Ваш

С. Строев.

Мое усердное почтение Олимпиаде Петровне и Анне Анисеевне^X; племянницам и племянникам поклоны, равно как и от Владимира^{XI}.

(Автограф. ОР ГБЛ. Фонд П. М. Строева (№ 291), к 2250, эд хр. 40, лл. 67, 68 об).

I. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук (в 1828—1834 гг.). Т. 1—4. Спб., 1836.

II. Рецензия Н. А. Полевого (анонимная) на издание актов экспедиции появилась в «Библиотеке для чтения», в особом разделе под названием «Критика» (см.: Библиотека для чтения, 1837, т. 21, ч. 2, № 4, с. 41—80). Нельзя не удивляться тому, что эта рецензия, написанная в благожелательном тоне, с признанием заслуг П. М. Строева в осуществлении публикации актов, вызвала столь негативную реакцию его младшего брата.

III. Беренников Я. И. являлся членом Археографической комиссии, а с 1838 г. стал главным ее редактором; участвовал в подготовке и издании названных «Актов», «Полного собрания русских летописей», «Актов юридических» и т. д.

IV. Н. Г. Устрялов совмещал преподавательскую деятельность в Петербургском университете с работой в Археографической комиссии.

V. Устрялов стал профессором русской истории в Петербургском университете в 1834 г., но в ординарные профессора был избран лишь в 1836 г., после издания его «Русской истории» — см. об этом: Устрялов Н. Воспоминания о моей жизни. — Древняя и новая Россия, 1880, т. XVII, с. 623.

VI. Коркунов Михаил Андреевич (1806—1858), историк, впоследствии член Академии наук.

VII. Речь идет об известном слависте В. И. Григоровиче, брате И. И. Григоровича (1792—1852), археографа и историка Белоруссии, с 1837 г. члена Археографической комиссии, составителя первого белорусского археографического сборника «Белорусский архив древних грамот».

VIII. С. М. Строев сотрудничал в «Журнале министерства народного просвещения», выступая с рецензиями на отдельные книги.

IX. Греч Н. И., журналист и писатель.

X. Жена и теща П. М. Строева.

XI. Младший из братьев Строевых.

№ 2

С. М. Строев — П. М. Строеву

[С.-Петербург]. 2 ноября 1838 г.

Любезнейший братец Павел Михайлович!

Пишу Вам позднее, нежели думал и обещал, но мне хотелось написать Вам вернее, и потому я замедлил несколькими днями.

Князя^I нашел я как нельзя лучше расположенным к Вам: он мне сказал, что у него осталось бы на совести, если бы Вы не были награждены за труды Ваши в Москве. Я объяснил ему Ваши предложения; он отвечал мне, что для Комиссии Вы были бы здесь неоцененны; но что министр^{II} едва ли согласится представлять государю об оставлении Вам пенсии и о назначении Вам жалования из государственного казначейства, ибо комиссия сама не имеет сумм; в декабре Вас (зачислить—В. Ш.) отсутствующим членом с оставлением пенсии и со считанием в службе можно будет. Вот Вам истинное положение дела: решайтесь на последнее. Если Вы опасаетесь, что Вас могут потребовать в Петербург, то это пустое опасение: в таком случае Вы подадите в отставку. Впрочем, это никогда не может случиться. — Бередников Вам кланяется и ждет от Вас ответа. — Если бы у Вас был лишний экз[емпляр] списков к каталогам Толстого и Царского^{III}, Вы очень бы одолжили меня отдачею их Мишеньке для присылке мне. Мои затерялись. Всем Вашим от меня поклон. Здесь ужасная скука.

Весь Ваш

С. Строев.

Вам кланяется Холчинский.

(Поперек исписанного листа (л. 97 об.) рукою С. М. Строева: «Впрочем, приезжайте сюда сами; очень может быть, что налицо Вы скорее устроитесь с министром, нежели заочно».

На обратной стороне листа тем же почерком: «Нужное. Милостивому государю Павлу Михайловичу Строеву»):

(Автограф. ОР ГБЛ. Фонд П. М. Строева, (№ 291), к. 2250, ед. хр. 40, лл. 97—97 об.).

I. П. А. Ширинский-Шахматов (1790—1853), бюрократ и крайний реакционер, являлся председателем Археографической комиссии в 1836—1850 гг.

II. С. С. Уваров.

III. П. М. Строев подготовил и издал описание рукописей и старопечатных книг библиотек Ф. А. Толстого и И. Н. Царского.

№ 3

С. М. Строев — П. М. Строеву

(Письмо не датировано).

Любезнейший братец Павел Михайлович!

Поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам всего, что только при таких случаях желается. Другое поздравление с наградою: Вам дан бриллиантовый перстень. Так как слава — дым, то если Вам захочется получить из кабинета деньгами, я берусь Вам устроить, только напишите немедленно. У меня есть там один знакомый, который тотчас все уладит. За перстень в 1500 рублей выдается 1200; а бриллианщику обыкновенно предлагают менее тысячи.

Отец протоиерей Григорович^I получил также перстень, равно как путешествующий корреспондент Соловьев^{II}. Об Якове Ивановиче еще неизвестно. Мне закли в действительную службу время моего корреспондентства.

Князь поручил мне сказать Вам, что на днях он будет отвечать Вам на Ваше письмо, чего не мог доселе сделать по некоторым причинам. Краевский^{III} вышел из министерства; Устрялов по-прежнему ничего не делает, исключая того, что зевает. Отец протоиерей — прекрасный человек; очень трудолюбивый, без затей; мы с ним работаем вместе. Что сказать Вам о Якове Ивановиче? Он стал смешон до крайности. Это — олицетворенная непосредственность, которая даже не золотая. Он хотел бы все сделать один, и ему досадно видеть, что и другие способны работать. Советую Вам быть осторожнее с этим человеком. Прочтите его предисловие к «Актам юридическим»; оно прошло еще до моего вступления в комиссию; иначе ему бы не быть напечатанному. В рецензии^{IV} на акты, которую я написал для журнала на-

шего министерства, я старался распутать дело и показать, каким образом составлялась эта коллекция; не знаю пропустят ли.

Когда приедете в Петербург, надеюсь, остановитесь у меня; одна из моих комнат к Вашим услугам.

Прощайте, любезнейший братец; желал бы видеть Вас в Петербурге. Всем Вашим поклон; книги Царского получил и некоторые разослал; другие подарю князю и некоторым членам.

Весь Ваш

Строев.

(На обратной стороне рукою Строева С. М.: «Его высокоблагородию Павлу Михайловичу Строеву. **Нужное**»).

(Автограф. ОР ГБЛ. Фонд П. М. Строева (№ 291), к. 2250, ед. хр. 40, лл. 99, 100).

I. И. И. Григорович.

II. С. В. Соловьев исследовал архивы и библиотеки Швеции и Дании, отыскал рукопись сочинения Г. Котошихина на шведском языке.

III. А. А. Краевский.

IV. Рецензия С. М. Строева без подписи появилась в «Журнале министерства народного просвещения» (1838, ч. 20, № 12). По поводу издания «Актон» здесь, в частности, говорилось: «Сии драгоценные акты, заимствованные из разных библиотек, архивов, монастырей, церквей, разных присутственных мест и от частных лиц и изданные с собственными дополнениями комиссии, представляют весьма много исторических и литературных данных, объясняющих нашу древнюю историю и словесность; они знакомят с характером и оригинальностью наших исторических материалов и представляют любопытную картину опыта наших предков с XIII по XVII век» (с. 614).

№ 4

С. М. Строев — П. М. Строеву

С.-Петербург, 10 января 1839 г.

Любезнейший братец Павел Михайлович!

По получении письма Вашего в воскресенье вечером я отправился на другой день в департамент^I для узнания о вашем определении; но о нем никто ничего не знает. Я нарочно пошел к князю, сказывал ему о Вашем приезде, но и он об определении не говорил мне ни слова. Оно весьма возможно, ибо, как я писал к Вам еще в октябре, на Ваши первые условия были согласны; однако же официального ничего нет. Вероятно, князь ждет удобного случая для представления министру, а Бередников слишком поторопился написать Вам. Но нет сомнения, что это не есть его выдумка,

ибо такой фокус был бы слишком груб и к тому же не принес бы ему никакой пользы. Приезд Ваш может наилучшим образом разрешить это дело.

Перстень Ваш отправлен уже в Москву; Вы получите его из канцелярии гражданского губернатора; привозите его с собою, мы сбудем его в кабинет.

К приезду Вашему все готово; привозите с собою только чайную и столовую ложку, а все прочее найдете в исправности. Жду Вас тотчас после 15-го числа, впрочем, чем скорее, тем лучше. До свидания.

Весь Ваш

Строев.

Всем Вашим мой поклон.

(Автограф. ОР ГБЛ. Фонд П. М. Строева (№ 291), к. 2250, ед. хр. 40, лл. 100, 101 об.).

1. Департамент народного просвещения.

№ 5

С. М. Строев — П. М. Строеву

[С.-Петербург], янв[аря] 18, [1840 г.]

Любезнейший братец Павел Михайлович!

Прилагаемое при сем письмо от князя, конечно, объяснит Вам загадку. Я получил его вчера от князя и думал не отсылать до Вашего приезда, полагая Вас уже в дороге. Яков Иванович был у меня и говорил мне, что князь сказывал ему то, что он писал к Вам. Вы знаете, что князь не утверждает членов комиссии, это право министра, след[овательно], Беренников несколько поспешил написать к Вам.

Впрочем, во всяком случае, советую Вам приехать сюда, министр не может сделать каких-либо препятствий, когда Вы лично переговорите с ним. Приняв это к соображению, равно и письмо князя, Вы легко можете решить, что лучше предпринять! Я Вас жду, ибо уверен, что всё дело может быть уяснено только личным переговором между министром, князем и Вами. — Комната Ваша совсем готова; я Вас ждал завтра. Всем Вашим мой усердный поклон. У нас большие холода; я был несколько дней болен, сегодня вышел первый день. До свидания.

Весь Ваш

Строев.

(Автограф. ОР ГБЛ. Фонд П. М. Строева (№ 291), к. 2250, ед. хр. 40, лл. 103, 103 об.).

С. М. Строев — П. М. Строеву

[С.-Петербург], 26 февраля 1840 г.

Любезнейший братец

Павел Михайлович!

Я получил письмо Ваше на прошлой неделе, и к величайшему сожалению моему оно пришло в такое время, когда я, по болезни, не езжу в заседания комиссии. Вот уже месяц, как я не выхожу из комнаты и, вероятно, до весны просижу в четырех стенах.

Мы очень благодарны Вам за доставление актов. Не знаю, достанется ли что-нибудь на мою долю из присланных Вами 60 актов: я издаю «Царствование Михаила Федоровича»*. Материалов будет листов на 60 печатных, да если от Вас получить несколько актов, то выйдет препорядочный том.

Что же касается до имен настоятелей, то в разобранных мною бумагах они встречались весьма редко, да и притом столь известные, что я не считал за нужное выписывать их. Теперь все коллекции, находившиеся в комиссии, разобраны мною и нет надежды, чтобы присылались новые. Впрочем, если что будет, то я не примину исполнить желание Ваше.

Вы не поверите, как скучно быть больным; все как-то не так делается, как бы хотелось. Только когда бываешь болен, чувствуешь всю цену здоровью.

Всем Вашим от меня поклон. Вы совсем забыли Петербург; я думал, что Вы будете нынешней зимой к нам, ведь Вы уже не видали Петербурга с 1836 года!

Прощайте, любезнейший братец Павел Михайлович! Остаюсь преданным Вам братом

Сер. Строев.

(Автограф. ОР ГБЛ. Фонд П. М. Строева (№ 291), к. 2250, ед. хр. 40, лл. 123, 124).

* Судьба этого издания неизвестна. Вероятно, Строев не успел его завершить.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Из переписки П. М. Строева. Собищ. А. И. Андреев. — В сб.: Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 годы. Вып. 35. Л., Из-во АН СССР, 1929, с. 177—232.

2. Краткие сведения о С. М. Строеве, а также просто упоминания о нем см.: Библиотека для чтения, 1835, с. 20, 21; Сын отечества и Северный архив, 1836, № 10, с. 183—189; Москвитянин, 1841, ч. III, № 6, с. 490, 491; Погоди н М. П. О скептическом поветрии. — В кн.: Погоди н М. Исследования, замечания и лекции... о русской истории, т. I. М., 1846, с. 324—446.

Справки биографического и библиографического характера можно встретить в энциклопедических словарях: Русский биографический словарь. — Семейский-Суворина. Спб., 1909, с. 536, 537; Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. — Спб., 1901, т. 62, с. 806, 807; см. также: Гурьянов В. П., Сорокин В. В. Биографический словарь университетских товарищей Беллинского. — Литературное наследство, т. 56. — М.: Из-во АН СССР, 1950, с. 435.

Из специальной историографической литературы необходимо отметить следующие работы: Иконников В. Скептическая школа в русской историографии и ее противники. — Киев, 1871. Анализ данной работы см.: Шевцов В. И. «Скептическая» школа М. Т. Каченовского в оценке В. С. Иконникова. — В кн.: Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. — Днепропетровск: ДГУ, 1976; Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. — Спб., 1878; Миллюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. — М., 1898, с. 290; Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. 2, кн. 1. — Киев, 1908, с. 362; Багалей Д. И. Русская историография. — Харьков, 1911, с. 142; Рубинштейн Н. Л. Русская историография. — М.: Госполитиздат, 1941, с. 241; Очерки истории исторической науки в СССР, — М.: Изд-во АН СССР, 1955 т. 1, с. 317. Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Под ред. В. Е. Илларионого и И. А. Кудрявцева. — 2-е изд. — М.: Высшая школа, 1971, с. 157; Сахаров А. М. Историография истории СССР: Досоветский период. — М.: Высшая школа, 1978, с. 108.

3. Строев С. О пользе изучения российской истории в связи со всеобщей. — Учен. зап. Московского ун-та, 1833, № 4—7; Критический взгляд на статью под заглавием «Скандинавские шаги», помещенную в первом томе «Библиотеки для чтения». М., 1834; О недостоверности древней русской истории и ложности мнения касательно древности русских летописей. — Спб., 1834; О мнимой древности, первобытном состоянии и источниках наших летописей. — Спб., 1835; О первобытном виде и источниках ныне нам известных летописей. — Сын отечества и Северный архив, 1835, т. 48, ч. 170, № 11; Кто писал ныне нам известные летописи? — Сын отечества и Северный архив, 1835, т. 47, ч. 169, № 3; Рукопись Филарета, патриарха Московского и всея России. М., 1837. — Сын отечества и Северный архив, 1837, ч. 185 и др.

СОДЕРЖАНИЕ

Кучернюк Н. Ф., Ковальский Н. П. Документальные источники о русско-украинских связях периода освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. в археографической публикации «Воссоединение Украины с Россией» (т. II—III)	3
Болебрух А. Г. Использование В. Н. Татищевым летописных известий о народных восстаниях Киевской Руси в «Истории Российской»	13
Ковальский Н. П. Источники по истории Украины XVI — первой половины XVII в. во львовских археографических изданиях XIX — начала XX века	29
Плохий С. Н. К вопросу об источниковой основе сочинения П. Шевалье по освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг.	48
Мыцык Ю. А. Вопросы публикации текста «Кройники» Федосия Софоновича	58
Князьков Ю. П. Некоторые вопросы публикации украинского хронографа	75
Швидько А. К. Анализ дореволюционных публикаций документальных источников по истории освободительного движения на Украине в XVIII веке	83
Шевцов В. И. Из переписки братьев Стрелевых	102